

Российской государственной педагогический университет
им. А.И. Герцена

Я.И. Гилинский

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

Монография

УДК 343.9

ББК 67.51

Г 47

Я.И. Гишинский

Г 47

Социальное насилие: Монография / Я.И. Гишинский. –
ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013. СПб. – 185 с.

ISBN 978-5-9059-6612-5

Войны и насильственная преступность сопровождают человечество всю его историю и давно служат предметом изучения историков, политиков, юристов. А вот «воспитательное» насилие, насильственные действия государства против своих граждан, экономическое насилие стали объектом пристального внимания лишь в XX веке. В предлагаемой монографии автор предлагает свой взгляд на социальную природу насилия и его различных проявлений. Книга может представлять интерес для социальных философов, социологов, политологов, юристов и всех, интересующихся проблемой насилия в современном обществе.

ББК 67.51

ISBN 978-5-9059-6612-5

© Гишинский Я.И., 2013
© ИД «Алеф-Пресс» СПб., 2013

Предисловие

История человечества — история зла на земле
В. Швебель

Насилие встроено в систему
Д. Беккер

Вся история человечества —
одно сплошное преступление
А. Макаревич

Насилие — в различных его проявлениях — *неотъемлемая составляющая (элемент) общественного бытия*. Принято считать, что в современном мире наблюдается эскалация насилия. Однако возможно, что такое впечатление (*omnia opinia doctorum!*) объясняется не столько реальным увеличением «массы» насилия, сколько, во-первых, интуитивно осознаваемой угрозой существованию человечества в условиях, когда имеются средства, достаточные для уничтожения всего живого на Земле, а, во-вторых, толерантностью населения цивилизованных стран, чья мораль не приемлет насилия¹. Кроме того, лишь со временем осознается *тотальность* насилия.

Социальное насилие носит *системный* характер, оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая «культурное насилие» (J. Galtung), «воспитательное насилие» (W. Benjamin, N. Luhmann, K. Schorr), «насилие экономики» (N. Luhmann), «структур-

¹ Hassner P. La violence et la paix. De la bombe atomique au nettoyage ethnique. Edition Esprit, 1995.

ное насилие» (безличное, когда убивают не конкретные субъекты, а весь социальный строй, J. Galtung), криминальное насилие. Да и само «право поражено насилием» (W. Benjamin). В конечном счете, «насилие встроено в систему» (D. Becker). О системном насилии пишет и С. Жижек (S. Žižek), чьи взгляды будут подробнее изложены ниже.

Между тем, в политологической, социологической, юридической, психологической науках не прекращаются дискуссии о самом понятии «насилие», его природе (биологической, психологической, социальной), генезисе, возможностях минимизации.

Только в процессе работы над этой темой автор начал осознавать ее безмерность. *Тотальность и многоликость насилия* в мире людей обуславливает принципиальную невозможность его более или менее полного описания и объяснения. Автор осознает, что тема насилия заслуживает многоотомного исследования, а это ему уже не под силу (не по возрасту...). Отсюда — неизбежная неполнота, фрагментарность изложения, несоразмерность отдельных частей, почти отсутствие исторического рассмотрения излагаемых проявлений насилия. Между тем, льщу себя надеждой, что эта работа, наряду с трудами других исследователей (В. Беньямин, Й. Галтунг, С. Жижек, Р. Жирар, Н. Луман, Э. Фромм и др.), привлечет внимание российских коллег, прежде всего — молодежи, к углубленному анализу этой воистину жизненно важной проблемы. В частности, как пишет К. Йовайчис, «вечность и неизбежность насилия не исключает, а предполагает необходимость решить задачу его частичной профилактики»².

Ниже излагается *мое* видение самой проблемы и феноменологии насилия, в том числе, в современной России³. Без претензии на «истину». Как писал великий физик Нильс Бор, «каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос». При написании предлагаемой монографии автор использовал и свои ранее опубликованные работы, дополнив их сегодняшними представлениями, фактами, литературными источниками.

Приношу неизменную благодарность Н.Н. Проскурниной за критические замечания по рукописи и составленную библиографию.

² Jovaišas K. Smurto šeimoje prevencija: iliuzijų anatomija. Vilnius: Eugrimas, 2009. P. 370.

³ Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 201-210; Tsytarev S., Gilinsky Y. The Roots of Violence in Modern Russia: A Psychocriminological Analysis. In: Adler L., Denmark F. (Eds.) International Perspectives on Violence. Praeger Publishers, 2004. Pp. 225-240.

Часть I. Теория и методология

Глава 1. Человек человеку волк?

Волк волку человек
И. Эренбург

Человек является единственным
видом, в котором борьба носит
уничтожающий характер.
Н. Тинберген

В буквальном смысле слова *жизненно* важная проблема насилия породила обширнейшую литературу и науку о нем — виолентологию (от лат. *violentia* — насилие) или вайоленсологию (от англ. *violence*). В России только за последние годы издан ряд фундаментальных трудов, посвященных широко понимаемой проблеме насилия (не считая многочисленных работ по отдельным проявлениям социального насилия — насильственной преступности, терроризму, экстремизму, торговле людьми и др.)⁴. При этом само понятие «насилие» остается многозначным и дискуссионным.

⁴ Аснер П. Насилие и мир: От атомной бомбы до этнической чистки. СПб.: Всемирное слово, 1999; Бассиони К. Воспитание народоубийц. СПб.: Академический проект, 1999; Дмитриев А.В., Зальсин И.Ю. Насилие: Социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000; Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010; Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000; Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М.: Водолей, 2009; Кутай А.И. Насилие в контексте современной культуры. СПб.: РНБ, 2000.

Наиболее широким является понимание *насилия* как *поведения, наносящего вред другим*⁵; как *принуждение, ограничение свободы выбора, «узурпация свободной воли»*⁶; как *принудительное воздействие на кого-либо*. Более узкое (юридическое) понимание ограничивает насилие причинением *физического, психического или материального (имущественного) вреда*. Наконец, в самом узком смысле под насилием понимается причинение *физического вреда, нарушение физической неприкосновенности*. Однако, как мы увидим далее, представление о *системном насилии* существенно расширяет наше знание о нем.

Не меньше споров о *природе* насилия: имеет оно преимущественно биологическое, животное происхождение или же — социальное.

Врожденная агрессивность?

Для ответа на этот вопрос необходимо развести природную *агрессивность* и социальное *насилие*. Начнем с агрессивности.

«Какое зверское убийство!», «Нечеловеческая жестокость!», — восклицаем мы, в который раз услышав об особо жестоком преступлении. «Не человек, а зверь!» — говорим о серийном убийце, насильнике, садисте. И в голову не приходит при этом, что мы клеветаем на зверей...

Вместе с тем, вряд ли случайным является то обстоятельство, что не только на уровне обыденного сознания, но и в научных трудах до сих пор насильственные действия нередко объясняются биологическими, врожденными свойствами человека как представителя рода *Homo Sapiens*: агрессивностью, злобностью и т.п.

Когда встречаешься с категорическими утверждениями: «склонность к агрессивному поведению является неистребимым инстинктом человеческой природы»⁷, «пагубный по своим раз-

⁵ Tutt N. (Ed.) *Violence*. L.: Her Majesty's Stationary Office, 1976. P. 613. Аналогичным образом психологи определяют агрессию, как «намеренное причинение вреда другому» (Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. М.: Педагогика, 1986. С. 366).

⁶ Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. №6. С.36.

⁷ Freud S. Arguments for Instinct of Aggression and Destruction // Abstracts of S. Freud. Parkville, 1971. Vol. XXI. P. 152.

мерам агрессивный инстинкт... и по сей день сидит у нас, людей, в крови»⁸, «человек по своей природе хищник, врожденным и естественным инстинктом которого является убийство»⁹, «мы менее агрессивны, чем гориллы, но более агрессивны, чем бабуины, шимпанзе и гиены»¹⁰ и т.п. — может возникнуть желание столь же категорично их опровергнуть. Для этого есть два пути: противопоставить врожденной агрессивности врожденный альтруизм (как это делает, например, В.П. Эфроимсон) или же (вслед за Н.П. Дубининым) отрицать врожденность, генетическую запрограммированность и агрессивности, и альтруизма.

Представляется, однако, что проблема заслуживает более пристального рассмотрения.

Во-первых, многие недоразумения возникают из-за различного понимания самого понятия «агрессивность». Если агрессивность отождествляется с «жизненной силой», «жизненной энергией» (Г. Селье), «воинственным энтузиазмом» (К. Лоренц), активной самозащитой и т.п., то, очевидно, агрессивность присуща всем животным и человеку. Но тогда теряется, размывается сама специфика агрессивности, агрессивного поведения. Вряд ли можно считать собственно агрессивным поведение хищника по отношению к жертве, поскольку с не меньшим основанием «агрессором» предстает заяц, поедающий капустные листья или морковь.

Во-вторых, сам факт происхождения человека из животного царства обуславливает то, что человек не может освободиться полностью от свойств, присущих животному, и речь может идти только о том, имеются ли эти свойства в большей или меньшей степени, тождественны ли они или существуют качественные различия.

Поэтому, очевидно, перспективно исследование особенностей (условий) проявления агрессивности человека, а не принципиальный отказ от возможности какого бы то ни было сравнения ее с агрессивным поведением животных. Так, согласно экспериментальным данным, «изоляция щенков и детенышей обезьян от их матерей и сверстников приводит к развитию тяжелой депрессии, общего угнетения, накладывающего неизгладимый отпечаток на всю последующую жизнь животного, его поведение и отношение

⁸ Lorenz K. Das sogenannte Böse. Wien, 1965. S. 64.

⁹ Ardrey R. African Genesis. NY, 1967. P. 322.

¹⁰ Уилсон Э. «Степень животности» // Диалоги: (Политические статьи о возможных последствиях развития современной науки). М., 1979. С. 157.

к окружающему миру. Нередко это вызывает повышенную агрессивность и «антисоциальное» поведение. Отнюдь не отождествляя агрессивность собак и обезьян с поведением человека, можно все же утверждать, что изучение индивидуального развития высших животных представляет несомненный интерес для анализа так называемой «немотивированной» агрессивности подростков, ставившей в тупик криминологов и педагогов»¹¹.

В-третьих, внутривидовая агрессия как раз в меньшей степени присуща животным, чем человеку. И если К. Лоренц считает, что «внутривидовая агрессия у людей представляет собой совершенно такое же самопроизвольное инстинктивное стремление, как и у других позвоночных животных»¹², то большинство зарубежных авторов подчеркивают исключительность массовой внутривидовой агрессии и убийств среди животных (Е. Артцт, Ш. Волин, Н. Тинберген, Р. Хартогс и др.). Во всяком случае, у животных акты внутривидовой агрессии редко заканчиваются смертельным исходом, поскольку действуют надежные механизмы, предотвращающие убийство себе подобных: сигналы «капитуляции» немедленно прекращают самую жестокую схватку. «Агрессивности ради агрессивности у животных, по-видимому, вообще не существует... Борьба между животными одного и того же вида не имеет своей целью смерть противника; как правило, она не сопровождается кровопролитием и прекращается при отступлении одного из конкурентов»¹³. Исследования показали, в частности, что борьба между обезьянами (наиболее близкими к человеку по степени агрессивности) ограничивается угрозами, укусами, ранениями соответственно как 1000:50:1.

Наконец, и это — главное, агрессия и убийство среди животных всегда *инструментальны*: из-за пищи, из-за самки, при защите детенышей, при «самообороне» (т.е. «*витально обусловлены, необходимы*»), но никогда не превращаются в самоцель, не бывают, как у людей, «просто так», «куражу ради», «по пьянке», «из хулиганских побуждений». Если волк вынужден есть зайца, а заяц — капусту, то человек уничтожает и тех и других «ради спортивного интереса»...

¹¹ Симонов П. Степень человечности // Диалоги. С. 166. См. также: Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация. М., 1984. С. 41.

¹² Lorenz K. On aggression. NY, 1967. P. 9.

¹³ Симонов П. Знание - против зла // Диалоги. С. 269.

И не заставляет ли задуматься при объяснении человеческих пороков животными инстинктами «тот факт, что намеренное убийство особей своего вида отсутствует в мире животных, а черепа первобытных людей, проломленные каменным топором, находят в одном археологическом слое с первыми каменными топорами»¹⁴.

Со времен первых каменных топоров средства взаимного уничтожения людей непрестанно совершенствовались. По неполным подсчетам, с 3600 г. до н.э. по настоящее время (т.е. более чем за 5600 лет) на Земле было всего 300 мирных лет, свыше 15 тыс. войн, унесших около 3,5 млрд. человеческих жизней. Только за 80 лет ушедшего XX в. в мире произошло свыше 150 войн («малых»!), стоивших человечеству более 100 млн. жизней. В книге Р. Hassner приводятся данные Р. Руммела, согласно которым за 87 лет минувшего столетия помимо 39 млн. жертв межнациональных и гражданских войн, около 151 млн. человек были уничтожены собственными правительствами. По оценке Н. Kressel, лидеры стран («спонсоры убийств»), принесли в жертву: СССР (1917-1987) — 61,9 млн. человек, Китай (1928-1987) — 45,2 млн., Германия (1934-1945) — 20,9 млн., Япония (1936-1945) — 5,8 млн., Камбоджа (1975-1978) — свыше 2 млн. человек и т.д.¹⁵ Какие хищники животного мира могут похвастаться столь массовым уничтожением сородичей?!

Насилие в человеческом обществе отличается от агрессивности животных не только масштабами, не только отсутствием «витальной необходимости», но и тем, что оно сопровождается *враждебным отношением*¹⁶ к объекту насилия (волк не испытывает «вражды» к зайцу) и далеко не всегда носит инструментальный характер. Итак, *агрессия* присуща всему живому, *насилие* — только человеку. Впрочем, *качественное* отличие насилия от агрессии признается не всеми авторами¹⁷.

О несостоятельности объяснений человеческой агрессивности и насилия «животным» происхождением свидетельствует и отно-

¹⁴ Симонов П. Ошибки биологического пессимизма // Диалоги. С. 149.

¹⁵ Kressel N. Masse Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996. Pp. 252-253.

¹⁶ См. также: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. М.: Педагогика, 1986. С. 367.

¹⁷ Goldstein A., Segall M. (Eds.) Aggression in Global Perspective. Pergamon Press, 1983. p. 23.

шение к детям. Так, «избирательно хорошее отношение к собственному ребенку и неприязнь к ребенку «не своему» (скажем, к ребенку супруги от первого брака) часто объясняют «голосом крови», «животным инстинктом». Между тем многие животные легко принимают к себе детенышей даже других видов, кормят, защищают, обучают их, как собственных. Отсюда можно сделать вывод, что у человека деление детей на «своих» и «чужих» возникло в ходе общественного развития, а не является результатом его «животного» происхождения»¹⁸. Более того, именно у людей наблюдается усиливающаяся агрессивность по отношению к собственным детям, и насилие над детьми (своими и чужими), которое приняло в современном мире катастрофический характер¹⁹.

Так что, в-четвертых, «если проявление истребительной внутривидовой агрессивности — это специфическая особенность человека, то разве не логично искать причины этой специфической черты в том, что характерно именно для человека, что его отличает от животных, а не в том, что его роднит с ними?». Очевидно, что «специфические особенности агрессивности у человека есть следствие специфических же для человека условий жизни, т.е. следствия особенностей той социальной среды, которую он в процессе своего исторического развития для себя создал. При таком понимании проблема причин агрессивности превращается в проблему исследования тех социальных причин, которые агрессивность вызывают»²⁰.

Однако прежде чем перейти к действительно необходимому исследованию социальных причин агрессивности и насилия в обществе, остановимся, по необходимости кратко, на истоках и агрессивности, и насилия в контексте некоторых фундаментальных за-

¹⁸ Симонов П. Степень человечности // Диалоги. С. 170-171.

¹⁹ См., например: Положение детей в мире 2011. Доклад UNICEF // URL: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=gmail&attid=0.8&thid=13c0f7c1a1d76d0b&mt=application/pdf&url=https://mail.google.com/mail/?ui%3D2%26ik%3D135c552dcb%26view%3Datt%26th%3D13c0f7c1a1d76d0b%26attid%3D0.8%26disp%3Dsafe%26zw&sig=АНIEtbTpOBtv6S6ljO4HCwRZ-wbnsWw3TA> (дата обращения 15.10.2012); Ефремов А.М. Жертвы жесткости – дети. М., 1985; Пудовочкин Ю.Е. Преступления против несовершеннолетних: криминологический анализ. Ростов-н/Д., Ставрополь, 2004; Черная книга преступлений против детей в Санкт-Петербурге. Факты. Документы. Комментарии. СПб., 1994.

²⁰ Бассин Ф. Тяжкое бремя легких аналогий // Диалоги. С. 51, 55.

кономерностей Мира. Это позволит лучше понять подлинное соотношение биологического и социального в изучаемых явлениях, прояснить биологические (естественные, природные) предпосылки социальности.

Немного физики и «метафизики»

И человечество, и человеческое общество — лишь мимолетные этапы, фрагменты Единого мирового процесса самодвижения, самоорганизации материи²¹.

Самодвижение Вселенной (гипотетически — от первичной сингулярности и Большого Взрыва до «схлопывания»...) осуществляется в двух основных формах: самоорганизации (убывание энтропии, повышение негэнтропии и степени организованности, упорядоченности) и самодезорганизации (возрастание энтропии, хаотичности, снижение уровня организованности). Количественно определяемым критерием направленности развития (изменения) системы может служить энтропия — ее возрастание свидетельствует о преобладании нисходящих, регрессивных, дезорганизационных процессов, а уменьшение — о преобладании восходящих, прогрессивных процессов, повышении уровня организованности.

Процесс *развития* можно представить как уменьшение энтропии и увеличение негэнтропии в развивающейся системе. Уменьшение энтропии возможно за счет накопления информации. При этом, однако, «уменьшение энтропии в самой самоорганизующейся системе может иметь место лишь за счет ее увеличения в среде»²². Поэтому, кстати говоря, в условиях *изоляции* системы (например, человека или же — общества) происходит ее *деградация*...

Единство и взаимодействие (дополнительность) процессов организации и дезорганизации, созидания и разрушения, негэнтропийных и энтропийных, возникновения и гибели («добра» и «зла», «ян» и «инь») — суть проявления объективной диалектики бытия материального мира.

²¹ Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М., 1987. С. 11, 19, 63 и др.

²² Маркарян Э.С. Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник. 1980. М., 1981. С.149.

Диалектика энтропийных и негэнтропийных процессов предполагает неравномерное их распределение в пространственно-временном континууме Вселенной. Одним из «островков» относительного преобладания негэнтропийных, информационных процессов стала Земля, породившая эволюционирующий ряд информационно-генерирующих процессов, вершиной которых явилась деятельность общественного человека. Биосфера в целом выступает как антиэнтропийная система.

Так вырисовывается и «функция» человечества в мире, образно сформулированная Н. Винером: «Мы плывем вверх по течению, борясь с огромным потоком дезорганизованности, который, в соответствии со вторым законом термодинамики, стремится все свести к тепловой смерти, всеобщему равновесию и одинаковости... В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы»²³. В рассматриваемом отношении общество представляет собой высшую — из известных — форму развития негэнтропийной тенденции живой природы. Как же осуществляется эта тенденция?

Существование любой системы (в том числе общества) есть процессирующее тождество сохранения и изменения. Чем выше уровень организации (организованности) системы, тем динамичнее ее существование и тем большее значение приобретают *изменения как «средство» сохранения*. Неравновесность, неустойчивость становятся источником упорядоченности (по И. Пригожину, «порядок через флуктуации»). Впрочем, об этом догадывался еще Тит Лукреций Кар, который в своей философской поэме «*De rerum natura*» («О природе вещей») провидел роль *clinamen* (отклонений) как *conditio sine qua non* (необходимое условие) эволюции мироздания. Он писал об атомах («телах изначальных»):

*Если ж, как капли дождя, они вниз продолжали бы падать,
Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,
То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось,
И ничего никогда породить не могла бы природа*²⁴.

²³ Винер Н. Я – математик. М., 1967. С. 311.

²⁴ Лукреций. О природе вещей. М., 1958. С. 68.

Важнейшим элементом механизма сохранения/изменения служит адаптация (как приспособление к среде и «приспособление» среды). В соответствие со вторым законом термодинамики и принципом возрастания энтропии, повышение уровня организованности системы возможно лишь за счет увеличения энтропии среды, ее дезорганизации («*принцип Расплаты*»²⁵). В целом эволюция Вселенной (во всяком случае, в известной нам части «нашей» Галактики) идет пока по пути усложнения (повышения степени организованности) вновь возникающих, «порождаемых» материей уровней ее организации. Это усложнение, появление все более высоко организованных систем также происходит за счет дезорганизации среды, средовых систем. Проще (и примитивнее) говоря — социум за счет природы. Чем выше уровень организованности системы, тем более энергичны, активны способы ее адаптации.

Возрастание организованности биологических систем происходит следующим образом: «более активные особи, лучше использующие ресурсы внешней среды для роста, жизни и размножения, вытесняют в процессе смены поколений менее активных особей. Более устойчивые особи, т.е. лучше противостоящие различным вредным влияниям, также вытесняют путем преимущественного размножения менее устойчивых особей. В обоих случаях более упорядоченные формы организации с более низким уровнем энтропии вытесняют менее упорядоченные формы организации с более высоким уровнем энтропии»²⁶.

«Возвышение» от физического уровня организации материи до биологического означает появление новых, более эффективных способов адаптации. В процессе дарвиновского (со всеми последующими уточнениями) естественного отбора и «борьбы за существование» повышается информационное содержание, «емкость» биологических систем, степень их организованности. Однако за все приходится платить! «Сохранение всегда достается ценой гибели подавляющей массы его представителей... Для противодействия энтропии хищник вынужден истреблять травоядных животных... Следовательно, хищник как «самоорганизующаяся система» живет за счет дезорганизации травоядных, вызывая эту дезорганизацию в масштабе, оставляющем далеко позади масштаб собственной

²⁵ Принцип, сформулированный автором много лет назад.

²⁶ Шмальгаузен И.И. Кибернетические вопросы биологии. Новосибирск, 1968. С. 139.

самоорганизации»²⁷. Надо ли напоминать, что травоядные столь же активно дезорганизуют мир растений.

Появление в процессе эволюции общественного человека — «средства» самопознания Мироздания (не в этом ли глобальный, космический «смысл» и «предназначение» Человечества?²⁸) — означало переход на новый, социальный уровень ее организации. Однако эта новая система — «общество» — есть результат все того же Единого мирового процесса самоорганизации материи, его этап, момент Истории Вселенной, подчиняющийся ее фундаментальным законам. Сверхадаптация общественного человека осуществляется путем активного «силового» изменения среды. Биологическая «борьба за существование» перерастает в «сверхборьбу за сверхсуществование».

²⁷ Камшилов М.М. Эволюция биосферы. М., 1979. С. 216

²⁸ Понятия «смысл», «предназначение» употребляются метафорически в строго секулярном, не религиозном смысле. — Авт.

Глава 2. Социальное насилие

Человек отличается от животных
именно тем, что он убийца.
Э. Фромм

Человеческое, слишком человеческое...

Дарвинская триада (изменчивость — наследственность — отбор) фиксирует новый, более эффективный «способ» адаптации живых существ по сравнению с «мертвой материей», физическим (добиологическим) уровнем организации мироздания. Род *Homo Sapiens* венчает биологическую пирамиду и служит «ступенью» перехода к более высокому уровню организации материи — социальному. При этом человек остается биологическим существом и несет с собой выработанное в процессе эволюции «наследство», включая агрессивность, которая была ему необходима для того, чтобы выжить и утвердиться на планете среди рогатых, зубастых и клыкастых... Биологическое происхождение агрессивности как эволюционно выработанного средства адаптации и выживания обосновывается современной социобиологией (А. Walsh, Е. Wilson и др.²⁹).

На начальных стадиях антропосоциогенеза «действовал обычный стадный закон: лучшие куски доставались самым сильным, самок и детенышей защищали, а старых и немощных пред-

²⁹ См., например: Walsh A. Biosociology: An Emerging Paradigm. Praeger Publishers, 1995; Walsh A. Biosocial Criminology. Introduction and Integration. Cincinnati OH: Anderson Publishing Co., 2002.

ставителей отдавали в качестве естественной дани на съедение волкам, гиенам и всем тем, кто охотился на двуногих наземных полуобезьян»³⁰.

Но постепенно, с развитием искусственных орудий и общественных способов производительной деятельности, все большую ценность приобретают носители знаний, навыков и умений — первобытные умельцы и мудрецы. И тогда наряду с агрессивней и насилием в обществе начинает действовать запрет «не убий!» как эволюционное «средство» выживания не только «сильнейших», но и «умнейших». Как пишет академик Н.Н. Моисеев, «принцип «не убий!» разрешал противоречия между «сильным» и «умным» в пользу последнего... Жизненной необходимостью стада пралюдей сделалась потребность защищать не только самок и потомство, но и тех, кто был носителем знаний и мастерства или мог бы им стать»³¹. С точки зрения цитируемого автора, возникновение этого запрета и положило предел морфологическому совершенствованию человеческого организма, предел внутривидовому отбору. Развитие рода «человек» перешло на новую — социальную ступень. Адаптация человека как биологического существа «доразвилась» до сверхадаптации социального организма — *общества* (которое само возникло и функционирует как «средство» адаптации Homo Sapiens!). Агрессивность, уходящая корнями в биологию и «подчиняющаяся» биологическим закономерностям, является теперь в форме *социального насилия, обусловленного закономерностями социального развития*, к рассмотрению которых и привел нас исследуемый сюжет.

Общество — та форма, которая служит «средством», обеспечивающем человеческому роду осуществление его «миссии» в мироздании: самопознание материи ее продуктом! Приглядимся пристальнее к тому, как в едином эволюционном процессе становится социальная форма организации материи, как обеспечивается механизм сверхадаптации общественного человека и — какой ценой расплачиваются человек, общество, природа за «сверхмогущество» ее «венца»...

Если способ существования органической, живой материи — суть активность вообще, то в процессе антропосоциогенеза стано-

³⁰ Моисеев Н.Н. Указ. соч. С. 110.

³¹ Там же. С. 111.

вится предметная коллективная сознательная деятельность как способ существования общественного человека. Человеческая деятельность выступает инобытием биологической активности.

«Орудием» природы, «заставляющим» общественного человека в процессе предметной производительной деятельности выполнять свою негэнтропийную функцию, служат потребности, точнее, — неудовлетворенные потребности, — *нужда* (не в этом ли проявляется гегелевская «хитрость мирового разума», который «творит» Историю руками человека?). Именно она определяет содержание деятельности.

Но человек присваивает продукты природы, а также ее «перехватывает», трансформирует, модифицирует, творит «вторую природу» в процессе совместной коллективной деятельности. Так что отношения между человеком и природой — лишь одна сторона человеческой деятельности. Другая же сторона — отношения человека к человеку, общественная коллективная связь людей. Способ связи, отношения между индивидами в процессе их совместной материальной и духовной деятельности³², та форма, в которой эта деятельность протекает, — и составляет сущность социального. Выражением совокупности этих связей и отношений выступает общество как целое, как система.

Люди и их совместная деятельность составляют естественную предпосылку общества как системы. Но, раз возникнув, общество развивается по законам целого. И одним из свойств социальной системы является экспансия, т.е. тенденция к количественному увеличению, росту, расширению и распространению на среду своего экономического, политического, идеологического влияния, в том числе — насильственными средствами³³.

Важнейшим элементом механизма сохранения-изменения служит *адаптация* (как приспособление к среде и «приспособление» среды). Чем выше уровень организованности системы, тем более энергичны, активны способы ее адаптации.

³² Автор, правда, не очень понимает, что такое «духовность», «духовный», но следует в данном случае сложившейся традиции...

³³ Подробнее см.: Айдинян Р.М. Введение в теорию социальной организации: учеб. пособ. Л., 1980. С. 116-119. Вообще же экспансия, как овладение средой, также присуще миру живого (см. работы В.И. Вернадского, А.А. Ухтомского, а также: Грант В. Эволюция организмов. М., 1980. С. 333 и след.).

В результате естественного отбора и «борьбы за существование» повышается информационное содержание, «емкость» биологических систем, степень их организованности³⁴.

«Сверхадаптация» общественного человека осуществляется путем активного *силового* изменения среды. *Биологическая* «борьба за существование» перерастает в *социальную* «сверхборьбу за лучшее существование («сверхсуществование»)».

Возможно, основное отличие сверхадаптации социальных систем от адаптации биологических заключается в том, что общество не столько приспосабливается к среде, сколько приспосабливает ее к себе. Другое дело, что рано или поздно такое «подчинение» среды, природы оборачивается против общества и человека экологическими, техногенными катастрофами.

Все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей: *биологических*, или витальных (в пище при чувстве голода, в питье при жажде, в укрытии от неблагоприятных погодных условиях, сексуальных или в продолжении рода); *социальных* (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); *духовных*, или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, бескорыстное стремление к знанию, творчеству, служению другим людям).

Следует заметить, что хотя в животном мире преобладают *биологические* потребности и возможна «борьба» за их удовлетворение, но у животных, живущих стадами, семьями, стаями, существуют и зачатки «*социальных*» потребностей. И удовлетворение этих потребностей (в статусе, самоутверждении) нередко происходит в результате силовых действий. Так, в борьбе происходит смена вожака волчьей стаи, львиного прайда, семейства обезьян. «Потеря лица», престижа может вести к тяжелым последствиям. Когда главу семейства обезьян покормили его любимыми продуктами, но *после* членов семейства, с ним случился инфаркт. Даже в семействе куриных вылупившиеся из яиц цыплята немедленно определяют свой «статус». Цыпленок первого ранга может клевать всех собратьев, его же — никто. Цыплята второго ранга могут клевать цыплят нижних рангов, но не могут — цыпленка

³⁴ Мы оставляем в стороне споры специалистов по поводу «борьбы» в дарвиновском учении и т.п. Современные понимания эволюции и естественного отбора см.: Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987; Чайковский Ю. К общей теории эволюции // Путь. 1993. №4. С. 101-141.

первого ранга, и т.д. Американские ученые на этом основании разработали «теорию клевков», вполне применимую к человеческому обществу...

Известна роль *социально-экономического неравенства* в генезисе преступности³⁵. В основе социального насилия лежат те же механизмы. При этом в детерминации различных форм социального насилия особую роль играют неудовлетворенные *социальные потребности*: в престиже, статусе, самоутверждении. Если неудовлетворенная витальная потребность приводит к «борьбе за существование», то неудовлетворенная социальная потребность — к «сверхборьбе за сверхсуществование». Насилие выступает раньше и чаще других средств и способов *самоутверждения*, когда в силу различных причин недоступны общественно полезные (или приемлемые), творческие способы. И тогда «как предельный случай самоутверждения — убийство»³⁶.

Даже казалось бы такое «очевидное» по своей мотивации преступление как изнасилование часто служит способом самоутверждения, а не удовлетворения витальной — сексуальной потребности³⁷. (Это теоретическое положение нашло подтверждение в результатах эмпирического исследования: лишь 8,5% опрошенных лиц, виновных в изнасиловании или покушении на изнасилование, указали на половое влечение как мотив преступления³⁸). Вообще «насилие имеет место тогда, когда создается препятствие для полной соматической или духовной реализации потенциалов человека» (J. Galtung)³⁹.

«Власть» вожака стаи (стада) животных трансформируется во властные структуры человеческого общества, начиная с родо-

³⁵ Подробнее см.: Гишинский Я.И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии. В: Российский ежегодник уголовного права, 2007. СПбГУ, 2008; Он же. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова). В: Экономика и право / ред. А. Заостровцев. СПб.: Наука, 2009. С. 169-188.

³⁶ Туровская М. «Преступления века» и «массовая цивилизация» // Новый мир. 1968. №7. С. 236.

³⁷ Фокс В. Введение в криминологию. М.: Прогресс, 1980. С. 241-242.

³⁸ Гишинский Я., Позднякова М., Рыбакова Л. Криминологическая характеристика изнасилований. В: Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями. М.: ИС РАН, 1988. С. 150-160.

³⁹ Цит. по: Денисов В.В. Социология насилия. М.: Политиздат, 1975. С. 58.

племенных вождей. А *власть* — всегда порождение и источник *насилия*. Исторически позже возникает еще одна форма удовлетворения потребности в самоутверждении: накопление *богатства*. Этот процесс подробно рассмотрен американским экономистом Т. Вебленом. Он, в частности, пишет: «Самыми высокими почестями, которые только можно заслужить у народа, все еще остаются почести, добытые проявлением чрезвычайных хищнических склонностей на войне или квазихищнических способностей в государственном управлении; но просто для приобретения приличного положения в обществе эти средства к достижению славы заменились приобретением и накоплением материальных ценностей»⁴⁰. Итак, *Насилие* (война), *Власть* (государственное управление), *Богатство* (материальные ценности) — вот основные исторически сложившиеся распространенные «средства» самоутверждения (приобретения почестей и почета) общественного человека. Есть, правда, альтернатива: в терминологии Т. Веблена — «инстинкт мастерства» (творчество!), который «рождает чувство отвращения к бесполезному существованию или пустым расходам». «Инстинкт мастерства», творческий талант дан каждому, но, увы, не каждым востребован. А еще чаще — не востребован обществом. И тогда это — личная трагедия, приводящая к социально-трагическим последствиям. Ибо неудовлетворенная потребность в самоутверждении, самореализации в творчестве — источник насилия по отношению к «другим» или саморазрушающего поведения, ретренизма (пьянство, потребление наркотиков, самоубийство).

Если насильственное разрешение конфликтов в первобытном обществе еще близко по своей природе агрессивному поведению животных, то с общественным разделением труда и сопровождающей его дифференциацией общества насилие все больше приобретает характер *социального*, как способ разрешения общественных конфликтов и антагонизмов, принуждения некоторых классов (слоев, групп, каст) к деятельности, не соответствующей их интересам, как средство «разрешения» межкультуральных, межэтнических, межконфессиональных, межличностных конфликтов. И тогда социальное насилие становится как средством осуществления внешней (война) и внутренней (подавление бунтов, восстаний и революций, репрессии против классовых, идеологических или иных противников) политики

⁴⁰ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С. 80.

государства, так и средством борьбы за власть (революция и контрреволюция).

При этом государство монополизирует право на умерщвление — от смертной казни и внесудебной расправы до военных действий.

Насилие приобретает *системный* характер, оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая, повторяюсь, «культурное насилие», «воспитательное насилие», «насилие экономики», «структурное насилие», криминальное насилие (насильственная преступность), правовое («право поражено насилием»). Фактически «насилие встроено в систему»⁴¹.

Насилие сопровождает человечество всю его историю. Более того, прослеживается эскалация насилия и средств его осуществления: от войн «племени против племени» с помощью топора, копий и стрел до мировых войн XX столетия и угрозы тотального самоуничтожения человечества («омницид») в ходе применения современных средств массового уничтожения. *Насилие как адаптационное средство, выйдя из-под контроля, угрожает самому существованию человечества.*

Правда, не следует идеализировать доклассовые отношения в первобытном обществе. Наряду с межплеменными войнами насилие служило средством «разрешения» индивидуальных конфликтов (из-за женщины, по поводу статуса и др.). «Излишняя», с точки зрения коллектива, удача одного из сородичей вызывала недовольство других вплоть до требования убить «удачника» (читатель, Вам это ничего не напоминает?). Впрочем, можно было и откупиться, устроив праздник за счет «излишка» приобретенного («делиться надо»...). А мужские тайные союзы выступали как «весьма действенное средство насильственного утверждения в обществе мужского господства и подавления женской части населения»⁴².

Насилие — лишь одна из форм онтологически нерасчлененной человеческой деятельности по удовлетворению потребностей. Специфика насилия — принуждение других к определенной деятельности (или бездействию) или силовое же сопротивление принуждению.

⁴¹ Бекер Д. Понятие системного насилия. В: Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. С. 68.

⁴² См.: История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988. С. 149-151, 238.

Американские исследования 186 обществ и культур, последствий вьетнамской войны, а также отечественные — афганской и чеченской войн, свидетельствуют о том, что *интенсивность агрессивности в обществе прямо пропорциональна его участию в войнах*. В обществе, не ведущем войны, уровень насилия в течение десяти лет падает⁴³.

Социальное насилие многолико: от семейного до межгосударственного, от индивидуального до массового (например, геноцид), от легального (от имени государства) до криминального, от инструментального до немотивированного и т.д. Соответственно существует множество типологизаций и классификаций социального насилия⁴⁴.

Переход от биологических закономерностей органического мира к социальным законам развития общества означал, в частности, что на смену биологическому наследованию (не отменив его, но существенно «потеснив»), пришло социальное наследование: механизм накопления, хранения и передачи от человека к человеку и от поколения к поколению социально значимой информации (а, следовательно, обеспечение развития негэнтропийных процессов).

Таким наиболее общим вне- (над)биологическим механизмом накопления, хранения и передачи информации выступает *культура* как специфически человеческий способ деятельности, обеспечивающий социальное наследование⁴⁵. «Культура» не должна восприниматься оценочно, как нечто обязательно позитивное. Это — всеобщий способ деятельности, результатами которого являются как «Мона Лиза» Леонардо да Винчи, так и современные граффити или надписи на заборах, как труды А. Эйнштейна, так и школьные шпаргалки, как возвышенная любовь, так и порнография, как подвиг, так и преступление (вспомним «Преступление и кара, подвиг и награда» П. Сорокина⁴⁶).

Культура служит вне- (над)биологическим способом аккумуляции и трансляции человеческого опыта и, тем самым, — спец-

⁴³ См.: Социальная работа по профилактике и преодолению насилия, агрессии в молодежной среде. М., 1996. С. 57.

⁴⁴ Дмитриев А.В., Залысин И.Б. Указ. соч. С. 30-57.

⁴⁵ Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969; Он же. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М.: Наука, 1983.

⁴⁶ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006.

ифическим негэнтропийным адаптационным механизмом. Так, «нормы, а тем самым типы и частота агрессивных форм поведения задаются культурой»⁴⁷. Переход с биологического уровня на социальный приводит к изменению механизма наследования, к «вытеснению» генетического наследования культурой, а также к переходу от отбора индивидов («сильнейших») к отбору форм организации и форм деятельности.

Культура вбирает подчас аксиологически противоположные, но адаптивные, функциональные способы (формы, образцы) деятельности, «отбираемые» в процессе эволюции. Это — чрезвычайно важное положение, объясняющее, почему многовековая «борьба» с некоторыми аксиологически неприемлемыми, порицаемыми явлениями (потребление алкоголя и наркотиков, корыстные и насильственные преступления, коррупция, проституция и т.п.) не приводит к их «уничтожению», «преодолению». Очевидно, что сохраняющиеся формы социальной «патологии» (негативные девиации) объективно *функциональны*, выполняют явные или латентные функции, и только поэтому не элиминированы в процессе эволюции общества («сбалансированный полиморфизм»)⁴⁸. И в этом смысле — «все действительно разумно» (Гегель)!

Сказанное полностью относится и к различным проявлениям социального насилия (от революций до контрреволюций, от войн до насильственной преступности). «Эволюционная мясорубка работает социальными ножами с той же эффективностью, что и биологическими»⁴⁹. Однако в целях лучшего понимания социальных причин насилия продолжим наш анализ.

Исторически развивающаяся способность человека производить больше, чем это необходимо для самовоспроизводства, роста населения, производительности труда, потребностей приводит к общественному разделению труда. Значение общественного разделения труда в истории человечества трудно переоценить. Благодаря разделению труда и основанной на нем специализации стали возможны достижения материального и духовного произ-

⁴⁷ Хекхаузен Х. Указ. соч. С. 369.

⁴⁸ О некоторых функциях преступности см.: Гишинский Я.И. О системном подходе к преступности // Правоведение. 1981. №5. С. 49-56; Рейсман В.М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. М., 1988; Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М., 1988.

⁴⁹ Левитин К. Горящий светильник. М., 1983. С. 201.

водства, составившие золотой фонд цивилизации и основу общественно-экономического и научно-технического прогресса.

Следует заметить, что, вообще одним из важнейших критериев прогрессивного развития системы, повышения уровня ее организованности (а, следовательно, уменьшения энтропии) служит дифференциация, усложнение структуры, разнообразие составляющих систему элементов. Закон необходимого разнообразия УР. Эшби действует и в социальном мире. Это хорошо понимают зарубежные исследователи, в частности активный сторонник повышения уровня социального многообразия О. Тоффлер⁵⁰. Это особенно важно подчеркнуть сейчас, когда необходимо формирование нового мышления, освобождение его от догматических оков и заволаживающих стереотипов казарменного равенства, всеобщего единомыслия и единодушия, десятилетиями культивируемого в СССР «синдрома единообразия».

Социальная дифференциация как следствие углубляющегося разделения труда была и остается объективно прогрессивным процессом. Вместе с тем, как все в этом мире, она влечет негативные последствия (которые, в свою очередь, служили стимулом прогрессивных изменений как результата «разрешения» противоречий). Так, неодинаковое положение классов и социальных групп в системе общественных (и прежде всего — производственных) отношений, в социальной структуре общества, обуславливает социальное неравенство, различия в реальных возможностях удовлетворять свои потребности.

Общественное разделение труда, как расщепление универсальной, тотальной деятельности, породило и иные, негативные последствия: односторонность, частичность развития работника; социальную дифференциацию и неравенство; отчуждение самой деятельности (процесса труда), его условий и результатов (продукта труда), общественной жизни и ее институтов (экономических, политических, идеологических); отчуждение всего социального мира, который становится чуждым человеку, выступает как внешняя принудительная и слепая сила. (К. Маркс не всегда неправ...).

Наконец, отчуждение человека от человека. Личные отношения между членами первобытного общества сменяются вещными (опосредованными вещами). Выражением «овеществленных» форм обще-

⁵⁰ См.: Тоффлер О. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 250-275; Он же. Раса, власть и культура // Там же. С. 276-288; Он же. Прогнозы и предпосылки // Социологические исследования. 1987. №5. С. 118-131.

ния служат деньги. Все продается, и все покупается в мире вещей и денег. Не случайно Г. Зиммель отмечал, что природа денег и проституция аналогична, что в условиях товарно-денежных, вещных, отчужденных отношений проституция становится символом межличностных отношений. Деньги губят природу вещей одним своим прикосновением⁵¹. Обезличивание человеческих отношений, их овеществление приводит и к обесценению человека, его жизни, здоровья, достоинства.

У меня давно сложилось подозрение в *принципиальной невозможности создать относительно благополучное общество, без массового насилия, без страшного неравенства (социального, экономического, расового, этнического и т.п.), без «войны всех против всех»*⁵².

Какие бывают «насилия»?

Одна из задач любой науки — классификация разновидностей ее объекта. Не представляет исключения и вайоленсология — наука о насилии. И, как всегда, имеется множество классификаций по разным (а также по одному и тому же) основаниям.

Можно различать проявления социального насилия по их *содержанию*. Так, мы можем говорить о насильственных преступлениях, включая «подвиды» — преступления против жизни, преступления против здоровья, сексуальное насилие, «преступления ненависти» и др.; о торговле людьми; терроризме; военном насилии; экономическом насилии и т.д.

Представляется теоретически и практически важным классифицировать насилие по *сферам* жизнедеятельности: в политике, экономике, семье, в быту, медицине, образовании, науке, искусстве, литературе. Сюда же, очевидно, относится насилие в сфере религиозных отношений⁵³.

⁵¹ Simmel J. *Philosophic des Geldes*. Berlin, 1958. S. 413, 433.

⁵² Гилянский Я. Онтологический трагизм бытия, или Размышления малицириста // Молодежь: Цифры. Факты. Мнения. 1995. №2-3. С. 197-212; Он же. Новый мир? Размышления профана (2011) (URL: <http://crimpravo.ru/blog/1016.html>), URL: <http://polit.ru/lectures/2011/05/06/bauman.html>); Он же. «О, дивный новый мир!» О. Хаксли сегодня. В: Россия в меняющемся мире: вызовы и возможности. Сборник материалов. Т. 1. СПб.: ПТА, 2012.

⁵³ Прекрасный образец такого исследования: Жирар Рене. *Насилие и священное*. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

Возможна классификация по *субъектам* насилия: физические лица, юридические лица, политические и общественные организации, государства.

И по *объектам* насилия: мужчины, женщины, дети и подростки, пенсионеры, инвалиды, животные, расы, этносы, конфессии, государства.

Конечно же, любая классификация относительна, может быть расширена или сужена, иначе поименована и т.п.

Одну из наиболее развернутых классификаций *политического* насилия можно найти в книге А.В. Дмитриева и И.Ю. Залысина⁵⁴. Они, в частности, различают и описывают *насилие*: внутригосударственное и межгосударственное; государственное и негосударственное; стихийное и организованное; индивидуальное, коллективное и массовое; оборонительное и наступательное; социально-классовое и этническое; реформистское, радикальное и консервативное; демонстративное и инструментальное; вооруженное и невооруженное. Внутригосударственное может быть в виде бунта, восстания, гражданской войны, партизанской войны, переворота, терроризма, репрессий и др.

Э. Фромм, предпочитающий говорить об агрессии, а не насилии, различает агрессию доброкачественную (непреднамеренная, игровая, оборонительная и т.п.) и — злокачественную (в качестве примеров — И. Сталин, Г. Гиммлер), включая некрофилию. Типичным представителем последней Э. Фромм называет и исследует личность А. Гитлера⁵⁵.

Представляет несомненный интерес классификация видов насилия, предложенная С. Жижekom в уже упоминавшейся книге⁵⁶. С. Жижек различает насилие субъективное, «символическое» и «системное». За этой классификацией скрываются немаловажные теоретические представления.

Субъективное насилие — это те проявления социального насилия, которые «лежат на поверхности», легко различимы и признаваемы большинством людей (и уголовным законом): убийства, теракты, войны и т.п. «Это лишь наиболее зримая вершина треугольника, который включает два других вида насилия» (с. 5).

⁵⁴ Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социо-политический анализ. М.: Росспэн, 2000. С. 30-57.

⁵⁵ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

⁵⁶ Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010.

Второй вид — *«символическое» насилие*, воплощенное в языке, речи. Но это не только очевидные случаи речи-ненависти (оскорбления, угрозы и т.п.), «есть еще более фундаментальная форма насилия, которая принадлежит языку как таковому, насаждаемой им определенной смысловой вселенной» (с. 6). В качестве примера С. Жижек приводит массовые вспышки насилия в мусульманском мире в связи с опубликованием в одной из датских газет карикатуры на Мухаммеда. Большинство участников волнений в глаза не видели ни этой датской газеты, ни самих карикатур. Но эта публикация, ставшая в принцип известной благодаря глобализации СМИ и «всемирной паутине», затронула привычные символы, установки, враждебные мусульманскому миру: Запад, империализм, безбожие, гедонизм (с. 50).

Еще более «скрытым», незаметным, но постоянно присутствующим в человеческом обществе (и тем более опасным) является *«системное (объективное) насилие»*. Это — «нередко катастрофические последствия спокойной работы наших экономических и политических систем» (с. 6). При выявлении и анализе системного насилия, считает С. Жижек, необходимо исходить из конкретных исторических условий. Будучи явным противником капитализма, С. Жижек показывает это на его примере. Он пишет: «Маркс описывал безумное самовозрастающее обращение капитала, солипсистское самооплодотворение, которое достигает своего апогея в сегодняшних метарефлексивных спекуляциях с фьючерсами... Судьба целых страт населения, а иногда и целых стран может решаться «солипсистской» спекулятивной пляской Капитала, который преследует свою цель получения прибыли, сохраняя счастливое безразличие к тому, как его действия скажутся на социальной реальности... Именно организованная без всякого внешнего принуждения метафизическая пляска всемогущего Капитала служит ключом к реальным событиям и катастрофам. В этом и заключается фундаментальное системное насилие капитализма, гораздо более жуткое, чем любое прямое докапиталистическое социально-идеологическое насилие: это насилие больше нельзя приписать конкретным людям и их «злым» намерениям; оно является чисто «объективным», системным, анонимным» (с. 14-15). Это системное насилие, «которое присуще социальным условиям глобального капитализма, и предполагает «автоматическое» создание исключенных и лишних людей — от бездомных до безработных» (с. 16). Упоминание нами «исключенных» позволяет перейти к следующему вопросу.

Глава 3. «Кто виноват?» и «что делать?»

Нам следует набраться мужества для того, чтобы отказаться от тривиального представления о причинности, когда нам кажется, что одни и те же «причины», действующие на один и тот же «объект», обязательно должны порождать одни и те же следствия.

Н. Мусеев

Очевидно, не существует единой причины насилия как социального феномена. Имеется множество *факторов*, воздействующих на состояние и динамику многообразных его проявлений — государственного, полицейского, военного, семейного, педагогического, криминального насилия и др. Это факторы экономические, демографические (пол, возраст, этническая принадлежность, миграция и др.), культурологические (принадлежность к той или иной культуре, субкультуре, религиозной конфессии) и даже космические: были выявлены корреляционные зависимости между уровнем убийств, самоубийств и солнечной активностью, фазами луны⁵⁷.

Остановимся на одном из главных, с моей точки зрения, факторов.

Повторюсь: все свои действия человек совершает, в конечном счете, для удовлетворения тех или иных *потребностей*.

⁵⁷ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М., 1995. С. 350-405, 623.

Потребности людей в каждом обществе для каждого времени распределены относительно равномерно. А *возможности* удовлетворения потребностей — существенно различны. Некоторая степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей человека (ребенок или взрослый, мужчина или женщина, с высоким интеллектом или не очень). Но главным источником неодинаковых возможностей удовлетворять потребности служит *социально-экономическое неравенство*, занятие людьми различных неоднородных позиций в социальной структуре общества (рабочий или бизнесмен, крестьянин или банкир, школьный учитель или министр). Именно от социального статуса и тесно связанного с ним экономического положения человека (можно говорить о едином *социально-экономическом статусе*) в основном зависят возможности удовлетворять те или иные потребности.

Иногда, в период обострения межклассовых (межклановых, межкастовых) противоречий, складывается впечатление, что субъекты различных социально-экономических статусов представляют собой различные «виды» *Homo Sapiens*... Тогда объяснима и «зоологическая» вражда между ними (между пролетариями и капиталистами, между крестьянами и феодалами, между «олигархами» и «народом»). Впрочем, это уж совсем ненаучное предположение.

Социальную структуру общества обычно изображают в виде пирамиды, верхнюю, меньшую часть которой составляет «элита» общества (властная, экономическая, финансовая, военная, религиозная). Средняя — самая значительная по объему часть — «средний класс». В основании пирамиды, в ее нижней части располагаются низшие слои (малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие, сельскохозяйственные наемные работники и т.п.). За пределами официальной социальной структуры (или в самом ее низу — это зависит от точки зрения исследователя) находятся аутсайдеры, изгои, «исключенные» (бездомные, длительное время безработные, лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией, состарившиеся проститутки и т.п.). Чем ближе к верхушке пирамиды располагаются позиция и занимающий ее человек, тем больше у него возможностей удовлетворять свои потребности, чем дальше от вершины и ближе к основанию, тем меньше таких возможностей. При этом распределение людей по тем или иным социальным позициям обусловлено, прежде всего, независимыми от них (людей) обстоятельствами — социальным происхождением, при-

надлежностью к определенному классу, группе, и лишь во вторую очередь — личными способностями, талантом.

Со временем кастовая или средневековая жесткость социальной структуры ослабевает, социальная мобильность растет («каждый американец может стать президентом»), однако статистически зависимость от социальной принадлежности остается. А последнее время — вновь возрастает. Уже ясно, что в реальности далеко не каждый американец может стать президентом. Разумеется, это относится не только к США.

Как уже говорилось, социально-экономическое неравенство появилось как следствие общественного разделения труда, которое есть объективный и в целом прогрессивный процесс. Однако прогрессирующее разделение труда влечет и негативные последствия. Неодинаковое положение социальных классов, слоев и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре общества обуславливает социально-экономическое неравенство, различия в *реальных* возможностях удовлетворить свои потребности. Это не может не породить *зависть, социальные конфликты, протестные реакции, ненависть*, принимающие форму различных девиаций, включая насилие. «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах»⁵⁸.

На роль социально-экономического неравенства в генезисе преступности, включая насильственную, обращали внимание еще в XIX в. Так, по мнению Ф. Турати, «классовые неравенства в обществе служат источником преступлений... Общество со своими неравенствами само является соучастником преступлений»⁵⁹. А. Принс «главной причиной преступности считает современную систему распределения богатства с ее контрастом между крайней нищетой и огромными богатствами»⁶⁰. С точки зрения А. Кетле, «неравенство богатств там, где оно чувствуется сильнее, приводит к большему числу преступлений. Не бедность сама по себе, а быстрый переход от достатка к бедности, к невозможности удовлетворить всех своих потребностей ведет к преступлению»⁶¹.

⁵⁸ Парсонс Т. Общий обзор. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 375.

⁵⁹ Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 111.

⁶⁰ Гернет М.Н. Там же. С. 119.

⁶¹ Гернет М.Н. Там же. С. 375.

Р. Дарендорф признает: «Социальное неравенство, пронизывающее сверху донизу все наше общество, восстанавливает одних людей против других, обуславливает конфликты и борьбу между ними»⁶². Д. Белл пишет, что человек с пистолетом добывает «личной доблестью то, в чем ему отказал сложный порядок стратифицированного общества»⁶³.

Главным в генезисе насилия (вообще девиантности) является не сам по себе уровень удовлетворения потребностей, а *степень различий* в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп. Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении. На это обращал внимание еще К. Маркс: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно также малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неуютно, все более неудовлетворенно, все более приниженно»⁶⁴. Так что по-своему правы были наследники Маркса, возводя «железный занавес» вокруг нищего населения СССР.

Для тех же, кто в современной России не очень доверяет К. Марксу, обратимся к Питириму Сорокину, который также усматривает главный «девиантогенный» фактор не в уровне доходов, благосостояния, а в *степени разрыва* между богатыми и бедными, обеспеченными и не очень. Так, Сорокин пишет: «Бедность или благоденствие одного человека измеряется не тем, чем он обладает в данный момент, а тем, что у него было ранее и в сравнении с остальными членами общества.... Человек, увидев роскошные одежды и фешенебельные апартаменты, чувствует себя плохо оде-

⁶² Цит. по: Денисов В.В. Проблема социального насилия в современной буржуазной философии // Вопросы философии. 1973. №11. С. 156.

⁶³ Белл Д. Преступление как американский образ жизни // Социология преступности. М., 1966. С. 267.

⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Наемный труд и капитал. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 446.

тым и бездомным, хотя с разумной точки зрения он одет вполне прилично и имеет приличные жилищные условия»⁶⁵.

Социальная неудовлетворенность и попытки ее преодолеть, в том числе — незаконным путем, порождается не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными — по сравнению с другими социальными слоями, группами, классами (соседями!). Поэтому в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уравнивалось» перед лицом общей опасности, наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств (актов аутоагрессии)⁶⁶.

Интересные результаты были получены еще в 70-е годы минувшего века в исследовании (под руководством А.Б. Сахарова) социальных условий в двух регионах России. «Было установлено, что более неблагоприятное состояние преступности имеет место в том из сравниваемых регионов, где материальный уровень жизни населения по комплексу наиболее значимых показателей (средняя заработная плата, душевой денежный и реальный доход и т.д.) лучше, но зато значительнее контрастность (коэффициент разрыва) в уровне материальной обеспеченности отдельных социальных групп. В то же время в регионе с меньшим уровнем преступности материальные условия жизни были хотя и несколько хуже, но более однородны и равномерны. Иными словами, состояние преступности коррелировалось не с уровнем материальной обеспеченности, а с различиями в уровне обеспеченности: с размером, остротой этого различия»⁶⁷. Исследование преступности в динамике за ряд лет подтвердило зависимость уровня преступности от увеличения/уменьшения разрыва между потребностями населения и степенью их фактического удовлетворения⁶⁸.

В генезисе насилия особую роль играет неудовлетворенность именно *социальных* потребностей — в престиже, статусе, самоут-

⁶⁵ Там же. С. 273.

⁶⁶ Гернет М.Н. Избранные произведения. С. 306-310, 449-459; Podgórecki A. Patalogia życia społecznego. Warszawa, 1969.

⁶⁷ Методологические вопросы изучения социальных условий преступности / ред. А.Б. Сахаров. М., 1979. С. 29-30.

⁶⁸ Коробейников Б.В., Селиванов Н.А., Скворцов К.Ф. Изучение факторов, влияющих на изменение уровня и структуры преступности // Советское государство и право. 1982. №1.

верждении, в творчестве. Так, «отрицательные эмоции, возникающие на базе неудовлетворенных социальных потребностей, как правило, стеничны и агрессивны»⁶⁹. Насилие чаще других нежелательных для общества форм деятельности выступает «средством» *самоутверждения*, когда в силу различных причин недоступны общественно полезные, творческие способы самоутверждения («Комплекс Герострата»).

Говоря о насилии в современном мире нельзя не затронуть проблему *глобализации*.

Тема глобализации является одной из широко обсуждаемых в современных общественных науках, со всеми вытекающими из ее «модности» позитивными и негативными последствиями⁷⁰.

Само понятие «глобализация» многозначно. Различают глобализацию экономических, политических, социальных, культурологических, демографических, информационных и прочих процессов. Наиболее кратко глобализацию можно определить как *всеобщий (глобальный) взаимообмен (general global interchange)*. Заметим при этом, что хотя взаимообмен и взаимопроникновение экономики, культуры, этносов происходил всегда, однако всеобщий, глобальный и «молниеносный» характер этих процессов стал возможным лишь с появлением современных средств связи, транспорта (авиации), коммуникаций. Так что «глобализация» в современном понимании могла начаться не ранее второй половины XX столетия.

Глобализация — *объективный процесс*, развивающийся независимо от наших желаний (и даже вопреки им)⁷¹. Деятельность

⁶⁹ Симонов П.В. Детерминизм и свобода выбора // Методологические проблемы физиологии высшей нервной деятельности. М., 1982. С. 105.

⁷⁰ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004; Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001; Многоликая глобализация / ред. П. Бергер, С. Хантингтон. М.: Аспект-Пресс, 2004; Проблемы глобализации // Pro et Contra Т. 4. № 4. 1999; Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии целостности. М.: МОНФ, 1999; Этнос глобального мира. М., 1999; Baylis J., Smith S. (Eds.) The Globalization of World Politics. Oxford University Press, 1997; Mittelman J.H. (Ed.) Globalization: Critical Reflection. L.: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1997.

⁷¹ Как заметил Г. Явлинский, «Разговоры о глобализации... это вроде подготовки к зиме. Можно долго рассуждать о том, нужно это или нет, зима все равно придет» (Новая газета. 2003. №60. С. 11).

транснациональных компаний; *взаимозависимость* стран (от энергоресурсов, сырья, технологий и т.п.); мировая информационная система (интернет, спутниковая связь и др.); взаимосвязь крупнейших финансовых систем; интернационализация и интенсификация современных транспортных средств и сетей; интенсивная миграция, обуславливающая взаимопроникновение этносов и культур; использование английского языка как средства международного общения; формирование «общечеловеческих ценностей»; планетарный характер экологических проблем — все это свидетельствует о вполне реальной глобализации экономического, социального, финансового, культурного пространств. Это необходимо отметить, поскольку в российских политических кругах нередко возникает идея «противостоять» глобализации, ратовать за «многоязырный» мир. Но закономерные, объективные мировые социальные процессы не зависят от воли политиков или «народа». Как пишет З. Бауман, ««Глобализация» касается не того, что все мы... хотим или надеемся совершить. Она означает то, что со всеми нами происходит».⁷²

Так вот, *глобализация* усилила процесс социального расслоения. Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (*inclusive / exclusive*). Понятие «исключение» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 60-х гг. как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими⁷³. Работа Рене Ленуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей⁷⁴. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности.

⁷² Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 88.

⁷³ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология. 1999. С. 140-156.

⁷⁴ Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974.

Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «рост благосостояния не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может, в конечном счете, породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности»⁷⁵.

Исключенными бывают государства и группы населения в них.

Крупнейший социолог современности Никлас Луман пишет в конце минувшего XX в.: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже нынешнего — Я.Г.) столетия примет метакод включения/ исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие — только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние»⁷⁶. В другой своей работе Н. Луман утверждает: «Если в области инклюзии люди считаются личностями, то представляется, что в области эксклюзии речь идет чуть ли не только об их телах»⁷⁷. При этом «инклюзия существует лишь тогда, когда возможна эксклюзия»⁷⁸.

Как пишет Р. Купер: «Страны современного мира можно разделить на две группы. Государства, входящие в одну из них, участвуют в мировой экономике, и в результате имеют доступ к глобальному рынку капитала и передовым технологиям. К другой группе относятся те, кто, не присоединяясь к процессу глобализации, не только обрекают себя на отсталое существование в относительной бедности, но рискуют потерпеть абсолютный крах»⁷⁹. Аналогичные

⁷⁵ Погам С. Указ. соч. С. 147.

⁷⁶ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 94-108.

⁷⁷ Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006. С. 47.

⁷⁸ Луман Н. Дифференциация. С. 35.

⁷⁹ Купер Р. Россия, Запад и глобальная цивилизация. В: Россия и Запад в новом тысячелетии: Между глобализацией и внутренней политикой. М.: George C.

глобальные процессы применительно к государствам отмечает отечественный автор, академик Н. Моисеев: «Происходит все углубляющаяся стратификация государств... Теперь отсталые страны «отстали навсегда»!... Уже очевидно, что «всего на всех не хватит» — экологический кризис уже наступил. Начнется борьба за ресурсы — сверхжестокая и сверхбескомпромиссная... Будет непрерывно возрастать и различие в условиях жизни стран и народов с различной общественной производительностью труда... Это различие и будет источником той формы раздела планетарного общества, которое уже принято называть выделением «золотого миллиарда». «Культуры на всех» тоже не хватит. И, так же как и экологически чистый продукт, культура тоже станет прерогативой стран, принадлежащих «золотому миллиарду»»⁸⁰.

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации активно обсуждается в одной из последних книг З. Баумана. С его точки зрения, исключенные фактически оказываются «человеческими отходами (отбросами)» («*wasted life*»), не нужными современному обществу. Это — длительное время безработные, мигранты, беженцы и т.п. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов»⁸¹. И в условиях глобализации, беспримерной поляризации на «суперкласс» и «человеческие отходы», последние становятся «отходами навсегда» (это переключается с вышеприведенным высказыванием Н. Моисеева: «Теперь отсталые страны «отстали навсегда»»).

Применительно к России идеи Баумана интерпретируются О.Н. Яницким: «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали «отходами» трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала «транзитным пунктом» на пути в никуда»⁸².

Marshall, European Center for Security Studies, 2003. С. 30. См. также: Moran T. On the Theoretical and Methodological Context of Cross-National Inequality Data // International Sociology. 2003. Vol. 18. №2. Pp. 351-378.

⁸⁰ Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 360, 447.

⁸¹ Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge: Polity Press, 2004. Pp. 5-7.

⁸² Яницкий О.Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. №1/2. С. 205.

О вечности социального насилия и его причин пишет литовский криминолог К. Йовайчас (K. Jovaišas): «Клеймо вечности лежит и на социальных причинах насилия. Эти причины являются по сути дела удобной этикеткой, которая обозначает такие явления, как фактическое неравенство формально равных граждан, ограниченная социальная обильность и отчуждение людей, безработица, незанятость и нищета. В любом обществе естественным и неизбежным образом происходит процесс расслоения людей на управляющих и управляемых, элиту и массу, сильных и слабых, богатых и бедных и никакие конституционные, демократические и социальные реформы, никакое распределение и перераспределение государственного бюджета не в силах поколебать этот закон, столь же беспристрастный и объективный, как и закон земного притяжения»⁸³. Однако «вечность и неизбежность насилия не исключает, а предполагает необходимость решить задачу его частичной профилактики»⁸⁴.

Теоретические концепции К. Маркса, Р. Мертона и многих других, усматривающих основную «причину» девиантных проявлений, включая насильственные преступления, в социально-экономическом неравенстве, эмпирически подтверждаются при исследовании корреляционной зависимости между проявлениями насилия (прежде всего, насильственными преступлениями и самоубийствами) и различными факторами (поло-возрастная структура, миграционные потоки, алкоголизация и наркотизация населения и др.), включая экономические показатели социально-экономического неравенства — децильный (фондовый) коэффициент и индекс Джини. Децильный коэффициент отражает разницу в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных слоев населения. Более «чутким» является индекс Джини, показывающий степень неравенства в распределении доходов населения и измеряемый от 0 до 1 (чем выше индекс, тем значительнее неравенство).

Индекс Джини в начале текущего столетия был в России 0,456, тогда как в Австрии — 0,309, в Германии — 0,283, в Бельгии — 0,250, в Японии — 0,249. Близкие же российскому были показатели в Боливии (0,447), Иране (0,430), Камеруне (0,446), Уругвае

⁸³ Jovaišas K. Smurto šeimoje prevencija: iliuzijų anatomija. Vilnius: Eugrimas, 2009. Pp. 369-370.

⁸⁴ Ibid. p. 370.

(0,446)⁸⁵. В 2007 г. индекс Джини в России по официальным данным составил 0,422 (по мнению экспертов, еще выше).

Не удивительно, что за десятилетие 1990-1999 гг., исследованное С.Г. Ольковым, в год с максимальным индексом Джини (1994 г. — 0,409) в России было зарегистрировано наибольшее количество убийств — 32,3 тыс. и самоубийств — 61,9 тыс., а в год с минимальным индексом Джини (1990 г. — 0,218) — наименьшее количество убийств — 15,6 тыс. и самоубийств — 39,2 тыс. (Табл. 1)⁸⁶.

К аналогичным результатам по данным за 25 лет (1985-2004) приходит И.С. Скифский в своем диссертационном исследовании и монографиях (Графики 1,2)⁸⁷. Те же закономерности применительно ко всем регионам Российской Федерации установлены в трудах Э.Г. Юзихановой⁸⁸.

Поэтому все более тревожным и криминогенным представляется наблюдающееся с конца XX в. углубление степени социально-экономического неравенства обществ и социальных групп. Растет пропасть между «включенными» и «исключенными» — как странами, так и социальными слоями, группами, отдельными людьми. Процесс глобализации лишь усиливает эту тенденцию⁸⁹. Ясно, что «исключенные» — социальная база девиантности, включая — и прежде всего! — проявления насилия⁹⁰.

Да и как пренебречь современными реалиями: растущим и принимающим катастрофические масштабы социально-экономи-

⁸⁵ Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. М., 2005. С. 261.

⁸⁶ Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004. №8. С. 73-78. См. также: Ольков С.Г. Аналитическая криминология (курс лекций). Казань: Познание, 2007.

⁸⁷ Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень, 2007; Он же. Прогнозирование преступности: опыт статистического моделирования. Тюмень: ГНГУ, 2009.

⁸⁸ Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор-Бук, 2005; Она же. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации. Тюмень: ТЮИ МВД, 2007.

⁸⁹ Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб., 2006.

⁹⁰ Гилинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2004. №6. С. 69-77.

ческим неравенством, миллионами «исключенных» и соответствующей реакцией — от «цветных революций» и «арабской весны» до массового осеннего движения 2011 г. «Оккупировать Уолл-Стрит» (движение поддерживают от 40% до 60% американцев!), перекинувшегося на Великобританию, Италию, Испанию и ряд других европейских государств, а также Японию, Корею, Австралию. Это движение продолжилось и в 2012 г. (в одной Барселоне на улицу вышли сотни тысяч протестующих граждан).

Итак, важным (важнейшим?) девиантогенным (криминогенным, вайоленсогенным) фактором служит *противоречие* (по Р. Мертону, «напряжение», *strain*) *между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения*, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества, *степень* социально-экономической дифференциации и неравенства.

Таблица 1

**Зависимость между показателем неравенства
и количеством убийств и самоубийств (Ольков С.Г., 2004)**

Годы	Коэффициент Джини в РФ	Количество зарегистр. убийств (тыс.)	Количество зарегистр. самоубийств (тыс.)
<u>1990</u>	<u>0,218</u>	<u>15,6</u>	<u>39,2</u>
1991	0,260	16,2	39,4
1992	0,318	23,0	46,1
1993	0,398	29,2	56,1
<u>1994</u>	<u>0,409</u>	<u>32,3</u>	<u>61,9</u>
1995	0,381	31,7	61,0
1996	0,375	29,4	57,0
1997	0,381	29,3	55,0
1998	0,398	29,6	51,8
1999	0,394	31,1	57,3

График 1

Связь между коэффициентом Джини и насильственной преступностью в России (1980-2004 гг.)

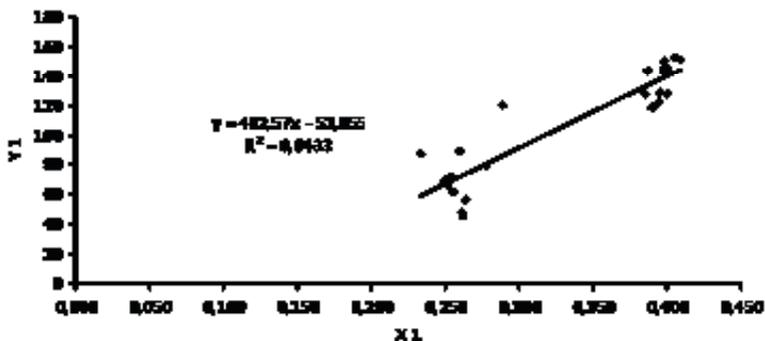
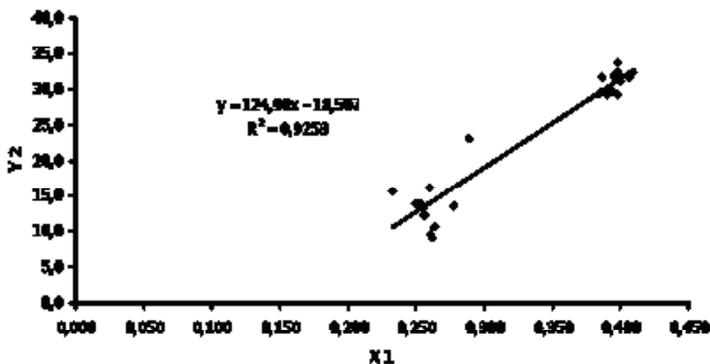

График 2

Связь между коэффициентом Джини и убийствами в России (1980-2004 гг.)

Оригинальное исследование соотношения насилия и политики с гуманистических позиций (преступление и наказание есть форма гражданской войны, взаимодействие людей при демократии может служить альтернативой насилию) публикует один из основате-

лей «криминологии миротворчества» (*criminology as peacemaking*) Г. Пепински⁹¹.

Тщательный *социально-психологический* анализ агрессии и насилия представлен в известном труде Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности»⁹². Э. Фромм различает оборонительную, «доброкачественную» агрессию, которая служит сохранению индивида и рода, и «злокачественную» агрессию, деструктивность, жестокость, которая присуща только человеку и отсутствует у других животных. Эта агрессия не служит биологическому приспособлению и бесцельна. Приходится признать, отмечает Э. Фромм, что «человек отличается от животных именно тем, что он убийца»⁹³. С моей точки зрения, «доброкачественная агрессия» Э. Фромма это и есть «биологическая» агрессия, присущая всему живому. А вот «злокачественная агрессия» наблюдается только среди людей — это социальное *насилие*, обусловленное закономерностями существования и развития общества как системы.

Не могу удержаться от цитирования результатов эмпирического исследования, осуществленного Э. Фроммом совместно с М. Маккоби: «Все опросы показали, что антижизненные (деструктивные) тенденции весьма примечательно коррелируют с политическими воззрениями тех лиц, которые выступают за усиление военной мощи страны... Лица с деструктивной доминантой считали приоритетными следующие ценности: более жесткий контроль над недовольными, строгое соблюдение законов против наркотиков, победное завершение войны во Вьетнаме, контроль над подрывными группами и их действиями, усиление полиции и борьба с мировым коммунизмом»⁹⁴.

Зависимость насильственного поведения людей от занимаемой ими социальной позиции (статуса) показали знаменитые эксперименты — «Стэнфордский тюремный эксперимент» (1971) профессора Ф. Зимбардо и эксперимент С. Милгрэма из Йельского университета (1963). Первый из них представлял собой психологическое исследование реакции человека на условия тюремной жизни, а также на занятие властной позиции. Добровольцы-студенты играли роли охранников и заключенных и жили в «тюрьме», устроенной в одном из помещений

⁹¹ Pepinsky H. The Geometry of Violence and Democracy. Indiana University Press, 1991.

⁹² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

⁹³ Фромм Э. Указ. соч. С. 23.

⁹⁴ Там же. С. 293.

факультета психологии. Заключенные и охранники быстро вошли в свои роли. В каждом третьем охраннике обнаружилось садистские наклонности, а заключенные были морально подавлены, двое из них раньше времени были исключены из эксперимента, который в целом был прекращен раньше времени. Во втором эксперименте один из участников — «учитель» должен был проверять другого участника — «ученика», и наказывать его за каждую ошибку все более сильным электрическим разрядом, начиная с 15V. Большинство «учителей» не стеснялись наращивать силу тока, несмотря на видимые «мучения» учеников (чьи роли исполняли артисты!). Выступая на «Форуме 2000» в Праге (октябрь 2011), проф. Ф. Зимбардо в своем докладе «*Transforming Evil into Heroism*» лишний раз показал, как легко воспроизводится Зло (*Evil*) обладателями властных полномочий (А. Гитлер, И. Сталин, вершители Холокоста, Абу-Грейб). «Зло начинается с 15V» («*Evil began from 15V*»), сказал докладчик, вспомнив эксперимент С. Милгрэма. И Зло и Героизм — творение обычных людей. Мир нуждается в героях («*The World needs in Heroes*»). При этом герой для Ф. Зимбардо вовсе не воин-победитель, а человек, творящий Добро⁹⁵.

Подробный обзор *психологических* концепций агрессии имеется в первом томе двухтомника Х. Хекхаузена «Мотивация и деятельность»⁹⁶.

Из современных *криминологических* объяснений насильственной преступности можно назвать концепцию «образа повседневной жизни» (A. Havley, L. Cohen, M. Felson): изменение привычного образа жизни, повседневных практик, большая независимость членов семьи, взаимная отчужденность способствуют насильственному «решению» конфликтов.

Наконец, нельзя не остановиться на идеях «культуральной криминологии» (*cultural criminology*). Культуральная криминология представляется одним из последних достижений мировой криминологической теории. Нельзя сказать, что ее положения абсолютно оригинальны. Но важно, что преступность, включая насильственные преступления, воспринимается как элемент культуры, со всеми вытекающими следствиями.

Для лучшего понимания идей культуральной криминологии, следует напомнить, что «культура» выступает здесь не в привычном

⁹⁵ См.: «Форум 2000» // URL: <http://deviantology.spb.ru/events/forum-2000/> (последнее посещение 15.12.2011).

⁹⁶ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 1. С. 365-405.

для российского читателя исключительно «позитивном» смысле, как нечто положительное, включающее достижения мировой (национальной) цивилизации, науки и искусства (отсюда бытовизмы: «культурный человек», «высокая культура», «культурное поведение»), а как способ существования общественного человека⁹⁷.

Д. Гарланд (David Garland) продолжает линию М. Фуко, исследуя роль власти в определении стратегии социального контроля⁹⁸. Д. Гарланд увязывает социальные изменения последних десятилетий, сконцентрированные в изменяющейся культуре, новые вызовы среднего класса (*middle class*), испытывающего страх перед преступностью (*fear of crime*) с противоречивой политикой властей. С одной стороны, это адаптивная стратегия (*adaptive strategy*) с приоритетами превенции и партнерства. С другой стороны, стратегия «суверенного» полномочного государственного контроля (*sovereign state strategy*) и жесткого, «экспрессивного» (*expressive*) наказания⁹⁹, что само по себе есть насилие.

Культуральную криминологию, наряду с работами Д. Гарланда, развивают Дж. Янг (Jock Young)¹⁰⁰, а также Дж. Феррел (J. Ferrel), К. Хейворд (K. Hayward) и др. В самом общем виде культуральная криминология есть рассмотрение преступности и контроля над ней в контексте культуры, взгляд на преступность и агентов контроля как на культуральные продукты, созданные конструкции (*as creative constructs*)¹⁰¹.

В этом отношении культуральная криминология, с моей точки зрения, есть дальнейшее углубленное развитие современных конструктивистских идей «сотворенности» социальных феноменов (преступности, проституции, коррупции, терроризма, наркотизма и др.)¹⁰².

⁹⁷ Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969; Он же. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.

⁹⁸ Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent "Law and Order" Policies // The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40. №3. Pp. 347-375; Garland D. The Culture of Control. Oxford University Press, 2001.

⁹⁹ Garland D. The Culture of High Crime Societies. Ibid. P. 348.

¹⁰⁰ Ferrel J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008; Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007; Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Ed. Oxford University Press. 2007. Pp. 102-121.

¹⁰¹ Maguire M., Morgan R., Reiner R. Ibid. P. 102.

¹⁰² См.: Конструирование девиантности / под ред. Я. Гилинского. СПб., 2011.

Тенденциями современной культуры, влекущими криминологически значимые последствия, служат фрагментаризация общества с увеличением числа субкультур, углубление социально-экономического неравенства, консюмеризация ценностей и морали («общество потребления»¹⁰³), динамичность перемещения людей в пространстве (соответственно — смешение культур), усиление *репрессивного* сознания (прежде всего — среднего класса, которому, перефразируя марксистов, «есть, что терять, кроме своих цепей»), *репрессивность* власти.

Д. Янг является одним из тех криминологов, которые применяют социологическую концепцию дифференциации людей на «включенных»/ «исключенных» (inclusion/exclusion) для объяснения преступности и насилия в современном мире¹⁰⁴.

Таким образом, насилие не только *социальное*, но и «культурное», порождение не просто социума, но *конкретной культуры*. «Каждая культура имеет то насилие, которое она заслуживает»...

Quo vadis...

Мир не станет лучше,
если пытаться изменить его
с помощью насилия.

А. Печчеи

Лучшие представители рода *Homo Sapiens* (хотя думается мне, что мы скорее — **Subsapiens**...) всегда стремились представить и реализовать проект идеального общества — типа «Утопии» Томаса Мора или «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы. Платон и Т. Кампанелла, Томас Мор и Сен-Симон, Ф. Бабёф и Р. Оуэн, К. Маркс и Ш. Фурье... Но с осуществлением надежд на «светлое будущее», «сияющие вершины», «Город Солнца», «Остров Утопия», «американскую мечту», «общество всеобщего благоденствия» дела обстояли неважно. Скорее, «хотели, как лучше, а вышло, как всегда» (вечная память В.С. Черномырдину).

Все разрастающиеся масштабы взаимного уничтожения лю-

¹⁰³ Подробнее см.: Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гишинский, Т. Шипунова. СПб.: Альфа-Пресс, 2012.

¹⁰⁴ Young J. The Exclusive Society. SAGE, 1999.

дей, тотальность насилия по различным «поводам» и без оных породили серию *антиутопий*: «Мы» Евгения Замятина, «О дивный новый мир!» Олдоса Хаксли, «1984» Джорджа Оруэлла, «Москва 2042» Владимира Войновича, «Записки о кошачьем городе» Лао Шэ (как актуально в современной России: котята утром поступают в первый класс и к вечеру получают аттестат зрелости, молодые коты и кошки утром поступают в университет, а к вечеру получают диплом о высшем образовании, при этом стар и млад потребляют дурман...) и несть им числа. Конечно, антиутопии гораздо ближе к реализации, чем утопии. Но Освенцим превзошел все самые мрачные предположения и стал страшным символом XX века. А 11 сентября 2001 г. — символ века XXI-го? А Чернобыль? А Фукусима-1? Человечество быстрым шагом идет к самоуничтожению¹⁰⁵.

Прогнозы ученых по поводу возможности преодолеть разрастающееся насилие малоутешительны. «Искоренения зла невозможно», утверждает З. Фрейд¹⁰⁶. Согласно фрейдизму, «человек предстает в лучшем случае как временно обузданное животное, чьи деструктивные влечения имеют склонность периодически выливаться в войнах»¹⁰⁷.

По мнению Р. Ардри, «Если мы не можем жить друг с другом и друг без друга, то человеческий род может ожидать только полное вымирание, или, вернее, самоуничтожение»¹⁰⁸.

Менее категоричен К. Лоренц, полагавший, что человек — Двуликий Янус: «Единственное существо, способное с воодушевлением посвящать себя высшим целям, нуждается для этого в психофизиологической организации, звериные особенности которой несут в себе опасность, что оно будет убивать своих собратьев в убеждении, будто так надо для достижения тех самых высших целей»¹⁰⁹. Правда, из самого текста явствует, что «звериные особенности» здесь не причем. «Человеческое, слишком человеческое...»

Хорошо известно, что апокалипсические настроения и прогнозы давно сопровождают человеческую историю. Они учащаются на

¹⁰⁵ См., например: Paik P. From Utopia to Apocalypse: Science Fiction and the Politics of Catastrophe. University of Minnesota Press, 2010.

¹⁰⁶ Freud S. Gesammelte Werke. 1991. Bd. 10. S. 331.

¹⁰⁷ Холличер В. Человек и агрессия. М.: Прогресс, 1975. С. 85.

¹⁰⁸ Ardrey R. The Violent Way // Life. Vol. 69. №11. 1970. P. 67.

¹⁰⁹ Лоренц К. Агрессия. М.: Прогресс, 1994. С. 256.

границе веков, по-разному проявляются в различных странах, но пока еще ни разу не сбылись... Есть основания надеяться, что и нынешние разделят судьбу предыдущих.

Другое дело, что конец человеческой истории в принципе также неизбежен, как *конец всего сущего* во Вселенной. Точнее, каждой *конкретной* Системы, будь то человечество, Земля, Солнечная система, а может и «вся» Вселенная (ее «схлопывание»). «Человечество смертно, как и всё в Мире. Нельзя предсказать, что унесет человечество в небытие — омницид или же космическая катастрофа. Но конец неизбежен, как и конец нашей Вселенной»¹¹⁰.

Поэтому, с одной стороны, любой краткосрочный прогноз «конца света» выглядит не очень убедительно. С другой стороны, принципиальный «прогноз» конца человечества (как биологического вида? вместе с другими живыми существами? одновременно с Землей?) гарантировано сбудется. С вероятностью 100%. И здесь мы сталкиваемся с идеей *принципиальной непредсказуемости нашего общего будущего*.

Другое дело, что человечество *step by step*, с поразительным упорством и ускорением приближает возможность «рукотворного» конца: благодаря экологическим катастрофам, войнам с использованием оружия массового поражения (атомного, водородного, нейтронного, биологического) или иным «достижениям науки и техники...»

Очевидно, человечество в «борьбе» с природой и самим собой (войны, терроризм и т.п.) достигло некой критической, пороговой, бифуркационной точки, когда каждый последующий шаг может привести к непредсказуемым последствиям. Об этом свидетельствует, в частности, совпадение во времени глобальных кризисов: экологического, энергетического, продовольственного, возможности ядерной катастрофы и др. В основе многих (если не всех) кризисов лежат экспансионистские, агрессивные притязания и методы их реализации.

Вообще говоря, для системы обычно прохождение в процессе эволюции бифуркационных точек, состояний, когда в результате постепенно накапливаемых изменений система оказывается перед «выбором» качественно иного пути развития (или — гибели). Старый адаптационный механизм «не срабатывает». Требуется

¹¹⁰ Гишинский Я. Я в Мире, Мир во мне. Неоконченные мемуары. СПб.: Деан, 2010. С. 197.

принципиально новый механизм, или же систему ждет гибель (не случайно, по терминологии Р. Тома, бифуркация — это катастрофа). Бифуркация — точка разветвления пути, но вот по какой ветви пойдет дальнейшее развитие — принципиально непредсказуемо.

При всей вероятности катастрофического варианта, просматривается и другой, «оптимистический» (или хотя бы продлевающий агонию существования), связанный с *ненасилием* и творчеством — как альтернативой Насилию.

Очень важно понять, что второй, оптимистический вариант не может реализоваться сам собой. Хотя бы потому, что в силу второго закона термодинамики и принципа возрастания энтропии в системе для нее «проще», «естественнее», «экономичнее» саморазрушение, дезорганизация. Повышение степени организованности требует дополнительных «усилий», активного привлечения внешних для системы источников энергии. Этой фундаментальной закономерностью зачастую пренебрегают, уповая на оптимистический исход «само собой». Как ребенок и юноша не представляют для себя реальности смерти, этого неизбежного конца индивидуального существования, так взрослые не верят в возможную гибель человечества. Этот антропоцентристский оптимизм особенно бездумно и отчетливо проявляется в печально знаменитом российском «авось».

Между тем, так показали исследования, проводившиеся по инициативе Римского клуба, «установившийся ход развития экономического и демографического процессов может иметь только катастрофические последствия»¹¹¹. Поэтому встречающиеся «проекты» просто затормозить (прекратить) научно-технический и экономический прогресс не только утопичны (типа руссоистского «назад к природе»), но и бесперспективны, даже в случае их реализации!

Требуются новое мышление и новая политика, основывающиеся на понимании того, что, во-первых, противоречия интересов (обществ и государств, социальных групп и индивидов) и социальные конфликты неизбежны (более того, плодотворны, служат источником прогресса). Во-вторых, *способы разрешения* конфликта должны носить ненасильственный характер. При этом, в-третьих, неизбежны компромиссы. А, следовательно, в-четвертых, для этого должны быть созданы механизмы, социальные организации по

¹¹¹ Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. Указ. соч. С. 223. См. также: Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980.

выработке компромиссных, ненасильственных средств и способов разрешения постоянно возникающих конфликтов («институты согласия», по Н.Н. Моисееву, или институты посредничества, по Н. Кристи)¹¹².

Но для этого в мире должны победить представления о приоритете *общечеловеческих* ценностей и интересов (по сравнению с национальными, классовыми, религиозными и любыми другими), об *абсолютной ценности каждой* человеческой жизни (и жизни вообще — принцип «*Veneratio vitae!*» А. Швейцера), о самоценности Индивидуальности, разнообразия личностей и опасности усредненной, обезличенной личности, о толерантности, терпимости как благе, а насилию — как абсолютном зле. Нет таких целей, которые оправдывали бы человеческие жертвы!

Социальное творчество как «способ» адаптации и средство самоутверждения должно потеснить и заменить в этих качествах агрессивность, стяжательство и «волю к власти».

Социальное насилие, возникшее как средство адаптации, сохранения и развития «венца природы», исчерпало себя в этом качестве, становится не только нефункционально и неадаптивно, но и угрожает самому существованию человечества. Случай не уникальный в истории Земли. Так, вымерли сильные и злобные гигантские ящеры. Их ранее адаптивные возможности стали неадаптивны. Ящеры не смогли по ходу эволюции «перестроиться»... А человечество?

Признаюсь, автор не очень верит в «оптимистический» вариант продолжения человеческой истории...

¹¹² См.: Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. Указ. соч. С. 275-283; Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб.: Алитейя, 2011. С. 91-95, 157-159.

Часть II. Феноменология насилия

Глава 4. Насильственная преступность

Общая характеристика

Насильственные преступления против личности — лишь одно из проявлений социального насилия. По классификации С. Жижека они относятся к «субъективному насилию» — наиболее очевидному. Название «насильственные преступления» или же «преступления против личности», принятые в литературе, условны, поскольку все преступления — суть проявления насилия в широком смысле этого слова (как нанесение вреда, принуждение, ограничение свободы воли), все преступления так или иначе затрагивают интересы личности.

Конечно, насильственные преступления совершаются во всех странах, во все времена. Более или менее подробный их анализ невозможен в рамках настоящей работы. Поэтому ниже будет представлен обзор ситуации в России лишь с некоторыми отсылками к мировым тенденциям.

В узком смысле под насильственными преступлениями против личности понимаются *нелегитимные, запрещенные уголовным законом деяния, посягающие на жизнь, здоровье, физическую (в том числе, половую) неприкосновенность личности*. К таким деяниям в России относятся преступления, предусмотренные главами 16 и 18 Уголовного Кодекса (УК) РФ, ст. 126-128, 205-206, 277, 317-318, 333-335, 353, 356, 357, 360 УК РФ, а также иные преступления, когда они посягают на жизнь, здоровье или физическую неприкосновенность граждан (например, хулиганство сопровождаемое насилием, грабёж с насилием или разбой, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшие вред здоровью или смерти и т.п.).

Однако в силу традиции и с учетом имеющихся статистических данных, мы вынуждены в дальнейшем анализе ограничиться теми преступлениями, *непосредственным объектом* которых является жизнь, здоровье (гл. 16 УК РФ), половая неприкосновенность и свобода (гл. 18 УК РФ). Так, с 1997 г. к преступлениям против личности уголовная статистика относит и учитывает: убийство и покушение на убийство; убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; причинение смерти по неосторожности; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью; причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта; истязания; изнасилование и покушение на изнасилование; насильственные действия сексуального характера и др.

Динамика тяжких преступлений против личности в России представлена в табл. 2. Кроме того, обширный материал содержится в монографии В.В. Лунеева¹¹³. Поэтому ограничимся краткой характеристикой некоторых *качественных* изменений преступлений против личности.

Большинство исследователей отмечают: увеличение числа заказных убийств по экономическим и политическим мотивам, а также вследствие «разборок» криминальных структур (по некоторым данным, значительно превосходящим официальные, ежегодно в стране совершается 500-600 убийств «по найму»¹¹⁴); рост количества актов и жертв терроризма; взятие заложников; вымогательство с применением изощренных методов насилия (пытки). Нередко называется рост числа серийных убийств на сексуальной почве, включая педофилию. Однако скорее мы имеем дело с эффектом быстрого реагирования средств массовой информации. По мнению психологов и психиатров, доля лиц с патологией влечений (в том числе сексуального характера), которые являются основными субъектами таких преступлений, относительно стабильна в популяции.

¹¹³ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2005. С. 397-455; Он же. Курс мировой и российской криминологии. Особенная часть. Т. 2. М.: Юрайт, 2011. См. также: Гишинский Я. Криминология. Указ. соч. С. 201-249.

¹¹⁴ Преступность и культура / ред. А.И. Долгова. М.: Криминологическая Ассоциация, 1999. С. 146.

Очень высок уровень латентных насильственных действий, включая преступные, по отношению к детям. Чрезвычайно высока и латентность жертв «дедовщины» в армии¹¹⁵. К этому следует добавить «засекреченность» статистики военной юстиции.

Вот как характеризует ситуацию в армии В.В. Лунеев: «В 60-е годы (XX в. — Я.Г.) «дедовщина» носила унижительный, но ритуальный характер: били «провинившегося» пряжкой ремня или ложкой по ягодицам. В 70-80-е годы упомянутые деяния приобрели опасный насильственный и массовый характер с тяжкими, а нередко и смертельными последствиями... Укрывательство «дедовщины» в середине 80-х годов превысило все мыслимые пределы. Как показывали некоторые проверки, военные госпитали были переполнены солдатами с переломами челюстей, разрывами печени и селезенки и другими травмами от «неуставных отношений». Боясь расправы и старослужащих, и командования, они, как правило, утверждали, что получили повреждения от случайного падения... Реально «дедовщину» загнали в подполье воинских отношений. Правда об этом стала известна обществу лишь в 1990-1991 гг., после массового негодования родителей потерпевших от «дедовщины» военнослужащих»¹¹⁶.

Не следует думать, что ситуация с тех пор изменилась в лучшую сторону. Скорее — наоборот¹¹⁷.

И еще несколько соображений по поводу «заказных» убийств. *Убийства по найму* были известны всегда. В силу разных причин лицо, задумавшее уничтожить кого-либо, действовало не само, а «поручало» это другому (другим) лицам. Чаще всего — за вознаграждение, но это могла быть и «идейная» услуга. Условно можно выделить две группы заказных убийств: *бытовые* (устранить ненавистного супруга, отделаться от кредитора, нежеланного ре-

¹¹⁵ См.: Беловранин А. Черная книга. М.: ArsisBooks, 2011; Дедовщина в армии / ред. С.А. Белановский. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования, 1991; Лунеев В.В. Преступность XX века. С. 772-774; Мащевич И.М., Эминов В.Е. Преступное насилие среди военнослужащих. М.: Юрист, 1994; Нарушения прав человека в армиях стран СНГ. М.: МОПЧ, 1992.

¹¹⁶ Лунеев В.В. (1997) Указ. соч. С. 387-389.

¹¹⁷ Помимо монографии В.В. Лунеева, 2005. См.: Беловранин А. Указ. соч. Моргуленко Е.А. Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

банка, обеспечить скорейшее получение наследства и т.п.) и «элитарно-конкурентные» — «освободить» место на троне, устранить конкурента в политике, бизнесе и т.п. Кроме того, по характеру исполнения можно различать «тайные» заказные убийства (чаще всего — бытовые) и «на публику» — открытые, явные, рассчитанные на устрашение других конкурентов (дабы им не повадно было!). Все эти разновидности убийств по найму сохранились по сей день.

Современной новеллой является формирование института и корпуса профессиональных наемных убийц — киллеров, специально подготавливаемых, различной степени квалификации, а, соответственно и с определенной таксой оплаты «труда».

Таблица 2

Тяжкие преступления против личности в России (1985-2011)

Годы	Умышленные убийства (с покушениями)		Причинение тяжких телесных повреждения (тяжкий вред здоровью)	
	Абсолют-во	Уровень*	Абсолют-во	Уровень*
1985	12 160	8,5	28 381	19,9
1986	9 437	6,6	21 185	14,7
1987	9 199	6,3	20 100	13,9
1988	10 572	7,2	26 639	18,2
1989	13 543	9,2	36 872	25,0
1990	15 566	10,5	40 962	27,7
1991	16 122	10,9	41 195	27,8
1992	23 006	15,5	53 873	36,2
1993	29 213	19,6	66 902	45,1
1994	32 286	21,8	67 706	45,7
1995	31 703	21,4	61 734	41,6
1996	29 406	19,9	53 417	36,2

1997	28 285	19,9	46 131	31,4
1998	29 551	20,1	45 170	30,8
1999	31 140	21,3	47 669	32,6
2000	31 829	21,9	49 784	34,2
2001	33 583	23,1	55 739	38,4
2002	32285	22,5	58469	40,7
2003	31630	22,1	57087	39,9
2004	31553	21,9	57352	39,8
2005	30849	21,5	57863	40,3
2006	27039	19,2	51429	36,0
2007	21895	15,6	47348	33,3
2008	19740	13,9	45436	32,0
2009	17414	12,3	43112	30,4
2010	15324	10,8	39745	28,0
2011	14305	10,0	38512	26,9

*В расчете на 100 тыс. населения

Динамика тяжких насильственных преступлений, представленная в Табл. 2, свидетельствует об определенных закономерностях (при всех поправках на «несовершенство» официальной статистики. О масштабах латентной — незарегистрированной — преступности свидетельствуют данные специальных исследований¹¹⁸ и утверждение проф. М.М. Бабаева: «Ни одной цифре, которая публикуется официально МВД, я — сотрудник МВД, полковник милиции в отставке — не верю. Это бессовестная ложь»¹¹⁹).

¹¹⁸ Латентная преступность в Российской Федерации: 2001-2006 / ред. С.М. Иншаков. М.: ЮНИТИ, 2007; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / ред. С.М. Иншаков. М.: Юнити-Дана, 2011.

¹¹⁹ The New Times, 2009 март.

- Наблюдается устойчивое снижение уровня (в расчете на 100 тыс. населения) насильственных преступлений, также как всей преступности, в годы горбачевской «Перестройки» (1986-1988). Аналогичное снижение всех показателей преступности, включая насильственную), а также самоубийств, было во время хрущевской «Оттепели» (например, самый низкий уровень преступности в России после Второй Мировой войны — ниже 400 — отмечен в 1963-1965 гг.). Это свидетельствует, с моей точки зрения, о позитивном влиянии процессов либерализации и демократизации (насколько вообще можно говорить о «либерализме» и «демократии» в России).
- Существенный рост насильственной (и иной¹²⁰) преступности начался с 1992 г. и достиг первого максимума в 1994 г. («Перестройка» захлебнулась). С 2000 г. уровень тяжких насильственных преступлений возрастает еще больше, достигнув второго максимума в 2001 (убийства) — 2002 (причинение тяжкого вреда здоровью) годах.
- Достаточно неожиданное снижение началось с 2006-2007 гг., достигнув к 2011 г. минимума. Поскольку все факторы, обуславливающие преступность вообще, тяжкую насильственную, в частности, сохраняются в России и даже усугубляются (степень социально-экономического неравенства), это сокращение, согласно официальной статистики, вызывает у специалистов недоумение.

Есть, как мне представляется, два тому объяснения. Первое лежит на поверхности: дальнейшее сокрытие преступлений от регистрации. На этом настаивают профессора М.М. Бабаев, С.М. Иншаков, С.Ф. Милюков, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло и др. Не исключает такое объяснение и автор этих строк. Но есть, как мне кажется, и другие (возможно — дополнительные) объяснения. Дело в том, что с конца 1990-х — начала 2000-х гг. наблюдается сокращение уровня преступности, включая насильственную, во многих странах: Великобритании, Германии, Испании, Канаде, Латвии, Литве, Нидерландах, США, Швейцарии, Швеции и др. Возможно, существуют некие общемировые тенденции, обуславливающие «волны» преступности — сложного социального феномена, развивающегося по собственным законам... Так, с конца 1950-х до кон-

¹²⁰ См.: упомянутые труды В.В. Лунесва и Я.И. Гилинского.

ца 1990-х гг. происходил неуклонный рост преступности во всем мире¹²¹. Противоположная тенденция наблюдается в конце минувшего — начале наступившего столетия. Насколько она устойчива, повсеместна и чем объясняется — покажет будущее. Еще одно из возможных объяснений (гипотез). Основная, «делающая погоду» (статистику) часть преступности — «*street crimes*», ее главный субъект — подростки и молодежь, а они с конца прошлого столетия все активнее уходят в виртуальный мир Интернета и там удовлетворяют свою потребность в самоутверждении (общаются, любят друг друга, творят, реализуют агрессивные интенции и т.д.). Зарубежные участники ежегодной конференции Европейского общества криминологов (Бильбао, 2012), находят объяснение неожиданному сокращению основных видов преступности в «секьюритизации», т.е. повышении уровня безопасности населения. Это подтверждается, в частности, и трендом (понижение) виктимизации.

Место преступлений против личности в структуре преступности

Удельный вес рассматриваемых преступлений в общем объеме преступности в России составлял: 1986 г. — 5,3%; 1987 г. — 5,4%; 1988 г. — 6,0%; 1989 г. — 5,8%; 1990 г. — 5,5%; 1991 г. — 4,6%; 1992 г. — 4,4%; 1993 г. — 5,2%; 1994 г. — 5,8%; 1995 г. — 5,2%; 1996 г. — 4,8%; 1997 г. — 4,9%; 1998 г. — 4,6%; 1999 — 4,1%; 2000 — 4,3%; 2001 — 4,6%; 2002 — 5,6%; 2003 — 5,2%; 2004 — 5,2%; 2005 — 4,5%; 2006 — 4,0%; 2007 — 3,8%¹²². Это относительно невысокая и стабильная доля (от 3,8% в 2007 г. до 6,0% в 1988 г.). Напомним, однако, что в Японии в 1995 г. удельный вес преступлений против личности составил всего 0,7%.

Удельный вес убийств в общем объеме преступности составил 0,6% в 2009, 2010 и 2011 гг., причинения тяжкого вреда здоровью — соответственно 1,4%, 1,5% и 1,6%, изнасилований — 0,2%.

Некоторые мировые показатели убийств представлены в таблице 3.

¹²¹ См.: Лунеев В.В. Преступность XX века. С. 23-64.

¹²² Здесь и далее основной статистической базой служат ежегодники «Преступность и правонарушения», а также ежегодники «Состояние преступности в России».

**Уровень смертности (на 100 тыс. жителей)
от убийств в ряде стран (1984-2008)**

	1984	1986	1988	1990	1992	1994	1995	1999- 2001	2007- 2008
Австралия			2,4	2,2	1,6	1,8		1,9	1,1
Австрия			1,2	1,6	1,5		1,0	1,2	1,2
Аргентина	4,5			5,0	4,6				5,0
Венгрия			2,7	3,1	4,0	3,5	3,5	2,3	2,1
Германия			1,1		1,2	1,2	1,1	1,2	1,1
Дания		1,2	1,1	1,0	1,3	1,3	1,2	1,0	2,0
Израиль		1,8	1,3	1,7	1,4	2,7	1,4		
Испания	0,9	1,0		0,9	1,2	0,9		1,1	
Италия	1,6	1,3	1,9	2,6	2,2			1,5	1,9
Канада		2,0			2,1	1,7	1,6	1,8	2,0
Колумбия	33,3				88,5	78,7			37,0
Мексика		19,4			18,8	17,7	17,1		9,0
Нидерланды		1,0	0,9		1,3	1,1	1,2	1,5	2,0
Норвегия		1,5	1,1		1,1	0,8		0,9	1,1
Польша		1,7	1,7	2,9	2,9	2,9	2,8	2,0	2,0
Россия			9,7	14,3	22,9	32,6	30,8	22,0	16,0
США	8,2	8,5		10,4	9,9	9,1		5,6	6,0
Финляндия			2,8		3,4	3,2	2,9	2,8	2,0
Франция		1,2	1,0		1,0	1,1		1,7	2,0
Швейцария			1,2	1,5	1,5	1,3		1,1	
Швеция		1,4	1,4	1,3	1,3	1,2	0,9	1,1	1,9
Япония			0,7	0,6	0,6	0,6		1,0	1,0

Источник: Ежегодник World Health Statistics. Geneva; Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal Justice statistics, 2001 // Home Office, 2003; Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki: HEUNI, 2010.

В целом уровень убийств в мире и в большинстве регионов относительно стабилен. Так, общемировой показатель в течение 1980-2000 гг. держится примерно между 6-8 убийствами в год на 100 тыс. населения с небольшим возрастанием в 1989 г. и 1992-1994 гг. Самые высокие средние показатели убийств — 23-26 — в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Так, в 2010-2012 гг. на первое место в мире по уровню убийств, обогнав Колумбию, вышла Венесуэла: в 2010 г. — 48, 2011 — 67, 2012 — 73¹²³. Высокий уровень убийств в странах Африки к югу от Сахары — 17-21 с тенденцией к снижению (максимум — 21 в 1989 г., к 2000 г. — 17). Самые низкие показатели — в Арабских государствах (2-3) и в странах Европейского Союза (1,0-2,5), а также в Японии (0,6-1).

Структура преступлений против личности

Внутреннюю структуру преступлений против личности проследим за несколько лет (таблице 4).

Как видно из приведенных данных, с середины 90-х годов минувшего века возрастает доля убийств (с покушениями) в структуре преступлений против личности и сокращается удельный вес изнасилований (с покушениями) и привилегированных составов убийств при относительной стабильности иных преступлений. 2006 и 2007 гг. вносит некоторые коррективы в эту динамику (сокращение доли убийств), но насколько это случайно или закономерно покажет будущее.

Однако трудно сказать — отражает ли это реальную динамику и структуру рассматриваемых преступлений или же является следствием относительно меньшей латентности убийств при очень высокой латентности изнасилований и других преступлений против личности.

¹²³ Уходящий год в Венесуэле поставил рекорд по числу убийств // URL: <http://ria.ru/world/20121228/916531857.html#13569513036322&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration> (дата обращения 31.12.2012).

**Структура преступлений против личности в России
(1987-2008), в %**

	1987	1991	1992	1994*	1996	1998	2000	2004	2006	2007	2008
Умышленные убийства	11,8	14,4	17,5	21,2	23,1	24,9	25,2	21,0	17,9	16,3	15,8
Покушения на убийство	2,5	1,7	1,6								
Убийства при превышении пределов необходимой обороны и неосторожные убийства	2,0	1,6	1,5	1,3	1,3	1,5	0,4	0,4	0,3	0,4	0,4
Причинение тяжкого вреда здоровью	31,4	41,2	44,5	44,4	42,0	38,1	38,3	38,3	33,5	34,7	35,8
Причинение средней тяжести вреда здоровью и причинение вреда в состоянии аффекта	35,3	27,1	23,6	24,0	25,0	27,9			36,9	37,7	37,0
Изнасилование	13,1	11,3	9,6	9,1	8,6	7,6	5,9	5,9	5,8	5,2	4,9
Покушение на изнасилование	3,9	2,7	1,7								

* С 1993 г. публикуются общие сведения об убийстве с покушениями и изнасиловании с покушениями

Хотя убийства всегда и везде относятся к числу преступлений с наименьшей латентностью («труп не спрячешь!»), однако за последнее десятилетие в России и это тягчайшее преступление становится высоко латентным. «Прятать трупы» удается, прежде всего, за счет лиц «пропавших без вести» и не найденных. Так, в 1995 г. было объявлено в розыск лиц, без вести пропавших — 57850, установлено (с учетом прошлых лет) — 47863, осталось в розыске — 25232, всего разыскивалось (с учетом прошлых лет) — 78781, всего установлено — 57382 (72,8%); в 1998 г. было объявлено в розыск лиц, без вести пропавших — 52677, установлено — 46577, осталось в розыске 25485, всего разыскивалось ранее объявленных в розыск (прошлых лет) — 26107, всего установлено из ранее объявленных

в розыск — 4245, процент установленных в данном году — 88,4, процент установленных за прошлые годы — 16,3; в 2003 г. всего разыскивалось 518260 человек, из них были разысканы 318015 (61,4%), остались в розыске 192957 человек. Далее, среди все возрастающего числа неопознанных трупов (в 1990 г. — 2837, в 1995 г. — 18381, в среднем за последние годы — свыше 16-18 тыс. ежегодно) по многим не удается определить причину смерти (вследствие гнилостных и иных изменений), а потому не регистрируются возможные случаи убийств. Не попадают в данные уголовной статистики и деяния (в том числе, лишение жизни), совершенные лицами, не подлежащими уголовной ответственности в связи с недостижением возраста уголовной ответственности или же невменяемостью.

Приведем выдержку из выступления проф. В.С. Овчинского: «За 2008 год в органы внутренних дел поступили 147 тыс. заявлений о пропаже людей. 72 тысячи были найдены без проведения розыскных мероприятий. Остальных искали сотрудники соответствующих подразделений МВД, и они нашли большую часть людей. Они работали хорошо... но остались ненайденными около 5,5 тысяч человек.

Еще одно: неопознанные трупы. В прошлом году были обнаружены несколько десятков тысяч трупов, из них большая часть опознаны, но из-за так называемых гнилостных изменений и других факторов остались неопознанными около 6,5 тысяч трупов.

Итак, мы имеем 5 тысяч разницы между медицинской и уголовной статистикой, 5,5 тысяч людей так и не было найдено, 6,5 тыс. неопознанных трупов»¹²⁴.

А вот некоторые данные московских коллег по результатам анонимного экспертного опроса в 2001-2006 гг.¹²⁵ Средневзвешенный коэффициент латентности за эти годы составил: убийство — 1,42; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 1,12; изнасилование — 3,69. При этом уровень латентности рос год от года. Так, в 2009г. коэффициент латентности убийств вырос до 2,3; умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — до 2,2; изнасилований — до 7,5¹²⁶. По данным В.В. Лунеева, В.С. Овчинского и автора

¹²⁴ Владимир Овчинский: уголовная статистика управляема // URL: <http://www.vz.ru/news/2009/3/5/262484.html> (дата обращения 06.09.2011).

¹²⁵ Латентная преступность в Российской Федерации: 2001-2006 / ред. С.М. Иншаков. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 317.

¹²⁶ Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / ред. С.М. Иншаков. М.: Юнити-Дана, 2011. С. 121-177.

этих строк, латентность убийств еще выше: реальное их число в 2-4 раза выше регистрируемого.

Велико число *жертв* преступлений. Так, в результате различных преступлений погибло людей: 1987 г. — 25706 человек; 1988 г. — 30403; 1989 г. — 39102; 1990 г. — 41634; 1991 г. — 44365; 1992 г. — 213590¹²⁷; 1993 г. — 75365; 1994 г. — 75034; 1995 г. — 75510; 1996 г. — 65368; 1997 г. — 62598; 1998 г. — 64545; 1999 г. — 65060; 2000 г. — 76651; 2001 — 78697; 2002 — 76803; 2003 — 76921; 2004 — 72317; 2005 — 68554; 2006 г. — 61378; 2007 г. — 53987 человек. Всего за 1987 — 2007 гг. погибли 1446588 человек.

Анализ *социально-демографического состава* лиц, совершивших тяжкие преступления против личности, позволяет выявить некоторые тенденции. Увеличивается доля женщин, совершающих убийство и — особенно причиняющих тяжкий вред здоровью. Существенно растет удельный вес несовершеннолетних в таких преступлениях как убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при наметившемся сокращении в 2005-2006 гг. Но уменьшается их доля среди совершивших изнасилование. Резко сокращается (в 4 раза!) удельный вес рабочих по всем тяжким насильственным преступлениям, что, очевидно, можно объяснить уменьшением этой социальной группы в населении. Наконец, значительно возрастает по всем рассматриваемым преступлениям доля лиц, не имеющих постоянного источника доходов и безработных (сведения о последних публикуются только с 1993 г.).

Устойчиво высок удельный вес лиц, совершивших преступления в состоянии *алкогольного опьянения* (68-78% среди убийц, 75-81% среди причинивших тяжкий вред здоровью и 60-78% совершивших изнасилование). Доля совершивших преступления под воздействием *наркотиков* не превышает за отдельные годы 0,7-0,8% (в среднем же — 0,2-0,4%).

Неравномерно *территориальное распределение тяжких преступлений против личности* по регионам России.

Так, если средний по России уровень *убийств* (с покушениями) составлял в **1998** г. 20,1, в Тыве он достиг 60,1 (в 1994 г. этот «рекордный» показатель составил в республике 82,1); в Иркутской области — 41,1; свыше 30 — в Бурятии, Хакасии, Хабаровском крае, Кемеровской и Читинской областях. Самые низкие показате-

¹²⁷ Такой всплеск в 1992 г. вызывает сомнения, однако эта цифра повторяется во всех статистических сборниках.

ли (ниже 13) оказались в Башкортостане, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Белгородской, Воронежской, Пензенской областях. В 2007 г. средний по стране уровень убийств (с покушениями) составил 15,6. Максимальный уровень в этом году был в республике Тыва — 64,6; в областях Сахалинской — 33,0; Читинской — 35,9; Чукотском А. О. — 35,7; Республике Бурятии — 32,6. Минимальный уровень — в республиках Дагестан — 6,4; Адыгее — 7,7; в Белгородской области — 7,9.

Уровень умышленного причинения *тяжкого вреда здоровью* в 1998 г. при среднероссийском показателе 30,8 составил в Тыве — 163,0; в Иркутской области — 66,7; свыше 50 — в республике Алтай (57,5), Бурятии, республике Саха (Якутия), Хакасии, Красноярском и Хабаровском краях, Еврейской АО, Кемеровской (58,6), Пермской, Сахалинской, Читинской (59,6) областях. Самые низкие показатели в 1998 г. (ниже 15) были в Дагестане (6,5), Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Москве. В 2007 г. среднероссийский уровень — 33,3. Максимальный уровень — в республиках Тыва — 223,3 (!); в областях Читинской — 91,7; Иркутской — 92,1; в Чукотском А.О. — 99,0. Минимальный уровень в республиках Ингушетия — 3,2; Чечня — 3,5; Дагестан — 7,6.

При среднероссийском уровне *изнасилований* (с покушениями) в 1998 г. — 6,1, в Тыве он достиг — 26,8; свыше 14 — в республиках Алтай, Коми, Удмуртия; ниже 4 — в Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии, Белгородской, Владимирской, Мурманской, Пензенской областях, в Москве и Санкт-Петербурге. В 2007 г. средний по России уровень изнасилований — 4,9. Максимальный уровень — в республиках Тыва — 39,7; Алтай — 27,8; Хакасия — 15,5. Минимальный уровень — в республиках Ингушетия — 0,2; Чечня — 1,9; в Мурманской области — 1,3.

В целом по тяжким насильственным преступлениям отмечается высокая криминальная активность в Приморском и Хабаровском краях, Восточной Сибири, в некоторых регионах Западной Сибири и Урала. Катастрофическими показателями характеризуется Тыва. Наиболее благополучными, по данным официальной статистики, являются регионы Северного Кавказа, ряд областей Центральной России, а также оба столичных мегаполиса.

Конкретные причины существенной неравномерности территориального распределения преступлений против личности требуют

специального, углубленного изучения¹²⁸. В общем виде они объясняются различиями в условиях жизни, особенностями демографического состава населения. Не исключено, что низкие показатели в республиках Северного Кавказа зависят от специфических форм социального контроля (включая возможность кровной мести), когда общинные (этнические, клановые) отношения, во-первых, удерживают от крайних проявлений насилия, а, во-вторых, неформальный контроль подменяет формальный, и случаи насилия не становятся известными правоохранительным органам (точнее, не регистрируются ими).

Различен уровень насильственных преступлений в *городах* и *сельской* местности. Так, уровень (на 100 тыс. жителей соответствующих типов поселений) убийств в городах и поселках городского типа составил в 1990 г. — 9,0, в сельской местности — 14,6 (в 1,6 раза выше), в 1998 г. соответственно — 18,4 и 24,8 (в сельской местности выше в 1,3 раза), в 2005 г. соответственно — 14,6 и 25,3 (в сельской местности выше в 1,7 раза). Уровень причинения тяжкого вреда здоровью среди городского населения в 1990 г. составил 27,6, среди сельского населения — 27,9; в 1998 г. этот разрыв оказался более значительным: соответственно 29,0 и 35,6 (в 1,2 раза); в 2005 г. соответственно 39,2 и 42,8. Уровень изнасилований в 1990 г. в сельской местности (13,5) был в 1,5 раза выше, чем в городах и поселках городского типа (8,9), в 1998 г. — в 1,7 раза (уровни 8,8 и 5,1 соответственно), в 2005 г. — в 1,4 раза (уровни 5,8 и 8,1). Мы привели для иллюстрации данные лишь по трем годам (рассчитаны нами исходя из городского населения в 1990 г. — 109,2 млн. человек, в 1998 г. — 107,3 млн. человек, в 2005 г. — 105 млн. человек, сельского — соответственно 38,8 млн., 39,4 млн. и 38 млн. человек), однако они отражают ситуацию в целом: уровень зарегистрированного насилия в сельской местности в России существенно выше, чем в городах (и это при более высокой латентности преступлений на селе).

Существуют различные этому объяснения. С моей точки зрения, во-первых, жители села традиционно решают возникшие межличностные конфликты с помощью физической силы. Во-вторых, выше уровень алкоголизации сельского населения, а большинство тяжких насильственных преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Наконец, в-третьих, нельзя исключить обычного для сельских жителей

¹²⁸ См., например: Ростов К.Т. Преступность в регионах России. СПб.: СПб Академия МВД РФ, 1998; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор Бук, 2005.

более «простого», чтобы не сказать — пренебрежительного отношения к ценности жизни вообще («бог дал, бог и взял»; к медицинской помощи, особенно — квалифицированной, в условиях российских расстояний обращаться гораздо сложнее, чем горожанам; убийство домашних животных — на мясо — дело привычное и «наглядное» с детского возраста).

Распределение тяжких насильственных преступлений во времени также имеет свои закономерности. Они хуже изучены, чем пространственные различия. Лишь в качестве примера заметим, что по нашим данным, в Ленинграде 80-х гг. минувшего столетия *недельный* максимум тяжких телесных повреждений (по нынешнему законодательству — причинение тяжкого вреда здоровью) и изнасилований приходился на субботу (соответственно 21,5 и 20,9% недельного количества), минимум наблюдался в начале недели (понедельник, вторник). Убийства были распределены по дням недели более равномерно, но с резким сокращением в воскресенье. *Суточное* распределение всех рассматриваемых видов тяжких насильственных преступлений было примерно одинаковое: максимум с 20 до 23 часов (38,5% суточного числа убийств, около 48% тяжких телесных повреждений, 33,6% изнасилований), далее по частоте преступлений следовал интервал с 16 до 19 часов, лишь изнасилований относительно больше приходилось на ночное время — 0–3 часа, меньше всего насильственных преступлений совершалось в период с 4 до 11 часов. Что касается *сезонной* волны, то убийства имели три максимума (в порядке убывания): апрель, июль, ноябрь и три минимума — в феврале, июне, октябре. Максимум тяжких телесных повреждений также приходился на апрель, июль, ноябрь, а минимум наблюдался в декабре, феврале, сентябре. Что касается изнасилований, то их максимум располагался в августе-декабре (с «пиком» в сентябре и ноябре), а минимум в марте-мае¹²⁹.

Большинство тяжких насильственных преступлений совершаются в *семейной* и *бытовой* сферах¹³⁰. Женщины, как правило, чаще становятся жертвами семейного насилия.

¹²⁹ Аврутин Ю.Е., Гишинский Я.И. Криминологический анализ преступности в регионе: методология, методика, техника. СПб.: Акад. МВД, 1991. С. 221-222.

¹³⁰ Старков О.В. Бытовые насильственные преступления. Рязань: ВШ МВД РФ, 1992; Шестаков Д.А. Семейная криминология (криминофамилистика). СПб.: Юридический центр Пресс, 2003; Elliot D., Hamburg B., Williams K. (Eds.) Violence in American Schools. Cambridge University Press, 1998; Heiskanen M., Ruuskanen E. Men's Experiences in Finland 2009. Helsinki: HEUNI, 2011; Wallace H. Family Violence: Legal, Medical, and Social Perspectives. Allyn and Bakon, Needham Heights, 1996.

Первоначально в США, а затем и в ряде других государств, включая современную Россию, серьезную опасность представляют преступления против личности с применением *огнестрельного оружия*. Региональные межэтнические конфликты, частичная дезорганизация и коммерциализация воинской службы, формирование устойчивых преступных сообществ привели в России к резкому росту преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия: 1987 г. — 2164 зарегистрированных случаев, в том числе 534 убийств или покушений на убийства, 1991 г. — 4481 случай (из них 970 убийств или покушений на убийства), 1993 г. — 19154 случая (из них 2957 убийств с покушениями), 1997 г. — 19650 случаев, 1999 г. — 15591 случай, 2006 г. — 18727 случаев, 2009 г. — 8679. В 2003 г. зарегистрировано 54203 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в 2006 г. — 30055 таких преступлений, в 2009 — 34249. Динамика преступлений, совершенных с использованием огнестрельного и газового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств за последние годы (в тысячах) относительно благоприятная: 2004 — 9,6; 2005 — 9,2; 2006 — 7,6; 2007 — 5,5; 2008 — 4,4; 2009 — 4,4.

Особого внимания заслуживает изучение *жертв* насильственных преступлений. Полицейская статистка в ряде стран (прежде всего, в Германии и Великобритании) столь же подробно учитывает сведения о жертвах, сколь и о преступниках. К сожалению, в России представлены сведения только об общем числе жертв преступлений. Мне известна лишь одна отечественная монография, специально посвященная этой проблеме¹³¹.

Сексуальное насилие

Самостоятельного анализа заслуживают преступления против *половой неприкосновенности* и *половой свободы личности*¹³². Однако, статистические сведения о них (таблице 5) весьма скромны в силу очень высокой латентности.

¹³¹ Вандышев В.В. Жертвы тяжкого преступного насилия. СПб.: МИЭП, 2007.

¹³² Подробный криминологический анализ таких преступлений представлен в: Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007; Он же. Серийные преступления на сексуальной почве. Орел, 2007. См. также: Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В. Криминальная сексология. М.: Спарк, 1999.

Это характерно для многих стран, но, пожалуй, особенно для России: традиционная мораль нередко обрушивается на потерпевших, и те не заявляют в органы расследования о посягательствах. Кроме того, последние часто исходят со стороны знакомых и родственников, что в еще большей степени ограничивает желание жертв предавать огласке случившееся.

Таблица 5

Динамика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы (1995-2010)*

	1995	1996	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2010
Изнасилование	14427	13956	8346	7901	8196	8117	8085	8795	9222	8871	4907
Насильственные действия сексуального характера	-	-	6659	6301	6631	5704	5126	5690	5981	5755	4292
Понуждение к действиям сексуального характера	10	25	147	137	85	90	44	112	662	552	109
Действия сексуального характера с лицом, не достигшем 16 лет	537	447	194	160	146	175	203	751**	11632	3081	3617
Развратные действия	2458	1417	884	697	583	762	841	1397	11562	3070	2306

*УК РФ 1996г. внес существенные изменения в квалификацию рассматриваемого вида преступлений.

**с учетом изменений (ФЗ от 08.12.2003г.).

Глава 5. Ксенофобия и «преступления ненависти»

Россия поражена тяжелой
идеологической болезнью,
которая более тяжела, чем
водородная бомба XX века.
Имя этой болезни — ксенофобия.
А. Асмолов

Преступления по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды — «преступления ненависти» (*Hate crimes*) были всегда. Достаточно вспомнить многочисленные религиозные войны, крестовые походы, межнациональные и межэтнические конфликты, погромы и преследования на почве антисемитизма. Вообще с первых шагов человечества зародились подозрительность и нелюбовь к «чужим», не «своим», нередко переходящая в открытую вражду (впрочем, это присуще всем стадным животным)¹³³.

Вся история человечества — история воин, взаимоуничтожения, пыток и т.п. Но большинство народов, по крайней мере, Западной Европы, Северной Америки, Австралии со временем — одни раньше, другие позже — «цивилизывались», укрощали свои агрессивные инстинкты.

Однако со второй половины минувшего XX столетия такого рода преступления приобрели характер острой социальной проблемы. Тому есть как минимум два объяснения. Во-первых, по мере развития цивилизации, либерализации и гуманизации межчеловеческих отношений население развитых стран стало особенно

¹³³ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966.

болезненно воспринимать любые проявления ксенофобии и преследования на почве национальной, расовой, религиозной вражды, а также по мотивам гомофобии, неприязни к каким бы то ни было категориям населения (нищим, бездомным, инвалидам, проституткам и т.п.). Высмеиваемая подчас «политкорректность» людей западной цивилизации, недопустимость «обзывать» кого бы то ни было алкоголиком (лучше сказать — «У Джона проблема с алкоголем»), наркоманом («У Кэтрин проблема с наркотиками»), преступником («У Смита проблема с законом»), — в действительности есть проявление подлинно человеческой толерантности, достойной уважения. По этой же причине в США не принято употреблять слово «негр», исторически носящее уничижительный характер («нигер»), а предпочтительнее — афро-американец. Во-вторых, одним из негативных последствий глобализации является усиление ксенофобии во всем мире. Глобализация ускорила миграцию, смешение рас, этносов и культур, религий и обычаев. Это в свою очередь приводит к взаимному непониманию, раздражению по поводу «их» нравов, обычаев, привычек, стиля жизни и т.п.

Между тем ксенофобия, нетерпимость во всех ее проявлениях служит реальной угрозой существованию и отдельных обществ и человечества в целом¹³⁴.

Не миновала чаша сия и Россию. Обширнейшие «пустые» пространства вокруг позволяли не трудиться над клочком земли и на этом клочке, а *завоевывать* и присваивать все, что «плохо лежит» (*географический фактор*).

Сказалось и дурное наследство «византийства». Так, «появлением смертной казни российское законодательство обязано византийскому влиянию. Когда греческие епископы рекомендовали князю Владимиру заимствовать римско-византийскую карательную систему, включающую в себя смертную казнь, ...князь Владимир отнесся к их совету с сомнением и неудовольствием. «Боюсь греха!» — отвечал им русский князь. Византийские епископы стремились приобщить Русь к канонам Кормчей книги, где говорится о необходимости казни лиц, занимающихся разбоем. «Ты поставлен от бога

¹³⁴ См.: Гилинский Я.И. Толерантность в России: возможность и невозможность. В: Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном мире. СПб ГУ, 2004. С. 53-58; Он же. Интолерантность в современной России. В: Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб ГУ, 2005. С. 98-103.

на казнь злых людей», — доказывали епископы Владимиру»¹³⁵. И сегодня РПЦ благословляет орудия, танки, ракеты, спецназ...

Россия *никогда* не была демократическим государством, *никогда* не была правовым государством; население страны *всегда* воспитывалось в рабстве, в подчинении, в страхе, всегда господствовали Власть, Сила, Насилие. Когда еще было сказано А. Чеховым, что россиянам надо «по капле выдавливать из себя раба». Этот процесс выдавливания продолжается шаг за шагом без особых видимых результатов (*политический фактор*).

Подавляющее большинство населения России всегда влачило жалкое существование на грани (или за гранью) голода и нищеты; «экономическое процветание» 1913 г. — такой же блеф, как и множество других. Для полуголодных, нищих, необразованных (еще только в 20-30-е годы XX в. речь шла о ликвидации неграмотности!) людей не было иного «культурологического» образца «решения проблем» кроме кулака, вил, топора. Вечное выживание, борьба за кусок хлеба — не лучшие условия либерализации нравов (*экономический фактор*).

XX в. в России (с ГУЛАГ'ом, геноцидом и т. п.) — без комментариев. Тотальное насилие и тотальный страх на протяжении трех-четырёх поколений — это уже почти *генетика!*... Увы, и в «постперестройку» — обнищание большинства, власть криминалитета и криминальность власти.

Хорошо известны ужасы тоталитарного режима в бывшем СССР. Горбачевская «перестройка» принесла России относительную свободу, рыночную экономику, надежды на нормальное развитие. Однако с начала нового — XXI столетия наблюдается возврат России к авторитарному режиму, ограничению прав и свобод граждан, господству ФСБ — наследнице печально знаменитого КГБ.

Уровень *смертности* в России один из самых высоких в мире — 16,4 на 1000 жителей в 2005 г.¹³⁶ Россия на 147 месте в мире по *продолжительности жизни* (65 лет), и то только благодаря женщинам (72 года), ибо продолжительность жизни мужчин — 59-60 лет — одна из самых низких в мире¹³⁷.

¹³⁵ Смертная казнь: за и против. М.: Юрилич. лит-ра, 1989. С. 15.

¹³⁶ Все страны мира (2005) // Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека. № 93. М., 2005.

¹³⁷ Там же.

Россия занимает одно из первых мест по уровню *убийств* и по уровню *самоубийств*; первое место по *душевому потреблению алкоголя* — свыше 18 л абсолютного (100%) алкоголя, обогнав к 1993-1994 гг. традиционного лидера — Францию. Очень высок «индекс агрессивности»: частное от деления уровня убийств на уровень самоубийств¹³⁸.

Россия не входит в группу стран «золотого миллиарда». Рост преступности, алкоголизации, наркотизации населения, самоубийств есть закономерный, необходимый и неизбежный результат непомерного разрыва уровня и образа жизни сверхбогатого меньшинства («включенных») и нищего и полунищего большинства населения («исключенных»). С нашей точки зрения, наибольшую криминогенную опасность представляют сегодня два контингента россиян: растущая масса «исключенных», *маргиналов* и развращенная *коррумпированная властная элита*.

Все это не может не вызывать негативных эмоций, поисков «врагов», виновных в тяжести бытия. И тогда «чужие», «понаехавшие тут», «кошунницы», «пидерасы» (по Н.С. Хрущеву) — оказываются ближайшими «козлами отпущения».

Ксенофобия

Ксенофобия (греч. «xenos» — чужой и «phobos» — страх, боязнь) — страх, опасение перед «чужим», «не своим». А страх порождает неприятие, враждебное отношение, ненависть.

Как уже упоминалось, с первых шагов человечества зародились подозрительность и нелюбовь к «чужим», не «своим», нередко переходящая в открытую вражду. Это чувство формируется в филогенезе и онтогенезе. Чужих следовало опасаться, убийство чужака в первобытном обществе не считалось преступлением (филогенез). Но вспомним поведение современных детей и подростков. Ребенок, только научившись опознавать родных — маму, папу, бабушку, дедушку, может заплакать при появлении «чужого», незнакомого (онтогенез). Дети постарше, видя на экране телевизора сражение, спрашивают взрослых: это наши? Белые? Красные? Фашисты?

На «животном» уровне ксенофобия и вытекающие из нее «преступления ненависти» имеют «естественные» корни. Но человече-

¹³⁸ См.: Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Изд. 2-е. СПб., 2007. С. 374-376.

ство все же несколько отличается от других биологических видов. И одно из свойств цивилизованного общества — преодоление, самоподавление нетерпимости к *иным*, развитие *толерантности*, терпимости¹³⁹.

Между тем, современная глобализация ускорила миграцию, смешение рас, этносов и культур, религий и обычаев, что нередко приводит к взаимному непониманию, вражде.

В 1999 г. призыв «мочить в сортире» террористов получил массовое одобрение и всенародную поддержку на выборах президента России. Правда, лозунг обернулся десятками тысяч убитых с обеих сторон — чеченцев и «федералов». Но, как говорится в любимой народом песне, «мы за ценой не постоим».

Российские «патриоты» вызывают к необыкновенной духовности россиян. За последнее время это проявилось многократно: в разгроме художественной выставки «Осторожно: религия!» в Центре Сахарова с последующим судом... над организаторами выставки; в пикетах и демонстрациях с требованием *запретить* постановку оперы «Дети Розенталя» в Большом театре и спектакль в Санкт-Петербурге. При этом вопрос о запрете оперы всерьез обсуждался в Госдуме, очевидно более важных проблем в России уже нет. А «Наши» мочили в сортире (унитазе!), сооруженном перед зданием Большого театра, книги Владимира Сорокина (но ведь не жгли же, как в гитлеровской Германии!...). Известный галерист М. Гельман пишет: «Ситуация, когда организация выставки (в Центре Сахарова — Я.Г.) признана уголовным преступлением, фантастична... Мракобесы возвысили сейчас свой голос против искусства именно потому, что уверены: власть на их стороне... В суд подали на Александринский театр за спектакль Валерия Фокина: ревнителям Гоголя не понравилась трактовка режиссера!.. Это контекст инквизиции»¹⁴⁰.

Власти Дагестана, а затем Тюмени запретили гастролы Бориса Моисеева по мотиву: «в защиту православной нравственности». Был отменен концерт шведского квартета *Army of lovers*.

¹³⁹ Подробнее см.: Пределы толерантности в современном обществе. СПб ГУ, 2003; Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном обществе. СПб ГУ, 2004; Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб ГУ, 2005; Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб ГУ, 2006.

¹⁴⁰ Московские новости. 1-7.04.2005. С.18.

В апреле 2005 г. в Петербурге был отменен концерт с участием лучших групп российского и украинского рока, поскольку в городе появились многочисленные призывы: «Бей оранжевых», «Бей хохлов», «Дави оранжевую гниду», а в ночь на 29 марта на рекламных афишах концерта появилась надпись: «Бей оранжевую чуму». Организаторы концерта оценили происшедшее и объяснили его отмену однозначно: «Это вынужденная мера в условиях необъявленной войны СВОБОДЕ». Продолжением стала антигрузинская кампания с выявлением лиц грузинской национальности среди школьников России...

Вспомним также письмо пятисот, включая 20 депутатов Думы, Генеральному прокурору с просьбой закрыть все еврейские организации и учреждения, а также публичные антисемитские призывы генерала А. Макашева в телевизионной передаче «К барьеру» с его «убедительной победой» в шесть тысяч голосов телезрителей.

Единственный в Москве храм кришнаитов сносят. А против строительства нового категорически возражают «возмущенные граждане». В Москве «Свидетели Иеговы» запрещены судебным решением. В связи с этим в одном из газетных откликов прозвучало напоминание, что в гитлеровской Германии преследование «Свидетелей Иеговы» предшествовало так называемому «окончательному решению еврейского вопроса»...

Помимо национализма в стране процветает нетерпимость на социальной, экономической, религиозной, идеологической почве. Политика руководства РПЦ фактически взращивает религиозную, конфессиональную нетерпимость (в отличие от экуменических посылов покойного главы римской католической церкви папы Иоанна Павла II). РПЦ собирается внедрять в многоконфессиональное общество православную этику; школьница Маша затеяла второй в истории человечества «обезьяний процесс», предъявив иск департаменту образования о необходимости обучения школьников «божественному сотворению» человека; бросается в качестве пробного камня идея введения в школах уроков православия и т.п. При этом иерархи РПЦ не стесняются благословлять новую военную технику — «орудие дьявола», по словам польского поэта И. Галчинского.

В «культурной столице» Санкт-Петербурге в 2012 г. «истинно православные» выступили за запрет художественной выставки братьев Чепменов «Конец веселья», разбили стекла в квартире-му-

зее В. Набокова — автора «Лолиты», угрожают расправой за театральную постановку «Лолиты».

Апофеозом бесправия и мракобесия явилось осуждение в 2012 г. девушек из группы «Pussy Riot» к лишению свободы за выступление в Храме Христа Спасителя со словами: «Богородица, прогони Путина».

Впрочем, перечислять все проявления ксенофобии в современной России и невозможно и неблагоприятное это дело¹⁴¹.

Известный ученый и поэт академик А. Городницкий с горечью отмечает: «Общая ксенофобия в России чудовищно выросла... Это внушает тревогу... за общий дух, который сегодня царит в обществе. Что же нужно нашему народу? Опять полицейское гетто? Или фашистское государство? Новый фюрер?»¹⁴².

Несколько условно можно говорить об *объективных* и *субъективных* факторах небывалого распространения ксенофобии и нетерпимости в России. И те, и другие факторы — тривиальны.

Объективно нетерпимость, ксенофобия, злоба, зависть и как следствие — «преступления ненависти» (*Hate crimes*), совершаемые по мотивам расовой, этнической, религиозной ненависти или вражды, а также гомофобии — есть закономерный, необходимый и неизбежный результат непомерного разрыва уровня и образа жизни сверхбогатого меньшинства («включенных», «*included*») и нищего и полунищего большинства населения («исключенных», «*excluded*»).

Самое страшное — фактическая невозможность «исключенных» «включиться» в экономическую, политическую, социальную, культурную жизнь. По мнению профессора Ф. Бородкина, свыше 50% населения России — «исключенные», т.е. люди вынужденные существовать на обочине жизни, не будучи включены в активные трудовые, социальные, политические, культурные процессы¹⁴³. С моей точки зрения, реальная доля «исключенных» в современной

¹⁴¹ См., например: Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Политическая ксенофобия. М., 1999; Другой – чужой – враг // Индекс: досье на цензуру. №22. 2005; Мониторинг дискриминации и национал-экстремизм в России. М., 2005; Ксенофобия и другие формы нетерпимости. Природа, причины и пути устранения. СПб ГУ, 2007; Язык вражды против общества. М., 2007.

¹⁴² Новая газета, 10-13.03.2005, с. 11.

¹⁴³ Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал, 2000. №3-4.

России превышает 70%. Треть населения — *бедняки*, чьи доходы ниже нищенского прожиточного минимума, а *полуннищенское* существование влачат как минимум еще две четверти населения. А вот данные Всемирного банка (2005 г.), основанные на официальной российской статистике: доля населения за национальной чертой бедности в России — 30,9%¹⁴⁴.

К этому следует добавить такой бесспорный объективный фактор, как приток иммигрантов, которым не так просто адаптироваться в новой среде, а «среда» не хочет адаптироваться к приезжим. Возникает взаимное недоверие и часто — неприязнь. Среди коренного населения начинают циркулировать идеи повышенной «криминальности» приезжих. Однако, во-первых, эти слухи сильно преувеличены. Так, например, в 2007 г. среди всех лиц, совершивших преступления, удельный вес иностранных граждан и лиц без гражданства составил всего 2,8%, в том числе гражданами государств СНГ — 2,6%¹⁴⁵. В 2009 г. соответственно 3,5% и 3,2%¹⁴⁶. Тогда как в Германии, например, в 2004 г. — 22,9% (в 1993 г. — 33,6%)... Во-вторых, повышенная «криминальность», если она имеет место, зависит не от расовой (этнической) принадлежности, а от того, что лица одной культуры оказались перенесенными, по разным причинам, в другую культуру; мигранты, независимо от этнической принадлежности, всегда хуже адаптированы к условиям жизни «коренного населения»; мигрируют чаще всего не от хорошей жизни; мигрируют или отправляются «на заработок» в другие страны и регионы наиболее активные — молодые мужчины, чья повышенная криминальность известна.

Культурологические проблемы, конечно, существуют — и это касается не только России, но и большинства западных стран, которые затронула массовая миграция. Но там реакция более адекватная.

Совершенно очевидно, что безнадежность существования большинства россиян не может не вызывать соответствующую реакцию, «канализируемую» властью. И здесь мы подходим к «*субъективным*» факторам.

¹⁴⁴ Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. М., 2005. С. 261.

¹⁴⁵ Состояние преступности в России за 2007 г. М., 2008.

¹⁴⁶ Состояние преступности в России за 2009 г. М., 2010.

В 1990 г. в статье «Мифологизированное сознание и тоталитаризм» автор попытался проследить систему мифов тоталитарного общества на примере СССР. Основные вехи *мифологизированного сознания*, по-моему, таковы: «Человек создан для счастья» — «Светлое будущее» — «Светлый путь» — знающий этот путь Вождь (Фюрер)... Но: «До «светлого будущего» было что-то далековато, а настоящее — несмотря на все «небывалые успехи», мрачновато. Значит — виноваты «враги»! Кулаки и «подкулачники», правые и левые, вредители и саботажники, «враги народа» и члены семей врагов народа, крымские татары и немцы Поволжья, космополиты и «врачи-отравители», и несть им числа... Поиск «врагов народа» (то бишь «козлов отпущения») и «борьба» с ними — самая страшная страница прошлого¹⁴⁷. Не думал я в 1990 г., что прошлое станет будущим.

В политике неудачливой власти искать «врагов» и натравливать на них «народ» нет ничего нового. Это старо, как мир. Начиная с древнеримского «Разделяй и властвуй» (*Divide et impera!*) и включая «врагов народа», «безродных космополитов», «убийц в белых халатах» сталинской эпохи. А теперь еще и «иностранные агенты», «все те, кто хотят взять реванш» и «шакалят» у иноземных консульств... Сегодняшние популистские заявления политиков, «вбрасывание» президентом термина «коренное население», законопроект о «процентной норме» (17-20% мигрантов в регионе), о запрете мигрантам заниматься некоторыми видами деятельности (торговля) и т.п., — не могут не подогревать ксенофобские, националистические настроения от которых один шаг до преступлений ненависти.

Вот почему прав бывший депутат Госдумы и правозащитник Юлий Рыбаков: «Безнаказанность, в условиях которой действуют националисты, наталкивает на мысль, что государство взяло на вооружение эту силу и придерживает ее на случай, если в один прекрасный момент понадобится сказать “фас”. Власть предрержащие (а сегодня это, если называть вещи своими именами, чекисты и чиновники) пытаются построить новую империю. Они понимают, что на этом пути их ждут сложности, а народ, который становится все беднее на фоне баснословно богатееющей элиты, будет искать виноватых. Естественно, власти не хотят, чтобы люди в один пре-

¹⁴⁷ Последняя публикация в: Гишинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004. С. 46.

красный момент показали пальцем именно на них. Поэтому нужно найти “крайних”, виноватых. Как правило, на эту роль лучше всего подходят инородцы — армяне, евреи, азербайджанцы, неважно кто»¹⁴⁸. И народ, увы, готов проглотить эту наживку. Так, в ответ на создаваемый Ю. Рыбаковым Санкт-Петербургский антинацистский Центр ему звонят возмущенные жители «культурной столицы»: «Спрашивают, что мы имеем против нацизма, говорят, что приезжие заполнили город, что нужно что-то с этим делать...»¹⁴⁹. И это мнение возмущенных граждан может быть страшнее самих фашиствующих молодчиков. Так же, как результаты многочисленных опросов общественного мнения, по результатам которых до 65% населения согласны с националистическим лозунгом «Россия для русских»...

Ксенофобия, национализм, фашизм выполняют минимум три функции в современной России.

Во-первых, служат «страшилкой» для населения перед грядущими выборами: или мы (ВВП, преемник), или — фашисты!

Во-вторых, «инородцы» — превосходный «козел отпущения» для бездарной власти, не способной решить ни одну из социальных проблем (бедность, жилье, армия, образование, медицина, наука и т.п.).

В-третьих, фашисты, скинхеды — социальная база, «резерв главного командования» в борьбе с предполагаемой «оранжевой революцией», до смерти напугавшей власть. Да и сегодня их можно использовать против «несогласных». А, кроме того, существует некое «родство душ»: «фашисты (нацисты) — сукины дети. Но это наши сукины дети».

Ксенофобия может проявляться по-разному. Самый «легкий» вариант — т.н. «бытовая ксенофобия». Одним не нравятся евреи, другим — американцы, третьим — жители кавказского региона, четвертым — «не православные» (или же «неправоверные»), а кто-то терпеть не может гомосексуалистов, да и русофобы нередки. Но пока это таится в сознании ксенофобов или тихонечко обсуждается на кухне — это неприлично, постыдно, но до поры до времени (до первого повода «возникнуть») не так страшно.

Насильственные формы ксенофобии могут проявиться, во-первых, как психологическое насилие (запугивание «чужаков»,

¹⁴⁸ Новая газета. 21-23.03.2005. С. 21.

¹⁴⁹ Там же.

соответствующие надписи на заборах и стенах домов, и т.п.). Очевидно, к психологическому насилию следует отнести и «*Hate Speech*» — «слова ненависти», призывающие к насилию. Во всяком случае, современное российское уголовное законодательство расценивает как преступление «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (ст. 282 УК РФ), что может осуществляться и путем «*Hate Speech*». Во-вторых, как *повреждение имущества* представителей ненавистных групп (сожжение машин, уничтожение ларьков и магазинов, разрушение могил и надгробий на мусульманских, еврейских кладбищах и т.п.).

Самая опасная форма насилия по мотивам ксенофобии — *физическое* насилие, «преступления ненависти». Подчеркнем, что к физическому насилию — «*Hate Crime*» могут привести «*Hate Speech*», на что они и направлены.

Преступления ненависти

Преступления по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды — «преступления ненависти» (*Hate crimes*) были всегда. Однако со второй половины минувшего XX столетия такого рода преступления приобрели характер острой социальной проблемы.

Неслучайно поэтому в 1985 г. впервые было «слово названо»: John Coneys, Barbara Kennelly и Mario Biaggi опубликовали «*Hate Crime Statistics Act*». В 1989 г. была издана статья Джона Лео «*The Politics of Hate*». Интересно, что одна из первых работ (1991 г.) была посвящена насилию в отношении геев и лесбиянок. В начале 90-х гг. минувшего столетия термин «*Hate crimes*» приобрел легалистский (правовой) характер, включая законодательные акты¹⁵⁰. Криминализации подверглось, прежде всего, насилие по мотивам расизма, антисемитизма, а также — гомофобии, враждебного отношения к гомосексуалистам. Прошло немного времени, и стал нарастать вал литературы, посвященной проблеме преступлений, совершаемых по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды и на почве гомо-

¹⁵⁰ Jacobs, J., Potter, K. *Hate Crimes. Criminal Law and Identity Politics*. Oxford University Press, 1998. P. 4.

фобии¹⁵¹. В США к группам, совершающим преступления ненависти, были отнесены нео-нацисты, скинхеды и Ку-Клус-Клан. Монографическим отечественным исследованием преступлений ненависти, насколько мне известно, является пока только диссертация К.Н. Бабиченко¹⁵².

Основные понятия

«Преступления ненависти», во-первых, суть *социальный конструкт* (как и преступность, наркотизм, проституция и иные социальные феномены, не имеющие онтологических оснований и «естественных» границ)¹⁵³. Во-вторых, и это отчасти вытекает из вышесказанного, это понятие еще не устоявшееся, по-разному понимаемое различными законодателями и учеными.

Дж. Джейкоб и К. Поттер в вышеназванной книге подчеркивают, что преступления ненависти — прежде всего преступления, порождаемые *предубеждением, предрассудком (bias, prejudice) по отношению к лицам другой расы, нации, цвета кожи, религии, сексуальной ориентации и т.п. Это преступления, мотивированные предубеждением*. Преступления ненависти, как социальный и правовой конструкт, не существуют как таковые в природе, *sui generis, per se*. Это «обычное» насилие, но совершаемое в силу определенных, перечисленных в законе мотивов.

По Дж. Джейкобу и К. Поттер, ««Hate crime» есть социальный конструкт. Это новый термин, который не привычный, не самоочевидный (self-defining). Придуманый в конце 80-х для выражения криминальных деяний, мотивированных предубеждением, сфоку-

¹⁵¹ Combating Hate Crimes in the OSCE Region: An Overview of Statistics, Legislation, and National Initiatives, Warsaw, 2005; Hall N. Hate Crime. Willan Publishing, 2005; Jacobs, J., Potter, K. Ibid.; Levin J., McDevitt J. Hate Crimes. The Rising Tide of Bigotry and Bloodshed. Plenum Press, 1993; Ramberg I. Islamophobia and its consequence on Young People. Budapest, 2004.

¹⁵² Бабиченко К.Н. Дискриминация и преступления на почве ненависти: квалификация и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

¹⁵³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая реальность, социальный контроль. СПб., 2009. С. 34-38; Конструирование девиантности / ред. Я. Гилинский. СПб., 2011; Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / ред. И. Ясавеев. Казань: ИКУ, 2007; Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

сированный скорее на психологии преступлений, чем на криминальных действиях»¹⁵⁴.

Н. Холл также относит преступления ненависти к социальным конструктам. Он отмечает трудность всех определений преступности вообще и преступлений ненависти, в частности. В своей монографии Н. Холл приводит многочисленные определения *hate crime* (P. Gerstenfeld, K. Craig, L. Wolfe, L. Copeland, C. Sheffield, B. Perry и др., а также ряд нормативных определений)¹⁵⁵. Холл подробно останавливается и на анализе всех составляющих анализируемого понятия и его определений: «ненависть», «предубеждение», «предрассудок», «дискриминация» и др.

Приведем некоторые из рассматриваемых Холлом определений. «Простейшее определение преступления ненависти: криминальный поступок, который мотивирован, по крайней мере, групповой принадлежностью жертвы»; «насилие, направленное в отношении групп людей, которые в целом не одобряются большинством общества, которые испытывают дискриминацию в различных сферах деятельности»; «преступление ненависти включает акты насилия и утрашения, обычно направленные в отношении уже стигматизированных и маргинализированных групп».

В российском уголовном праве мы встречаемся с такими составами, как насильственные преступления, совершенные «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» (ст. 105 ч. 2 п. «л», 111 ч. 2 п. «е», 117 ч. 2 п. «з», 119 ч. 2, 150 ч. 4 УК РФ); «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации» (ст. 282 УК РФ). Квалифицирующими обстоятельствами этого состава преступления является совершение действий с применением насилия или с угрозой его применения, лицом с использованием служебного положения, а также совершенные организованной группой (ч. 2 ст. 282 УК).

¹⁵⁴ Jacobs J., Potter K. Ibid. P. 27. Здесь и далее, если не оговорено иное, – перевод автора (Я.Г.).

¹⁵⁵ Hall N. Ibid. Pp. 1-9.

Кроме того, согласно п. «е» ст. 63 УК к отягчающим наказание обстоятельствам относится совершение преступления «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Ст. 136 УК предусматривает уголовную ответственность, в частности, за «нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина в зависимости от... расы, национальности, ... отношения к религии»; в ч. 2 п. «б» ст. 244 («Надругательство над телами умерших и местами их захоронения») указываются в качестве квалифицирующего признака действия «по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды». Ст. 282-1 устанавливает ответственность за организацию экстремистского сообщества и участие в нем. Другое дело, что понятие «экстремизма» может весьма расширительно толковаться, оборачиваясь расправой с оппозицией. Но это уже тема самостоятельного рассмотрения.

На противодействие ксенофобии и основанным на ней преступлениям направлены многочисленные международно-правовые акты: Всеобщая декларация прав человека (1948, ООН), Международная конвенция об устранении всех форм расовой дискриминации (1965, ООН), Декларация об устранении всех форм нетерпимости и дискриминации на почве религии и верований (1981, ООН), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), Европейская конвенция о правовом положении рабочих-мигрантов (1983), Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств (1992) и др.

Международная судебная практика, включая практику Европейского суда по правам человека, в связи с дискриминацией по признаку расы и национальной принадлежности представлена в недавно опубликованном сборнике статей¹⁵⁶.

Классификация преступлений ненависти

В зависимости от уголовно-правового закона и доктринальных суждений различаются виды преступлений ненависти: по мотивам *расовой, национальной, этнической* неприязни или вражды; по мотивам *религиозной* неприязни или вражды; в отношении

¹⁵⁶ Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности: Судебная практика и методология доказывания / ред. А.К. Соболева. М., 2005.

сексуальных и иных меньшинств. Новеллой отечественного законодательства является криминализация деяний «по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» (Федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 24.07.2007 г.). Целесообразность этой новеллы вызывает неоднозначное отношение.

На одном из названных видов — гомофобии — остановлюсь несколько подробнее, поскольку, как ни странно, это приобретает принципиальное значение и актуальность для современной России.

Распространенность однополой любви известна издревле. Гомосексуализм, как мужской, так и женский, существовал у первобытных народов Африки, Азии, Америки. Гомосексуальные отношения были распространены в древней Индии, Египте, Вавилоне, а также в Древней Греции и Риме. Более того, гомосексуализм распространен и в животном мире (владельцам собак-кобелей это хорошо известно).

По данным различных исследователей, в современном мире устойчивую гомосексуальную направленность имеют в среднем 1-6% мужчин и 1-4% женщин. Эти цифры — «нижний предел», т.к. общее число мужчин и женщин, имевших гомосексуальный контакт хотя бы раз в жизни, доходит, по мнению А. Кинзи, до 48% мужчин и 19% женщин¹⁵⁷ (27% по данным К. Дэвиса).

Даже если исходить из минимальных показателей 1-4%, в России должно быть не менее 1,5-4,5 млн. человек устойчивой гомосексуальной ориентации. Из всех видов девиантности *истинный* или *врожденный* гомосексуализм, по-видимому, наиболее «биологичен» (а, следовательно, и нормален) по своей природе. Высказываются обоснованные сомнения в том, можно ли гомосексуализм относить к социальным *отклонениям*. Вообще, сексуальное поведение и его направленность формируется под воздействием многих биологических, психологических, социальных факторов. Гендерная идентификация индивида вовсе не столь очевидна и безусловна, как это представляется обыденному сознанию. Не случайно различают пол генетический, или хромосомный (хромосомы XX у самок и XY у самцов), гормональный (обусловливаемый муж-

¹⁵⁷ Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1948; Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard P. *Sexual Behavior in the Human Female*. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1953.

скими или женскими половыми гормонами), генитальный и основанный на нем гражданский (иначе — паспортный или акушерский), и, наконец, «субъективный» пол как гендерная аутоидентификация. Наглядной иллюстрацией сложности гендерной идентификации служит *гермафродитизм* — врожденная двойственность репродуктивных органов, когда пол индивида нельзя однозначно определить ни как мужской, ни как женский. В случаях же *транс-сексуализма* лицо не только ощущает свою принадлежность к противоположному полу, но и упорно стремится к соответствующему изменению, в том числе хирургическим путем. Направленность сексуального влечения может быть не только гетеро- или гомосексуальной, но и *бисексуальной* (влечение к лицам обоего пола). Возможно одновременное наличие женских и мужских свойств, в том числе психологических, у одного индивида (андрогиния или бисексуальность в широком смысле слова).

Очевидно, и гомосексуализм, и бисексуализм *нормальны* в том смысле, что представляют собой результат некоего разброса, поливариантности сексуального влечения, сформировавшегося в процессе эволюции человеческого рода. Если бы все иные формы сексуального поведения, кроме гетеросексуального, были абсолютно патологичны, они бы давно элиминировались в результате естественного отбора. О нормальности гомосексуализма свидетельствует его относительно постоянный удельный вес в популяции.

Я вынужден столь подробно остановиться на проблеме гомосексуализма, поскольку последние события с запретом, а затем жестоким разгоном демонстрации геев в Москве (май 2006 г.) лишние раз свидетельствуют о нашей дремучести, нетерпимости, ксенофобии. Между тем, в развитых странах — Великобритании, Германии, США и др. гомофобия — явно выраженное отрицательное отношение к гомосексуалистам — расценивается как тяжкое преступление наряду с преступлениями, совершенными по мотивам расовой, национальной, религиозной ненависти. Так что преследование гомосексуалистов в мае 2006 г. в Москве есть уголовное преступление, с точки зрения цивилизованных стран.

К сожалению, гомофобия продолжает в России усиливаться. Об этом свидетельствуют как практика уличных нападений на представителей гомосексуальных сообществ, так и законы 2012 г., принятые на региональном уровне и принимаемый на федеральном, об уголовной ответственности «за пропаганду го-

мосексуализма». Весьма широкое понимание «пропаганды» приведет к «законному» преследованию гомосексуалистов и правозащитников.

Религиозное мракобесие, ополчившееся, в том числе, против лиц «нетрадиционной ориентации», вызывает боль и гнев нормальных людей. Главной темой журнала «The New Times» №4 за 2013 г. стала защита прав гомосексуалов и попытка противостоять все расширяющейся в России гомофобии. Режиссер В. Мирзоев, в частности, пишет: «первое, что приходит на ум — это добрый совет всем, против кого направлен закон: “Уезжайте, ребята, из этой обезумевшей страны, которая твердо решила вернуться в архаику, к средневековой теократии иранского типа, столь любезной сердцу вождей и жрецов... Пещерные гомофобы и ксенофобы “рвут на себе одежды и посыпают голову пеплом”, отстаивая свое Средневековье» (с. 33).

Следует, очевидно, отграничивать преступления ненависти от еще одного вида преступлений, почти не артикулируемого в отечественной литературе, — «*стокерства*» или «*сталкерства*» (*stalkers* — упорные преследователи, «охотники»)¹⁵⁸. Речь идет о людях, преследующих кого-либо. Потенциальными и реальными жертвами стокеров (для россиян привычнее — сталкеров, благодаря роману братьев Стругацких и фильму А. Тарковского) могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья и т.п.), сослуживцы, коллеги по профессии, соученики. Нередко «стокерство» — результат психических отклонений (сутяжничество, сексуальные перверсии), но может быть и следствием ревности, зависти, мести или иной непримиримости.

Существенное отличие «стокерства» от «преступлений ненависти» состоит в том, что, во-первых, стокеры преследуют какое-либо конкретное лицо (персонально), а не неопределенный круг лиц, принадлежащих к ненавистной группе («черные», «косоглазые», «гомики» и т.п.). Во вторых, стокер преследует и может учинить насилие в отношении преследуемого по личным мотивам, вытекающим из личных неприязненных отношений (зависть, ревность, месть и т.п.).

¹⁵⁸ Mullen P., Pathé M., Purcell R. *Stalkers and their Victims*. Cambridge University Press, 2000; *Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention*. Stockholm, 2006.

Hate crimes в современной России

Последние годы отмечены ростом преступлений ненависти в России. Газеты, специальные издания, полицейские сводки практически еженедельно сообщают о случаях нападения, избияния, убийств **фактически** по мотивам расовой, национальной ненависти, реже — религиозной, которую не всегда возможно отделить от национальной (нападение в московской синагоге, в ряде мечетей, осквернение еврейских и мусульманских кладбищ и т.п.). Правда, в большинстве случаев действия виновных, если их удается найти, квалифицируются как хулиганство, убийство, не связанные с ксенофобской мотивацией. Поэтому, например, по ст. 105 ч. 2 п. «л» УК РФ было зарегистрировано всего 9 случаев в 2001 г., 10 — в 2002 г., 11 — в 2003 г., 10 — в 2004 г.¹⁵⁹ В то же время СМИ и специальная литература называет сотни преступлений ненависти, совершаемых в стране за год¹⁶⁰.

Только в Санкт-Петербурге — «культурной столице», по собираемым нами данным, преступления ненависти совершались почти еженедельно. Так, в 2007 г. в Петербурге за год было совершено 763 преступления в отношении иностранцев.

Летом 2004 г. в Петербурге был убит ученый и антифашист Николай Гиренко, выступавший экспертом по делам наших патриотов-фашистов. А ныне «патриоты» прямо угрожают другим «врагам русского народа», которые должны разделить судьбу Н. Гиренко¹⁶¹. И слов на ветер не бросают: спустя ровно три года — в июне 2007 г. — была зверски избита В. Узунова — коллега Н. Гиренко, принявшая его эстафету.

Привычными стали рубрики пока еще оставшихся в живых свободных газет: «Хроника коричневой чумы», «Под флагом черной сотни», «Дети свастики» и т.п.

Известный ученый-археолог Л. Клейн пишет: «Народ в массе симпатизирует убийцам инородцев, жалеет не убитых и их родных, а убийц... Складывается впечатление, что народ готов к погромам

¹⁵⁹ Бабиченко К.Н. Указ. соч. С. 128.

¹⁶⁰ Лихачев В. Нацизм в России. М., 2002; Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. М., 2005; Национализм и расизм в России // Pro et Contra. 2005. Т. 9. №2 (29); Верхи и низы русского национализма. М., 2007; Радикальный русский национализм. Структуры, идеи, лица. М., 2009.

¹⁶¹ Новая газета. 4-6.04.2005. С. 22.

инородцев... Сейчас в России социально-экономическая база нацизма уже создана»¹⁶².

Приведем некоторые данные, заимствованные из различных источников, о преступлениях ненависти.

В докладе В. Голубовского на заседании коллегии МВД РФ 25.10.2007 г. говорилось о том, что на оперативном и профилактическом учетах в органах внутренних дел состоят 302 неформальных молодежных объединения экстремистской направленности, численность которых превышает 10000 человек. Эксперты называют цифры в три раза больше. С 01.01 по 30.10.2007 г. жертвами нападений по мотивам национальной, религиозной, расовой ненависти оказались 436-461 человек, из которых 53 погибли.

Более детальные сведения представляет Информационно-аналитический центр «Сова». Так, в 2004 г. по ксенофобским мотивам были убиты 49 человек, избиты и ранены 218 человек; в 2005 г. убиты — 47 человек, избиты и ранены — 417; в 2006 г. убиты 56 человек, избиты и ранены — 496 человек; в 2007 г. были убиты 67 человек¹⁶³. За январь — апрель 2008 г. были убиты 40 человек, получили травмы — 120¹⁶⁴. В 2009 г. по данным «Совы» и МБПЧ (Московское бюро по правам человека) было 333 пострадавших и 75 убитых, в 2010 г. — соответственно 368 и 37. Эти сведения близки к данным, оглашаемым представителями МВД РФ. Так, по мнению начальника департамента «Э» (экстремизм) МВД РФ генерал-полковника полиции Ю. Кокова, «в 2004 году совершено 130 преступлений, в 2008-м — 460, в 2009-м — 548. Это данные официальной статистики, но их нельзя назвать абсолютно достоверными». По словам начальника НИИ МВД РФ генерал-майора полиции С. Гирько, «сегодня на территории России действуют более 150 радикальных неонацистских группировок, члены которых исповедуют культ национализма, расового превосходства и воплощают свою идеологию на практике путем криминального насилия, в том числе убийств, на национальной, расовой и религиозной почве».

Больше всего нападений в течение 2004-2007 гг. происходило в Москве (79-253), Санкт-Петербурге (41-77), Владивостоке (14-

¹⁶² Новая газета. 17-19.06.2006. С. 10.

¹⁶³ Верхи и низы русского национализма. М., 2007. С. 111; Новая газета. 03-05.003.2008. С. 3.

¹⁶⁴ Новая газета. 10-13.04.2008. С. 11.

18), Воронеже (3-22), Новосибирске (9-14), Нижнем Новгороде (6-36). За январь-апрель 2008 г. в Москве было 66 нападений, из них 25 со смертельным исходом. В вышеназванные сведения не входят многочисленные убийства бездомных, предположительно по «идеологическим» (неонацистским) мотивам.

Неудивительно высказывания представителей национальных диаспор на собрании в феврале 2008 г. «Каждый день в Москве совершаются нападения. Каждый месяц все новые смерти... Мы не знаем, чего ждать дальше» (Е. Крышталеv, член Совета Всероссийского азербайджанского конгресса); «То, что происходит, — это кошмар. Только за два месяца столько было убийств, сколько не было в прежние годы. Это уже реальный национализм, который процветает в обществе, и дальше будет только хуже...» (Г. Халатян, вице-президент Союза армян России); «Усиление межнациональной напряженности — это не только вероломные вылазки скинхедов. Ксенофобию люди стали ощущать повсюду в обществе» (А. Довлатов, председатель таджикской диаспоры)¹⁶⁵.

Не желая «нагнетать ситуацию», следует все же признать, что пока общество, власть, правоохранительные органы не начнут предпринимать реальные действия по воспитанию толерантности населения и жесткому преследованию субъектов ксенофобии и преступлений ненависти, разрастание последних невозможно предотвратить, и самые печальные прогнозы ученых и представителей общественности сбудутся.

О реальной опасности правонарушений на почве ксенофобии свидетельствует и тот факт, что их число резко возрастает даже в традиционно демократических и толерантных странах. Так, по данным, приводимым Н. Холлом в Приложении к ранее названной книге, количество зарегистрированных полицией «расовых инцидентов» (не только преступлений) увеличилось с 1996/97 по 2002/03 гг. по регионам (графствам) Великобритании: Dorset — с 67 до 260, Humberside — с 55 до 350, Wiltshire — с 35 до 332. Справедливости ради, следует заметить, что в ряде графств число таких преступлений сократилось. В Лондоне инцидентов на расовой почве было зарегистрировано в 1996/97 г. — 5621, их количество возросло до 23346 в 1999/2000 г., но затем снизилось до 15453 в 2002/03 г. Но общий итог — тревожный.

¹⁶⁵ Новая газета. 03-05.03.2008. С. 3.

Что делать?

Знание факторов, провоцирующих ксенофобию, позволяет в принципе выстроить обоснованную систему мер противодействия ей. Но не просматриваются сегодня в России реальные основания для такого противодействия. Социально-экономический разрыв сверх богатого меньшинства и нищенствующего большинства не сокращается. Напротив, богатые становятся богаче, бедные беднее (если не абсолютно, то относительно). Доступ молодежи к профессиональному образованию, особенно высшему, сокращается. Недовольство взрослых и подростков увеличивается. Соответственно растет ненависть, которая так легко обращается против «инородцев», за недоступностью собственной власти... Разрыв между властной «элитой» и «народом» достиг небывалых размеров. Нет и «политической воли», без коей в современной России ничего происходить не может...

Идет все ускоряющийся откат (какое соблазнительное слово для коррумпированных чиновников!) от демократических свобод конца 80-х — начала 90-х.

Было бы банальностью, хотя и вполне справедливой, в очередной раз говорить о том, что семья, школа, вуз должны воспитывать *толерантность*¹⁶⁶ к *любым* «другим» — по национальности, культуре, религии или атеизму, сексуальной ориентации, толерантность к инакомыслию и инакодействию.

Я убежден, что без высокого уровня толерантности само существование человечества является проблематичным, а вместо поисков в России «национальной идеи» следует обратиться к так называемым «общечеловеческим ценностям», хорошо известным цивилизованному миру. Это *либеральные, демократические ценности*.

Насколько воспитанная с детства толерантность помогает в экстремальной обстановке свидетельствуют осенние 2005 г. события во Франции. Неделями в Париже и в ряде других городов «инородцы» — жители окраин громили автомобили, магазины центральных районов. И — ни капли пролитой крови! Ни полицией, ни белым населением французских городов! Страшно подумать, что в аналогичной ситуации было бы в современной России...

¹⁶⁶ Печальная ирония состоит в том, что в современной России само понятие «толерантность» нередко вызывает... ненависть!

Глава 6. Террор и терроризм: что нам угрожает?

Враги теперь в смешавшейся крови
Лежат, и пыль уста их покрывает,
И мощно смерть соединила их –
Непобедившего с непобежденным.
Эврипид

Терроризм (*terror* — *лат.* страх, ужас) — одна из серьезнейших современных глобальных социальных проблем, потенциально или актуально затрагивающих каждого жителя планеты. Между тем, как это часто бывает, чем серьезнее, актуальнее и «очевиднее» проблема, тем большим количеством мифов и недоразумений она окружена.

Нет единого понимания терроризма и в общественных науках. Вот некоторые из имеющихся определений (всего их насчитывается свыше ста):

- «форма угрозы насилеием или применения насилия по политическим мотивам»¹⁶⁷;
- «применение насилия или угрозы насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей»¹⁶⁸;
- «насильственные действия или угроза их применения со стороны субъектов политики и преследование ими политических целей»¹⁶⁹;

¹⁶⁷ Das neue taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. Band 16. S. 59-60.

¹⁶⁸ Шнайдер Г.Й. Криминология. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 439.

¹⁶⁹ Кабанов П.А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000. С. 40.

- «систематическое использование убийств, телесных повреждений и разрушений или угроз перечисленных действий для достижения политических целей»¹⁷⁰;
- «метод политической борьбы, который состоит в систематическом применении нечем не ограниченного, не связанного с военными действиями физического принуждения, имеющего целью достижение определенных результатов путем устрашения политических противников»¹⁷¹.

Из приведенных определений вырисовываются два основных признака терроризма:

- применение или угроза применения *насилия*;
- его политическая *мотивация*.

Но есть еще один существенный признак терроризма как социального явления, а не индивидуального акта политического убийства: *неопределенный круг непосредственных объектов* террористического акта, применение насилия в отношении неопределенного круга лиц ради достижения отдаленного объекта — удовлетворения политического (экономического, социального) требования. Ибо «о терроризме можно говорить лишь тогда, когда смыслом поступка является устрашение, наведение ужаса. Это основная черта терроризма, его специфика»¹⁷².

На сложность и субъективизм определения терроризма обратил внимание W. Laqueur: «один — террорист, другой — борец за свободу»¹⁷³. Че Гевара — террорист или «борец за свободу»? Эта тема подробно рассматривается в статье сотрудника Международного полицейского института по контртерроризму В. Ganor¹⁷⁴. Как различить терроризм и партизанскую войну, терроризм и революционное насилие, терроризм и борьбу за национальное освобождение? Многое зависит от позиции субъекта оценки тех или иных насильственных действий по политическим

¹⁷⁰ Laqueur W. Terrorism. L. Weidenfeld and Nicolson, 1977. P. 79.

¹⁷¹ Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: Социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000. С. 53.

¹⁷² Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998. С. 8.

¹⁷³ Laqueur W. The Age of Terrorism. Toronto: Little, Brown & Co, 1987. P. 302.

¹⁷⁴ Ganor V. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3. №4. P. 287-304.

мотивам. Вместе с тем, В. Ganor пытается провести различия между анализируемыми феноменами. В обосновываемых им схемах вначале отграничиваются *объявленная война* — между государствами и *необъявленная война* — между организациями и государством. Последняя включает, прежде всего, *терроризм* и *партизанскую войну*. Кроме того, к необъявленной войне могут относиться деятельность анархистов, борцов за свободу, революционеров, а также действия *ad hoc* (по конкретному случаю). Важнейшее различие между терроризмом и партизанской войной состоит в том, что *партизанская война* ведется *против комбатантов* — *вооруженных сил*, военных и военной техники, а *терроризм* направлен *против мирного населения*, «некомбатантов» (*noncombatant*) при сохранении политической мотивации насильственных действий. Мне представляется это различие весьма существенным и позволяющим конкретизировать некоторые наши оценки. Другое дело, что и предлагаемое различие несколько условно (мирное население может также оказаться жертвой партизанских действий, как, впрочем, и «точечных ударов»...). Во всяком случае, В. Ganor называет три важнейших элемента терроризма: (1) применение или угроза применения *насилия*; (2) *политические цели (мотивы) деятельности*; (3) *реальными целями* оказывается *мирное население, граждане*¹⁷⁵.

Обычно различают террор и терроризм:

1. *террор* со стороны правящих властных структур (или «насилие сильных над слабыми», присущее, в частности, тоталитарным режимам);
2. *терроризм* как насилие и устрашение «слабыми сильных», «оружие слабых, жертв «государственного террора»»¹⁷⁶.

Иначе говоря: «Террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых; терроризм — это насилие и устрашение, используемое более слабым в отношении более сильного»¹⁷⁷.

¹⁷⁵ Ganor. L.c. P. 294-295.

¹⁷⁶ Чаликова В. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 310; Ферро М. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 314.

¹⁷⁷ Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978. С. 23. См. также: Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.

Террористические организации и отдельные террористы-одиночки представляют — осознанно или нет — интересы массы *excluded* («исключенных») в современном мире¹⁷⁸.

Не является ли «негативная интеграция исключенных» главной социальной базой терроризма (впрочем, как и иных видов девиантности — преступности, наркотизма, алкоголизма и др.)?

Это глобальный процесс и его последствия недостаточно осознаются правящими элитами современного мира. Примеры тому — агрессия США против Ирака (сколь бы «плохим» ни был Саддам Хусейн) и действия России в Чечне (какими бы «плохими» ни были «боевики»). *Террор вызывает терроризм*. Или, как написал петербургский экономист Д. Травин: «*Не мочите, да не мочимы будете!*»¹⁷⁹. И не важно, кто «первым начал»: за политические игры человечеству приходится расплачиваться горами трупов.

Права человека первичны и неотъемлемы (ст. 1, 2, 3 Всеобщей декларации прав человека, 1948 г.). Нарушение прав человека рождает ответную насильственную реакцию, в частности — терроризм. *Требования ограничить права человека ради «борьбы с терроризмом» абсурдны*. Во-первых, тем самым создается идеологическая база оправдания терроризма (как ответа на террор властных структур). Во-вторых, повышается риск граждан стать жертвой нарушения прав человека. Это и происходит в современной России: *мы все в большей степени заложники власти, чем террористов*.

Права человека и криминальные риски, включая терроризм, находятся в обратной, а не прямой, зависимости: *чем надежнее защита прав человека, тем ниже вероятность криминальных рисков*.

История политических репрессий (террора) и террористических актов в виде политических убийств уходит вглубь веков¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Finer C., Nellis M. (Eds.) *Crime and Social Exclusion*. Blackwell Publishers, Ltd., 1998; Kanfler J. *L'exclusion sociale: Etude de la marginalité dans les sociétés occidentales*. Paris: Bureau de Recherches sociaux, 1965; Lenoir R. *Les exclus, un français sur dix*. Paris: Seuil, 1974; Young J. *The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity*. SAGE Publications, 1999.

¹⁷⁹ Президент России В. Путин начал свою карьеру с лозунга: «Мочить террористов в сортире». В «переводе» с тюремного жаргона это означает «Убивать террористов в туалете (WC)».

¹⁸⁰ Применительно к России, «колыбели терроризма» см.: Будницкий О.В. (автор-составитель). *История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях*. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.

Однако большинство исследователей отмечают существенные отличия современного терроризма как «неотъемлемой части государственного террора — одной из форм государственной политики»¹⁸¹ и как систематического устрашения общества насилием: массовый характер (вплоть до геноцида со стороны властных структур¹⁸²), все возрастающее количество терактов и их жертв, глобализация (интернационализация) терроризма.

Нью-Йоркская трагедия 11 сентября 2001 г. стала страшным символом новых реалий XXI в. (таким же, как Освенцим — символом бесчеловечности XX в.). Показательно и то, что в качестве объекта самого страшного террористического акта в мировой истории были выбраны Нью-Йорк (как тут не вспомнить «Город Желтого Дьявола» М. Горького) и Международный Торговый центр — символы стран «Золотого миллиарда» («включенных»).

Многочисленны проявления и методы терроризма: захват транспортных средств и заложников; уничтожение транспортных коммуникаций; взрывы, поджоги; военные действия, включая партизанские; отравление источников питания и водоснабжения; применение отравляющих веществ; угрозы применения этих и иных мер и др.

Не останавливаясь на юридическом (уголовно-правовом) аспекте проблемы терроризма¹⁸³, рассмотрим некоторые социально-политические вопросы.

Терроризм, приводя к бесчисленным жертвам и принося неисчислимы страдания, является *преступной* деятельностью (преступлением) и заслуживает суровой оценки. Но социально-политическая сущность терроризма и желание противодействовать ему требуют более широкого подхода, чем только юридический. Да, террористам нет оправдания с общечеловеческой, принятой мировым сообществом и международными организациями точки зрения. Но ведь терроризм преступление «особого рода». С точки зрения террористов, организаций и движений, прибегающих к террористическим методам, их требования, отстаиваемые

¹⁸¹ Ферро. Указ. соч. С. 313.

¹⁸² Kressel N. Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996.

¹⁸³ Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002; Кабанов П.А. Указ. соч.; Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997; Овчинникова Г.В. Терроризм. СПб.: Юридический институт Генеральной прокуратуры, 1998.

идеи — «справедливы», имеют не меньшую ценность, чем те, против которых они выступают. Поэтому вооруженная борьба с терроризмом, носящим политический (этнический, конфессиональный, идеологический) характер — малоэффективна. Об этом свидетельствуют опыт Ольстера в Ирландии, затяжной, кровавый характер «борьбы» с баскскими сепаратистами в Испании, алжирскими террористами во Франции, с албанскими — в Сербии, с чеченскими — в России...

Насилие и ненависть рождают насилие и ненависть, формируют идеологию и акторов «преступлений ненависти» (*hate crimes*)¹⁸⁴. Поэтому «искусство цивилизованной жизни состоит в том, чтобы не плодить недовольных, обиженных, «мучеников», а строить благополучие людей в контексте их долгосрочных отношений друг с другом»¹⁸⁵.

Мировое сообщество в целом и каждое государство в отдельности должны предпринимать прежде всего *политические* (экономические, социальные) усилия по *предотвращению условий* для терроризма, по ненасильственному разрешению межэтнических, межконфессиональных, социальных конфликтов. Конечно, провозгласить принцип ненасильственного, упреждающего терроризм решения назревших проблем и конфликтов легче, чем его реализовать. Но *не существует «простых решений» сложных социальных проблем*. Так называемые «простые решения» («ликвидировать», «подавить», «уничтожить») либо неосуществимы, либо приводят к еще большему осложнению ситуации. Можно (и нужно) преследовать исполнителей терактов — угонщиков самолетов, убийц, лиц, закладывающих взрывные устройства и т.п., но нельзя уголовно-правовыми, карательными мерами устранить *причины, источники* терроризма как метода «решения» социальных (этнических, религиозных, политических, идеологических) конфликтов.

Очевидно, не случайно в послевоенном мире террористические организации и движения возникали прежде всего в постфашистских, посттоталитарных, посткоммунистических странах — Италии («Красные бригады»), Германии («Красная армия», неонацисты), Японии (Японская революционная красная армия), Испании,

¹⁸⁴ Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press, 1998.

¹⁸⁵ Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. М.: ЦКИ РАН, 1993. С. 171.

Югославии, России, а также в странах с тоталитарным режимом (Латинская Америка, Ближний и Средний Восток), где отсутствовал опыт демократического, политического решения социальных конфликтов и проблем. Из 79 известных к 1990 г. террористических организаций 37 принадлежали по своей идеологии к марксистским, ленинским, троцкистским, маоистским, 9 представляли различные направления пан-арабского и исламского фундаментализма, 7 — служили примером удивительной смеси пан-арабизма и марксизма, 4 — относились к правозэкстремистским и нео-фашистским¹⁸⁶. Конечно, это соотношение претерпело существенные изменения к сегодняшнему дню. Количество известных террористических организаций увеличилось, доля «левых» сократилась за счет увеличения «правых» и исламских.

Не существует универсальных рецептов предупреждения терроризма и разрешения сложных проблем, лежащих в его основе. Некоторые общие подходы предлагаются в конфликтологической, политологической литературе¹⁸⁷.

Важно понять:

- мир без насилия в обозримом будущем невозможен;
- основная антитеррористическая задача — максимально сокращать масштабы терроризма (как насилия «слабых» по отношению к «сильным»);
- основной путь такого сокращения — предупреждение или урегулирование социальных проблем и конфликтов ненасильственными, не репрессивными, политическими методами.

«Абсолютно ненасильственный мир — это нереальная перспектива. Более реальной выглядит задача сократить масштабы политического насилия, попытаться свести его минимуму. Об этом свидетельствует политическая жизнь развитых демократических государств, где насилие чаще всего второстепенное средство власти»¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Long D. *The Anatomy of Terrorism*. The Free Press, 1990.

¹⁸⁷ Дмитриев А.В. *Конфликтология*. М.: 2000. С. 221-277; Дмитриев А.В., Зальсин И.Ю. *Указ. соч.* С. 242-296; Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. *Указ. соч.* С. 162-208.

¹⁸⁸ Дмитриев А.В., Зальсин И.Ю. *Указ. соч.* С. 296.

Глава 7. Торговля людьми

Жизнь является высшей, абсолютной ценностью. Причем — *любая* жизнь, в том числе, животных, перед которыми мы, люди, очень виноваты. Неслучайно свой знаменитый девиз «*Veneratio vitae*» («благоговение перед жизнью») Альберт Швейцер распространял на *все* живое, включая растения и насекомых. Но для человека абсолютную ценность представляет и *Свобода*. Только Свободный Человек может наиболее полно реализовать свои способности, дарования, талант, «осуществить себя»¹⁸⁹. Жизнь неразрывно связана со Свободой. Вот почему самые первые положения Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) гласят: «Все люди рождаются свободными и равными в своих достоинствах и правах» (ст. 1 Декларации); «Каждый человек должен обладать всеми правами и свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия» (ст. 2); «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» (ст. 3).

К сожалению, современный мир (впрочем, как и тысячи лет человеческой истории) полон рисков для человеческой жизни и свободы. Неудивительно, что У. Бек рассматривает современное общество как «общество риска»¹⁹⁰. И проблема безопасности человека и его свободы является одной из острейших.

Торговля людьми («*Human trafficking*») — мировая проблема. Понятие «торговля людьми», согласно «Протоколу о предупреж-

¹⁸⁹ Гишинский Я.И. Судьбы либерализма в России: размышления профана // Индекс: Досье на цензуру. 2004. №21. С. 137-146.

¹⁹⁰ Бек У. Общество риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000. См. также: Гишинский Я.И. Криминальные риски в России // Российский криминологический взгляд. 2005. №2. С. 51-58.

дении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» Генеральной Ассамблее ООН (ноябрь 2000 г.), включает три элемента: (1) вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей; (2) использование неподобающих средств (принуждение, похищение, мошенничество или обман); (3) цели эксплуатации (сексуальная эксплуатация, принудительный труд, услужение или рабство)¹⁹¹. Обычно различают следующие виды торговли людьми: торговля женщинами («белые рабыни»), детьми (для проституции, порнографии, нелегального усыновления), принудительный труд (рабство), продажа органов. Контрабанда мигрантов служит одним из средств торговли людьми.

Торговля людьми тесно связана с организованной преступностью, является частью (элементом) ее деятельности. Часто торговля людьми носит международный, транснациональный характер (хотя, конечно, возможна торговля людьми в рамках одного государства — «белое рабство», сексуальная эксплуатация детей, принудительный труд и др.).

Сведения об этом виде криминального бизнеса мало доступны. Данные официальной статистики чрезвычайно лаконичны, бедны и не отражают реальных масштабов бедствия. Лишь в некоторых странах ведется более или менее подробный учет деяний, связанных с торговлей людьми (Германия¹⁹², Нидерланды¹⁹³, Швеция¹⁹⁴). Некоторые сравнительные данные, собранные «по каплям», опубликованы в статье Кристины Кангаспунты.

В России фактически отсутствует учет торговли людьми. Это объясняется, во-первых, высокой конспиративностью нелегальной торговли людьми преступными организациями. Во-вторых, как нелегальный вывоз «проданных» людей за границу, так и торговля людьми внутри России часто осуществляется преступными группировками при содействии коррумпированных должностных лиц

¹⁹¹ См.: Kangaspunta K. Mapping the inhuman trade: preliminary findings of the database on trafficking in human beings // Forum on Crime and Society. 2003. Vol. 3. № 1, 2. Pp. 81-103.

¹⁹² Lagebild Menschenhandel. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 1999, 200, 2001.

¹⁹³ Trafficking in Human Beings: First Report of the Dutch National Rapporteur. The Hague: Bureau NRH, 2002.

¹⁹⁴ Trafficking in Women: Situation Report. №1-5. Stockholm: National Criminal Investigation Department, 1998-2002.

государства (таможенная служба, полиция, миграционная служба), которые заинтересованы в сокрытии их деятельности не меньше, чем криминалитет. В-третьих, российское государство традиционно скрывает от населения такое постыдное для цивилизованного общества явление как торговля людьми. Основными источниками информации о ситуации в России служат сообщения средств массовой информации, результаты отечественных и зарубежных исследований¹⁹⁵.

Между тем, среди стран происхождения, транзита или назначения в мировых отчетах первые места занимают (в порядке убывания): Россия, Украина, Нигерия¹⁹⁶. Среди регионов на первом месте по «экспорту» людей находится Азия, на втором — страны СНГ, на третьем — Африка, на последнем — «развитые страны». Зато среди стран «импортеров» на первом месте — «развитые страны». Что касается жертв торговли людьми («продаваемых»), то первые места (в порядке убывания) по упоминанию занимают Украина, Россия, Нигерия, Албания, Румыния, Молдова, Болгария, Китай. По данным российских исследователей, Россия также занимает одно из первых мест в списке стран, занимающихся торговлей людьми¹⁹⁷.

Среди жертв *сексуальной* эксплуатации большинство — женщины, второе место занимают дети, ничтожное количество мужчин. Жертвами принудительного *труда* являются прежде всего дети, на втором месте — женщины, на третьем — мужчины. Гораздо меньше данных о правонарушителях (этот вид криминального бизнеса наиболее латентен). Однако и по этому показателю Россия занимает первое место, второе и третье делят Нигерия и Украина, далее следуют Албания, Таиланд, Турция, Китай. Итак, по совокупности ряда показателей *Россия* наряду с Украиной и Нигерией входят в *тройку стран максимального риска порабощения*.

¹⁹⁵ Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М., 2003; Торговля людьми: Социокриминологический анализ / ред. Е. Тюрюканова, Л. Ерохина. М., 2002; Тюрюканова Е. Принудительный труд в современной России: Нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева, 2006.

¹⁹⁶ Kangaspunta K. Ibid. Pp. 94, 99.

¹⁹⁷ Ерохина Л., Буряк М. Проблема торговли людьми согласно российским экспертным оценкам (социологический подход) // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. М.: Юрист, 2003. С. 36-42.

Аналогичные сведения содержатся в Докладе Государственного Департамента США «Торговля людьми в мире за 2008 г.»: «Россия является страной происхождения, транзита и назначения для мужчин, женщин и детей, вывозимых с целью различных форм эксплуатации. Мужчины и женщины с Дальнего Востока России вывозятся в Китай, Японию и в Республику Корею с целью сексуальной эксплуатации, вовлечения в долговую кабалу и привлечения к принудительному труду, в том числе в сельскохозяйственной и рыбной отраслях. Российские женщины вывозятся с целью сексуальной эксплуатации в Турцию, Грецию, ФРГ, Италию, Испанию, США, Канаду, Вьетнам, Таиланд, Австралию, Новую Зеландию, Коста-Рику, на Мальту и Ближний Восток. Москва и Санкт-Петербург являются центрами назначения для детей, вывозимых туда из регионов России, а также из Украины и Молдовы с целью сексуальной эксплуатации и принуждения к попрошайничеству. Москва продолжает оставаться пунктом назначения для значительного числа мужчин и женщин, вывозимых туда из регионов России, а также из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Молдовы и Беларуси, с целью сексуальной эксплуатации и привлечения к принудительному труду, включая работу в строительной отрасли. В 2007 г. увеличилось число белорусских мужчин, вывезенных в Москву с целью привлечения к принудительному труду в строительной, текстильной и пищевой отраслях. По оценкам МОТ, в России один миллион работающих из числа нелегальных мигрантов могут являться жертвами торговли людьми с целью трудовой эксплуатации. Москва продолжает оставаться пунктом транзита для женщин, вывозимых из Узбекистана и Армении в Объединенные Арабские Эмираты с целью сексуальной эксплуатации. Мужчины из Западной Европы и США приезжают в западную часть России, конкретно в Санкт-Петербург, с целью детского секс-туризма. Однако правоохранительные органы сообщают о снижении количества случаев детского секс-туризма и объясняют это активными полицейскими расследованиями и сотрудничеством России с зарубежными правоохранительными органами».

Такая ситуация неудивительна, поскольку основной объект торговцев людьми — *исключенные* (*excluded*), лица, лишенные достатка, безработные, бездомные, сироты, малообеспеченные и наи-

менее защищенные слои населения¹⁹⁸. Между тем в России по *официальным* данным около трети населения находятся за чертой бедности. Но ведь помимо *нищих* находящихся ниже черты бедности, есть масса *бедных*, также практически «исключенных» и готовых к «продаже»... Только в Иркутской области в 2000 г. были полностью безработными 65,2% мужчин и 52,3% женщин, а у 60% населения уровень доходов был ниже прожиточного минимума¹⁹⁹.

З. Бауман, избегая термины «включенные» / «исключенные», предпочитает говорить о «туристах» (включенные) / «бродягах» (исключенные), подчеркивая, что эти группы — «два мира, два представления о мире, две стратегии»²⁰⁰. Иногда «исключенных» он именует «отбракowanными» (*burned-out*).

Любая торговля людьми есть разновидность рабства.

Различные виды торговли людьми «ставят под сомнение возможность демократии в странах, где половина населения может рассматриваться как потенциальный товар, который может быть куплен, продан и пораbощен»²⁰¹.

Основные виды торговли людьми

Торговля женщинами

Следует различать *проституцию* — вступление за плату в случайные внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении²⁰² и *торговлю женщинами* с целью их

¹⁹⁸ О криминологическом значении включенности/исключенности см.: Гилинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. №6. С. 69-77.

¹⁹⁹ Репецкая А.Л. Криминальная эксплуатация людей в Восточной Сибири // Организованная преступность, терроризм и коррупция Криминологический альманах. 2003. №3. С. 31.

²⁰⁰ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 142.

²⁰¹ Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск: ИГЭА, 2001. С. 81.

²⁰² Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 381.

сексуальной эксплуатации (занятие проституцией). Занятие проституцией может быть относительно (формально) добровольным, торговля женщинами — никогда.

«Белые рабыни» — преобладающий «товар» на рынке людей. Объем мировой торговли женщинами с целью сексуальной эксплуатации оценивается от 7 до 12 миллиардов долларов в год, ежегодно принуждаются к работе в секс индустрии до 2 миллионов женщин и детей²⁰³.

Называют четыре «волны» импорта «белых рабынь»: первая — из Таиланда и Филиппин, вторая — из Доминиканской Республики и Колумбии, третья — из Ганы и Нигерии. Четвертая волна женщин охватила страны бывшего СССР, прежде всего Россию, Украину, Белоруссию, а также Латвию²⁰⁴. В мировой секс-индустрии отмечается спрос на славянских женщин. В частности, для бизнесменов Японии, Китая, Таиланда они считаются «символом престижа»²⁰⁵. Много женщин из России и стран СНГ занимаются проституцией в странах Западной Европы (автору приходилось встречать наших соотечественниц на Репербане Гамбурга, в «квартале красных фонарей» Амстердама, в портовых кварталах Антверпена) и США. Свыше 10000 женщин были вывезены транснациональными преступными организациями из России и Украины в Израиль для занятия в сфере секс-индустрии, оборот которой вырос до 450 миллионов долларов в год²⁰⁶. В середине 90-х годов женщины из России появились и в Египте. Российские проститутки экспортируются в страны Западной Европы, в США, Канаду, страны Латинской Америки, а также в Китай. Им посвящены публикации от академических изданий до массовых иллюстрированных журналов²⁰⁷. Из дальневосточного региона России (Владивосток, Хабаровск и др.) больше всего «белых рабынь»

²⁰³ Репецкая А.Л. Указ соч., 2001. С. 77.

²⁰⁴ The Sex Trade: Trafficking of Women and Children in Europe and the US. Testimony of Anita Botti, Deputy Director for International Women's Initiatives. Hearing before the Commission on Security and Cooperation in Europe. Washington, June, 29, 1999.

²⁰⁵ Стоекер С. Организованная преступность как фактор роста числа случаев торговли людьми // Организованная преступность и коррупция. Альманах. 2000. №1. С. 57-66.

²⁰⁶ Репецкая А.Л. Указ. соч., 2001. С. 79.

²⁰⁷ Например, From Russia with sex // New York, August, 10, 1998.

транспортируется в Китай. На втором месте — Южная Корея, на третьем — Япония. Исследования, проведенные в Германии, также свидетельствуют о преобладании (79%) среди жертв торговли людьми женщин из стран центральной и восточной Европы, включая Россию²⁰⁸.

В докладе профессора Хана на конференции в Киото (10-11 декабря 2004 г.) говорилось о динамике миграции женщин в Корею. Если до 1993 г. абсолютно преобладали жительницы Филиппин, то с 1994 г. начался «заезд» женщин из России, а с 1996 г. и из Узбекистана. К 2000 г. число мигранток из Филиппин и России сравнялось, а с 2001 г. большинство составили последние. Так, в 2002 г. количество приезжих женщин из Филиппин достигло 1664, из России — 2290, из Узбекистана — 496, на все другие страны пришлось 835 женщин.

Поскольку условия труда в сфере сексуальных услуг рабские, некоторые женщины, спасая себя, по договоренности с «хозяевами» возвращаются на родину для вербовки новых жертв. Это приобрело название «вторая волна». При этом вербовщица получает за каждую завербованную женщину от 200 до 5000 долларов. Перевозка завербованных женщин из страны-экспортера в страну-импортер производится как легально (туризм, на работу, к родственникам), так и нелегально.

По некоторым данным, насильственно вывезенные из России женщины занимаются проституцией более чем в 50 странах²⁰⁹. По официальным данным МВД РФ, только за три года — с 1994 по 1997 гг. были раскрыты сотни организованных преступных групп, вербующих российских женщин для занятия проституцией в странах Европы, Среднего Востока, Северной Америки и Азии. Женщины из Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Екатеринбурга и других городов вывозились с помощью фальшивых паспортов, виз и приглашений. К основным формам вербовки относятся: газетные сообщения о найме на работу за границей женщин в возрасте от 18 до 30 лет с выгодными условиями «безопасной работы»; «вторая волна», о которой говорилось

²⁰⁸ Herz A. Trafficking in human Beings: An Empirical Study on Criminal Prosecution in Germany. Freiburg in Br., MPI, 2006. P. 14.

²⁰⁹ Вебстер В.Х. Российская организованная преступность – проект глобальной организованной преступности. Вашингтон: Центр стратегических и международных исследований, 1997. С. 26-32.

выше; путем конкурсов красоты; прямые объявления о работе проститутками; через «брачные агентства»²¹⁰.

Активно функционирует черный (криминальный) рынок «живого товара» — *незаконная миграция, экспорт проституток*.

Вот отрывок из интервью Я. Костюковского (Центр девиантологии Социологического института РАН — СИ РАН) с представителем петербургского криминалитета:

«Интервьюер (И.): А как дела с проституцией?»

Респондент (Р.): Проституция в Санкт-Петербурге обычная индустрия.

Существует не со вчерашнего дня. Имеются сотни «контор»²¹¹.

И.: Что ты можешь сказать о «бизнес-поездках»?

Р.: Да, существуют. Более того, девочки не всегда проститутки. Это могут быть приглашения для работы в стриптизе или вообще в сфере услуг. Но они экспортируются, например, в Турцию и их насильно заставляют заниматься проституцией. Это их счастье, если удается бежать. Но обычно конец очень плохой...».

Другие источники также свидетельствуют о большом количестве вывезенных из России женщин, пропавших в различных странах. Так, С.Ю. Лукашевич называет порядка 4000 женщин, которые пропали и чья судьба не известна. По другим данным, только в Германии пропало свыше 12000 женщин²¹².

Разновидностью секс-индустрии является секс-туризм. К числу стран, в котором развит секс-туризм, относятся, например, Куба, Россия, Доминиканская Республика. Российский рынок сексуальных услуг оценивается, по различным данным от \$670 млн. до \$770 млн.

Торговля детьми

Это одна из самых страшных разновидностей *human trafficking*. Дети используются для секс-бизнеса, порнографии, нелегального усыновления (последнее — не худший вариант).

Методами вовлечения детей в их сексуальную эксплуатацию служат похищение, фиктивный брак «родителей», пря-

²¹⁰ Торговля людьми. Указ. соч., 2002. С. 42-44.

²¹¹ «Контора» - учреждение. На сленге – нелегальное учреждение. Иногда термин употребляется с насмешкой, иронией. Так «конторой» в Советском Союзе называли КГБ.

²¹² Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Указ. соч., 2003. С. 206-207.

мое принуждение и изнасилование, фиктивное усыновление/удочерение. Нередко сутенеры «покупают» детей у спившихся, опустившихся родителей — бездомных, безработных, алкоголиков.

Россия является как страной *экспортером* детей, так и *импортером* иностранных туристов, рассчитывающих на соответствующие удовольствия в стране, где множество бездомных, «уличных» детей. Социальной базой торговли детьми в России служат более чем два миллиона бездомных и сирот, дети алкоголиков, а также те из детей, которые добывают деньги для «сладкой жизни». Основными покупателями детских сексуальных услуг на Дальнем Востоке являются китайцы²¹³.

Сотрудники Центра девиантологии СИ РАН исследовали сексуальную эксплуатацию детей в Северо-Западном регионе (Санкт-Петербург, Выборг, Петрозаводск и др.)²¹⁴. Большинство клиентов детской проституции — «новые русские», городские «авторитеты» (криминальные) и иностранные гости, преимущественно из Финляндии, а также из Швеции, Германии и Великобритании. Оральный секс с детьми стоил (на момент исследования — 2000-2001 гг.) 100-150 руб. (US\$3-5), половое сношение — 200-250 руб. (\$7-8), ночь с клиентом — от 500-600 до 1000 руб. (от \$17-20 до \$30-35). Мальчики ценятся дороже — 3-7 тыс. руб. (\$100-250) Но если родители детей — алкоголики, то они продавали детей за бутылку водки (около \$3)...

Детская порнография — очень скрытый и весьма доходный бизнес. Уличные дети — беспризорные, бездомные, безнадзорные — охотно отвечают на предложение вербовщиков. «Уличные дети наиболее уязвимы для эксплуатации в качестве моделей порнографии — видео или иного вида. Лица, вовлеченные в производство порнографических изданий, отыскивают таких детей на улицах, рынках, около станций метрополитена или вокзалов и в других городских местах. Накормив их, они предлагают детям «заработать хорошие деньги». Дети, находящиеся в экстремальной экономической ситуации, надеются, что это будет простой путь заработать деньги, получить еду, одежду, иногда — наркотики, алкоголь,

²¹³ Ерохина Л., Буряк Ю., 2003. Указ. соч. С. 231.

²¹⁴ Gurvich I., Rusakova M., Pyshkina T., Yakovleva A. The Commercial Sexual Exploitation of Children in St. Petersburg and Northwest Russia. Save the Children. Sweden: Stockholm, 2002.

сигареты... Кадеты (учащиеся военных школ) Санкт-Петербурга нередко используются для получения гомосексуальных порно-материалов»²¹⁵.

Назовем также в качестве примера выявленную в Москве полицией в 2000 г. подпольную домашнюю киностудию «Голубая орхидея», создающую разнообразную порнографическую продукцию с участием детей. В результате расследования были выявлены списки ее клиентов из 24 стран.

Принудительный труд или рабство

Удивительно, но принудительный труд, рабство оказались распространены в XX-XXI вв. Жертвами этого вида торговли людьми становятся мужчины, женщины, дети.

В современной России рабский труд был распространен, прежде всего, в Кавказском регионе, но в печать проникали сведения и о рабстве в центральных регионах Европейской части страны. О таком «рабовладельце» в Ленинградской области говорится в одном из очерков А. Константинова²¹⁶.

Как и в других случаях торговли людьми, основной причиной трудовой миграции служит экономический фактор: низкий уровень заработной платы на родине или безработица, невозможность устроиться на работу. Как сообщает пресса, в некоторых регионах Республики Молдова почти все взрослое население выезжает на заработки в Италию или Россию. В результате дети остаются безнадзорными или на попечении родственников. Вот как объясняет журналистке свой вынужденный отъезд из Молдовы на заработки в Россию одна из матерей: «Ну, вот я буду сидеть дома и плакать с детьми, что нечего есть и обуть [т.е. нет обуви — Я.Г.]. И что? Лучше я буду плакать одна, там, ночью в подушку, а у детей здесь будут деньги»²¹⁷.

В настоящее время фактически рабский труд широко распространен в России за счет легальных и — в основном — нелегальных мигрантов из стран СНГ, особенно Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Молдовы, а также из Китая, Вьетнама, Афганистана, Северной Кореи, отчасти — из африканских и латиноамерикан-

²¹⁵ Gurvich I. et all. Ibid. P. 27.

²¹⁶ Константинов А., Дикселиус М. Бандитская Россия. СПб.: Библиополис, 1997. С. 251-258.

²¹⁷ Ивлева В. Страна одиноких детей // Новая газета, 06-08.11.2006. С. 13.

ских стран. Условия труда и жизни рабов XXI в. ужасны. Нередко их жизнь заканчивается самоубийством²¹⁸.

Так, по данным одного из исследований в России, 80-90% мигрантов принуждаются «хозяевами» к работе сверх положенного времени; до 90% мигрантов не имеют оплаченных выходных, отпуска по болезни, иных социальных льгот; без оплаты труда или с неопределенными условиями и размером оплаты работают 25-47%. К *элементам рабского* труда относятся: ограничение свободы и изоляция (25-30% мигрантов); обман, угрозы, шантаж (27-35%); принуждение к секс-услугам (25-30% женщин); наличие долга работодателю (15-18%)²¹⁹. Кроме того, множество трудовых мигрантов живут в ужасающих условиях, в бараках без электричества, без отопления, без канализации («удобства во дворе»²²⁰).

В связи с массовой миграцией в России начал формироваться институт «черного посредничества». Специальные агенты ездят по селам и городам стран СНГ (союз независимых государств, включающий ряд стран бывшего СССР), вербуя людей под предлогом «хорошего заработка» в России, а в действительности для занятия проституцией, тяжелым трудом в строительной отрасли с рабскими условиями труда, а иногда — и в качестве гладиатора²²¹.

Более того, существует практика продажи в рабство в современной... российской армии! Известны многочисленные случаи продажи офицерами солдат различным бизнесменам. Один из ставших известным случаев произошел в сентябре 2006 г., когда в городе Чита (Восточная Сибирь) офицер продал солдата своей воинской части местному предпринимателю за 35000 рублей (около \$1300). Солдат оказался в военном госпитале без ноги и без глаза, что явилось результатом рабской эксплуатации.

²¹⁸ Репецкая А.Л. Указ. соч., 2003. С. 34.

²¹⁹ Тюрюканова Е. Указ. соч., 2006. С. XIX.

²²⁰ Отсутствие туалета в жилом помещении, приходится справлять естественную нужду в деревянных сооружениях на улице, убожество которых может представить только тот, кто это видел в России...

²²¹ Интервью с таким современным гладиатором опубликовано в: Тюрюканова Е., 2006. Указ. соч. С. 184-186. О жизни рабов хозяйки магазина «Продукты» в современной Москве см.: Рабыни мы // URL: <http://www.mn.ru/society/20130115/335258454.html> (дата обращения: 15.01.2013).

Торговля внутренними органами

Это одна из наиболее скрытых и быстро развивающихся отраслей криминального бизнеса. Существует международный черный рынок «изделий» для трансплантации сердца, почек и других органов человека. В российской прессе изредка проскальзывают сведения о случаях продажи органов в стране и за рубеж. Было два-три случая, когда возбуждались, расследовались и доходили до суда случаи по обвинению медицинских работников в нелегальном изъятии органов у детей в целях продажи. Однако эти дела заканчивались либо оправдательным приговором, либо прекращались производством.

Мировые и национальные проблемы предупреждения и сокращения торговли людьми чрезвычайно сложны, хотя нормативная правовая база достаточно развита²²².

Во-первых, этот вид криминальной деятельности один из наиболее *скрытых, латентных*. Достаточно отметить, что при значительной распространенности торговли людьми в России были зарегистрированы соответствующие преступления в 2003-2010 гг.: *принуждение к изъятию органов или тканей для трансплантации* (ст. 120 УК РФ) — до 2004 г. — 0 преступлений, в 2005-06 гг. по 1 преступлению. В 2007-2010 гг. — 0 (!); *торговля людьми* (ст. 127-1 УК) — 0 преступлений за 2003 г., 17 — в 2004 г., 60 — в 2005 г., 106 в 2006, 104 в 2007, 57 в 2008, 94 в 2009, 103 в 2010; *использование рабского труда* (ст. 127-2 УК) — 0 преступлений в 2003 г., 8 — в 2004 г., 20 в 2005 г., 19 — в 2006 г., 35 — в 2007 г., 10 в 2008 г., 8 — в 2009 г., 15 — в 2010 г.; *организация занятием проституцией* (ст. 241 УК) — от 241 в 2003 г. до 1570 в 2007 г.; *торговля несовершеннолетними* (ст. 152 УК) — соответственно по годам 10, 21 преступлений (с 2004 г. утратила силу); *незаконное усыновление* (ст. 154 УК) — соответственно по годам 3, 0, 1, 7, 9, 1, 1, 1 преступлений²²³.

²²² См.: Противодействие торговле людьми: Сборник нормативных правовых документов / Н.И. Абукирова. М.: ЭКСлит, 2004.

²²³ Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / ред. А.И. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. С. 303-306; Преступность, криминология, криминологическая защита / ред. А.И. Долгова. М., 2007. С. 337-338; Статистика МВД // URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/> (дата обращения 31.12.2012).

Во-вторых, все формы торговли людьми — порождение экономических, социальных, политических процессов в условиях глобализации. Социально-экономическое неравенство различных стран и социальных групп — основной фактор *human trafficking* также как иных девиаций — преступности, наркотизма, алкопотребления, проституции и др. Ясно, что неимущие, «исключенные» нуждаются в средствах для выживания, другая часть населения — в деньгах для «лучшей жизни» («сладкой жизни»). Криминал пользуется этим, «обеспечивая» тех и других (и, прежде всего — себя) такими средствами.

В-третьих, торговля людьми в эпоху глобализации относительно новая проблема. Привычные методы выявления, регистрации, профилактики, противодействия социальному «злу» в данном случае не срабатывают. Тем более важны национальные и межгосударственные (кросс-культуральные) исследования торговли людьми и выработка методов и средств противодействия этому.

Глава 8. Экономическое насилие

Мало, чтобы я выиграл, надо
еще, чтобы другой проиграл²²⁴.

Гор Видал

Истинный преступник –
корпоративный капитал.

С. Жижек

В этой главе речь пойдет не о насилии *в связи* с экономикой — организованной преступности (как бизнеса, предпринимательства), торговле людьми, оружием, наркотиками, «заказных убийствах» конкурентов, «черных риэлтерах» и «черном рэкете», а о насилии экономики *как таковой*, как системы (и подсистемы общества).

Кто сомневается в экономическом насилии (подкрепленном политическим насилием) в рабовладельческом обществе — хотя бы по отношению к рабам, или феодальном — хотя бы по отношению к крепостным крестьянам? При этом, и при рабовладении, и при феодализме экономическое насилие не миновало и «свободных» людей — обедневших, неприспособленных, больных, неудачников, пытающихся «соответствовать положению» (вспомним «Завтрак аристократа» П. Федотова) и т.п.

Но вот наступили века капиталистической, а затем социалистической экономики (во всех их ипостасях). Казалось бы — свободный

²²⁴ Российский вариант: «У соседа сдохла кобыла. Казалось бы – какое мне дело? А все-таки приятно».

труд свободных людей! Что стоила социалистическая «свобода» в советском ГУЛАГ'е или колхозах хорошо известно²²⁵. Правда, был еще «шведский социализм» и его аналоги в Дании, Норвегии, но и его эпоха окончилась (не выдержав человеческой природы?...).

Оставалась надежда на «свободную экономику» современного «постиндустриального», «информационного» общества. Конечно, либерализм в экономике, либертарианство²²⁶, *laissez faire* — прекрасные идеи. (Да и социализм / коммунизм весьма привлекательны. На бумаге.) А в действительности?

Я — сторонник либерализма, свободной торговли, *laissez faire* — все чаще сталкиваюсь с разумным неприятием капитализма. Коллеги — криминологи давно пишут о капиталистических общественных отношениях как источнике преступности и иных негативных девиантных проявлений (пьянство, наркотизм, коррупция, проституция и т.п.).

Это основатели «радикальной» («критической») криминологии — Я. Тэйлор, П. Уолтон, Дж. Янг²²⁷.

Это многочисленные труды Н. Кристи, доступные на русском языке. В одной из своих работ Н. Кристи обращает внимание на «образной действительности, где участие в трудовой деятельности — привилегия, где работа становится статьей дефицита... Теперь привилегия — это не свободное от работы время, а *возможность найти применение своей жизни* (курсив мой — Я.Г.)»²²⁸.

Это работы немецкого представителя «критической криминологии» Ф. Зака. В опубликованной на русском языке статье Ф. Зак критикуя современный капиталистический мир, с его индивидуализмом, бесперспективностью для «исключенных», не имеющих

²²⁵ О некоторых экономических аспектах см.: Скоробогатов А.С. Дилемма диктатора и «проблема царя Ирода»: особенности советской системы принудительного труда. В: Экономика и право / ред. А. Заостровцев. СПб.: Наука, 2009. С. 139-168.

²²⁶ Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика. Челябинск: Социум, 2004; Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. Челябинск: Социум, 2003.

²²⁷ Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. L., 1973; Taylor I. (Ed.) The Social Effects of Free Market Policies. An International Text. Harvester Wheatsheaf, 1990; Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE, 2007.

²²⁸ Кристи Н. Плотность общества. М., 2001. С. 22-23. См. также: Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца. 2-е изд. М., 2001; Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб.: Алетей, 2011.

даже шансов принадлежать «резервной армии индустриального труда», пишет: «Примат экономики губителен для общества в целом и криминологии в частности... В обществе с приматом экономики не мораль, а деньги играют главенствующую роль в регулировании поведения... Чем больше социальная среда перерождается в экономическую, тем более она поражена преступностью»²²⁹.

Один из крупнейших современных социологов И. Валлерстайн полагает, что мир разделен на «центр» и «периферию», между которыми существует неизменный антагонизм. При этом государства вообще теряют легитимность, поскольку либеральная программа улучшения мира обнаружила свою несостоятельность в глазах подавляющей массы населения Земли²³⁰. В другой работе он приходит к убеждению, что капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис²³¹.

Все основательнее вырисовываются *два лица* свободной экономики, свободных рыночных отношений.

С одной стороны — безусловный экономический рост; повышение уровня жизни и расширение возможностей «включенных» жителей развитых стран; фантастическое развитие техники и новейших технологий.

С другой стороны — растущее социальное и экономическое неравенство; экономические преступления; формирование организованной преступности, как криминального предпринимательства; все возрастающий удельный вес теневой («серой», «неформальной», «второй», «скрытой», «подпольной») экономики²³²; растущее

²²⁹ Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право. 1999. №1. С. 92-105.

²³⁰ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003.

²³¹ Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. 2000. Vol. 15. №3.

²³² Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М., 2004; Бурова Н.В. Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения. СПб., 2006; Клямкин И.М., Тимофеев Л.Н. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М., 2000; Неформальная экономика. Россия и мир / ред. Т. Шанин. М., 1999; Теневая экономика – 2007. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности М., 2008; Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России: теория, анализ, модели. М., 2008; и др.

недовольство большинства населения господствующим в политике и экономике меньшинством и др.

Н. Луман называет два принципиальных, как мне кажется, следствия развития современного капитализма. Во-первых, «невозможность для мировой хозяйственной системы справиться с проблемой справедливого распределения достигнутого благосостояния»²³³. С проблемой, когда «включенные» имеют почти всё, а «исключенные» — почти ничего. И, соответственно, во-вторых, «как индивид, использующий пустое пространство, оставляемое ему обществом, может обрести осмысленное и удовлетворяющее публично провозглашаемым запросам отношение к самому себе»²³⁴.

Все это способствует эскалации насилия во всех его проявлениях. Так, для наиболее тяжелых насильственных преступлений характерно пренебрежение к жизни и здоровью других людей, обесценивание чужой жизни как следствие крайней степени отчуждения. Это особенно ярко (и страшно) проявляется в так называемых «безмотивных» жестоких преступлениях, когда уничтожение себе подобных, глумление, издевательство, истязание, мучительство становятся самоцелью (что — подчеркну еще раз — совершенно неизвестно миру животных).

Автор «индустриального общества», Джон Гэлбрейт писал еще в 1967 г.: «Для рабочего, лишившегося заработка на джутовой фабрике в Калькутте, так же как и для американского рабочего в период великой депрессии, вероятность найти когда-нибудь другую работу очень мала... Альтернативой его существующему положению является, следовательно, медленная, но неизбежная голодная смерть»²³⁵. Позднее, в 1973 г., Дж. Гэлбрейт напишет об экономических лишениях — голоде, позоре, нищете, «если человек не хочет работать по найму и тем самым принять цели работодателя»²³⁶. Не выступают ли, следовательно, «цели работодателя» фактором насилия?

Экономическая теория развивалась сама по себе. Экономическое насилие и его жертвы существовали сами по себе. И «в резуль-

²³³ Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006. С. 234.

²³⁴ Там же. С. 238.

²³⁵ Русское издание: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. С. 180.

²³⁶ Русское издание: Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979. С. 31.

тате экономическая теория незаметно превратилась в ширму, прикрывающую власть корпорации»²³⁷. Если это было ясно для Дж. Гэлбрейта к 1973 г., то дальнейшее развитие экономики и ее главных субъектов — банков и ТНК лишь подтвердили диагноз... Не случайно на смену классической либеральной теории приходят неоавстрийская школа, праксиология Л. фон Мизеса²³⁸, ордо-либерализм²³⁹ и др.

Но действительность развивается в параллельном мире. «Именно организованная без всякого внешнего принуждения метафизическая пляска всемогущего Капитала служит ключом к реальным событиям и катастрофам. В этом и заключается фундаментальное системное насилие капитализма, гораздо более жуткое, чем любое прямое докапиталистическое социально-идеологическое насилие: это насилие больше нельзя приписать конкретным людям и их «злым» намерениям; оно является чисто «объективным», системным, анонимным»²⁴⁰.

Повторюсь: у меня давно сложилась уверенность в принципиальной невозможности создать благополучное общество, без массового насилия, без страшного неравенства, без «войны всех против всех». *Род Homo Sapiens, в отличие от всех остальных биологических видов и родов, утратил заложенный природой запрет на убийство себе подобных.*

Идеалом для меня всегда были государства Западной Европы, где я чувствую себя «свободным человеком в свободной стране», и, не боясь, хожу по улицам в любое время суток. Но что-то стало меняться...

Конечно, насытившись развитым и недоразвитым социализмом, плановой экономикой, уголовным запретом частнопредпринимательской деятельности и коммерческого посредничества (ст. 153 УК РСФСР), «валютных операций» (ст. 88 УК РСФСР) и — как следствие — пустыми полками магазинов, при непрременной оглядке на КГБ, я с понятной радостью встретил горбачевскую «перестройку», частную собственность, рыночную экономику, свободу

²³⁷ Там же. С. 33.

²³⁸ Усанов П.В. Праксиология Л. фон Мизеса – экономическая теория XXI века. В: Экономика и общество. СПб.: Леонтьевский центр, 2011. С. 226-237.

²³⁹ Социальное рыночное хозяйство. Концепции, практический опыт и перспективы применения в России / ред. Р. Нуреев. М.: ГУВШЭ, 2007.

²⁴⁰ Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. С. 15.

слова и зарубежных поездок. Я и сейчас принципиальный, категорический противник возврата к «социалистическому» прошлому. Я и сейчас уверен, что М.С. Горбачев совершил чудо, повернув историю России в либерально-демократически-прогрессивном направлении.

Современный отечественный опыт свидетельствует о том, что безусловно прогрессивный переход от казарменного полуголодного социализма с постоянным «дефицитом» всего и вся к рыночной экономике принес не только переполненные товаром магазины, заполненные иномарками улицы, возможность путешествовать по всему миру и обучать детей в Оксфорде или Гарварде, но и значительные негативные последствия: беспрецедентный разрыв между богатым меньшинством и бедным большинством населения (что отражается динамикой соответствующих экономических показателей — децильного коэффициента и индекса Джини); господство масскульта; призыв «обогащайтесь!» и воцарившуюся мораль «все на продажу» и «деньги не пахнут» с закономерным возрастанием негативных девиантных проявлений — преступности, коррупции, алкоголизации населения, наркотизма, торговли людьми, суицида²⁴¹.

Ю.В. Кузовков различает четыре основных типа социально-экономических систем²⁴². Две из них основаны на рыночной экономике: глобальный олигархический капитализм и национально-демократический капитализм (или национальная демократия). Отличием второй системы от первой является то, что: а) в правящей верхушке общества преобладает не олигархия, а национальная элита, думающая об интересах всего общества; б) в экономике основную роль играет средний и малый бизнес при отсутствии частнокапиталистических монополий; в) сформирован национальный (или региональный) рынок, защищенный от мирового рынка и глобализации посредством таможенных пошлин или, как это бывало ранее в истории, посредством естественных барьеров (горы, участки суши, большие расстояния). Две другие системы связаны с ограничением товарно-денежных отношений и с преобладанием не торговли, а распределения произведенных товаров. Это социа-

²⁴¹ Подробнее см.: Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гилинский, Т. Шипунова. СПб.: Алеф-Пресс, 2012.

²⁴² Кузовков Ю.В. Мировая история коррупции. Интернет-версия. 2010. URL: http://www.yurii-kuzovkov.ru/second_book/ (дата обращения 28.01.2012). С. 759.

лизм и режим восточной деспотии. При социализме доминируют государственная и общественная собственность на средства производства, которыми управляет бюрократия. В режимах восточной деспотии средствами производства владеет олигархия, но ее рыночная свобода сильно ограничена со стороны государства (монарха или диктатора).

Так вот, «можно считать доказанным тот факт, что наибольший экономический и технический прогресс общества, равно как и наибольшая социальная гармония, достигается в условиях режима национальной демократии... Этот режим существовал в США в эпоху «американского экономического чуда» (1865 г. — начало XX в.) и в Западной Европе в эпоху «послевоенного экономического чуда» (1946-1967 гг.), и во всех этих случаях привел к беспрецедентному экономическому росту, низкой безработице (или к полному ее отсутствию) и социальному миру»²⁴³. Возможно, это были счастливые минуты истории человечества...

Вместе с тем, «глобальный олигархический капитализм — наиболее распространенная социально-экономическая система, встречавшаяся в истории. Эта система преобладала... в современном мире, начиная с последней трети XX в. В ее основе всегда лежала глобализация, а необходимым ее условием была свободная внешняя торговля, которая, по определению И. Валлерстайна, служила «максимизации краткосрочной прибыли классом торговцев и финансистов», то есть классом олигархии. Эта система вначале, как правило, приводила к товарному изобилию и кажущемуся процветанию общества. Но побочным эффектом всегда становился разгул товарных спекуляций, за счет которых обогащалась и приобретала все большую силу олигархия, захватывая власть над обществом. Все эти явления вызывали рост коррупции в обществе, падение нравов, обнищание населения и прочие явления, приводившие к кризису коррупции. Таким образом, глобальный олигархический капитализм всегда неизбежно приводил к кризису, и в ряде случаев имел следствием разрушение государств и крах цивилизаций, в которых установилась эта социально-экономическая система»²⁴⁴.

Особенно задуматься над «прекрасным новым миром» заставляют труды С. Жижека. В «Размышлениях в красном цвете» (явный намек на коммунистическую доктрину), С. Жижек демонстрирует

²⁴³ Там же. С. 760.

²⁴⁴ Там же. С. 761.

фактически завершённый раскол мира на два полюса: «новый глобальный класс» — замкнутый круг «включенных», успешных, богатых, всемогущих, создающих «собственный жизненный мир для решения своей герменевтической проблемы»²⁴⁵ и — большинство «исключенных», не имеющих никаких шансов «подняться» до этих новых «глобальных граждан».

С. Жижек называет несколько антагонизмов современного общества. При этом «противостояние исключенных и включенных является ключевым»²⁴⁶. В другой своей работе, посвященной насилию, С. Жижек утверждает: «В этой оппозиции между теми, кто «внутри», последними людьми, живущими в стерильных закрытых сообществах, и теми, кто «снаружи», постепенно растворяются старые добрые средние классы»²⁴⁷. Происходит раскол общества на две неравные части: «включенное» меньшинство и «исключенное» большинство. При этом оба мира неразрывно связаны между собой. Точно так же, как «пороки» капиталистических отношений с их «достоинствами»: «Парадокс капитализма заключается в том, что невозможно выплеснуть грязную воду финансовых спекуляций и при этом сохранить здорового ребенка реальной экономики: грязная вода на самом деле составляет «кровеносную систему» здорового ребенка»²⁴⁸. Поэтому (и не только) — «даже во время разрушительного кризиса никакой альтернативы капитализму нет». В результате автором предлагается «расширенное понятие кризиса как глобального апокалиптического тупика, в который мы зашли»²⁴⁹.

Либеральная, неолиберальная идеология (и практика, реальность!) оказывается столь же утопической, сколь утопическими были многочисленные разновидности социалистической (коммунистической) идеологии (и практики, реальности!). С. Жижек прекрасно это понимает, как предвидит и попытку представителей глобальных граждан обосновать капитализм «с человеческим лицом». «Следовательно, пользуясь старомодной марксистской терминологией, главная задача правящей идеологии в нынешнем гло-

²⁴⁵ Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011. С. 6.

²⁴⁶ Там же. С. 342.

²⁴⁷ Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. С. 27.

²⁴⁸ Жижек С. Размышления в красном цвете. С. 19.

²⁴⁹ Там же. С. 8.

бальном кризисе состоит в том, чтобы навязать нарратив, который будет возлагать вину за него не на глобальную капиталистическую систему как таковую, а на ее второстепенные случайные отклонения (слишком слабое правовое регулирование, коррупция крупных финансовых институтов и т.д.). Во времена реального социализма просоциалистические идеологи пытались спасти идею социализма, говоря, что провал «народных демократий» означает провал неподлинной версии социализма, так что социализм нуждается в радикальной реформе, а не в отказе от него. Забавно, что (зачастую те же самые) идеологи, которые высмеивали эту критическую защиту социализма как иллюзию и настаивали на том, что нужно винить саму идею, теперь обращаются к той же самой линии защиты: банкротство потерпел не капитализм как таковой, а его искаженная реализация...»²⁵⁰.

В развитии капиталистическом обществе все большему числу людей угрожает маргинализация на рынке труда, полное исключение возможностей найти работу и общественная изоляция²⁵¹.

Можно, конечно, отмахнуться от трудов С. Жижекa и его сторонников как «пережитков социализма / коммунизма», но как пренебречь современными реалиями: растущим и принимающим катастрофические масштабы социально-экономическим неравенством, миллионами «исключенных» и соответствующей реакцией — от «цветных революций» и «арабской весны» до массового осеннего движения 2011 г. «Оккупировать Уолл-Стрит» (движение поддерживают от 40% до 60% американцев!), перекинувшегося на Великобританию, Италию, Испанию и ряд других европейских государств, а также Японию, Корею, Австралию.

В результате, в частности, «британцы убедились, что в их стране образовался многочисленный и весьма пассионарный слой молодежи, Полностью отчужденный от остального общества и не испытывающий пиетета к либеральным, гуманистическим ценностям Соединенного Королевства. Общество не желало задуматься над тем, что творится в головах у людей, не знающих, что такое работа и зарплата, и чьи родители тоже никогда не работали...»²⁵².

²⁵⁰ Там же. С. 26.

²⁵¹ Althoff M., Cremer-Schafer H., Loschper G., Reinke H., Smaus G. Integration und Ausschliessung: Kriminalpolitik und Kriminalität in Zeitengesellschaftlicher Transformation. Baden-Baden, 2001. S. 29.

²⁵² Остальский А. Восстание дна // The New Times, 2011. №44-45. С. 65.

И не является ли это следствием того, что, по Н. Луману, «экслюзия интегрирует гораздо сильнее, чем инклюзия... Следовательно, общество... в самом нижнем слое интегрировано сильнее, чем в верхних слоях»²⁵³. Думается, это важно учитывать при оценке как девиантных проявлений, так и иных социальных феноменов.

Лауреат Нобелевской премии по экономике И. Стиглиц (Joseph Stiglitz) так характеризует, в частности, сегодняшнюю проблему: «Существует глобальный кризис неравенства. Проблема заключается не только в том, что финансовая верхушка получает непропорционально большую часть экономических благ, но и в том, что средний класс не разделяет экономического роста, а доля бедняков во многих странах растет... Экономическая и политическая система, которые не удовлетворяют большинство граждан не могут быть устойчивыми в долгосрочной перспективе. В конце концов, вера в демократию и рыночную экономику будет разрушаться, а легитимность существующих институтов и механизмов будет ставиться под вопрос»²⁵⁴.

Двуликость свободной экономики, особенно в российских условиях, начинает все больше осознаваться отечественными учеными, журналистами, вообще мыслящими людьми. «Рабство якобы отменено, а на самом деле присутствует в нашей жизни в полной мере. Только на место личной зависимости встала зависимость экономическая или социальная... Из шести миллиардов людей, живущих сегодня на планете, лишь самое малое меньшинство имеет право на индивидуальность... Остальные превращены в безликую массу, которая используется в экономике, как мясной фарш в кулинарии... Родившийся рабом, на всю жизнь остается рабом промышленности, которая забирает его тело взамен на уголь или кирпич; родившийся среди серых заборов и фабричных корпусов навсегда остается в этом пейзаже, как раб... Различие между реальным социализмом и реальным капитализмом меньше их основного сходства в отношении к человеку как к рабу на промышленной плантации... Управляющему меньшинству принадлежат не только деньги и не только собственность, но и свобода... Колесо социального прогресса застряло в исторической грязи. Оно крутится на месте... Рабство

²⁵³ Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006. С. 45-46.

²⁵⁴ Стиглиц Й. Последствия кризиса // Project Syndicate // URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/global-warming--inequality--and-structural-change-by-joseph-e-stiglitz/russian#D08CbsIizxaCWfib.99> (дата обращения 07.01.2013).

остаётся рабством, даже если рабы ездят на работу в собственных автомобилях и от отдыхают в Египте в отелях *all inclusive*»²⁵⁵. Последняя фраза — не про нас ли с вами, уважаемые читатели?

Ясно, что необходимы нетривиальные идеи и решения сложнейших мировых социально-экономических проблем, связанных со «вторым лицом» современного капитализма. Но надежды на своевременность таких неординарных ходов (как создать не социализм и не капитализм!) невелики. «Хозяева мира» вполне удовлетворены *status quo*. «Исключенные» либо безмолвствуют, либо способны на «беспощадный бунт», не меняющий принципиально порождающих его отношений. Включенный «средний класс» и его идейные представители — либералы и либертарианцы — психологически не готовы отказаться от «благ» рынка и свободной экономики. Тем более, что им есть что терять, и не ясно, что они приобретут со смелой парадигмы и ее практических воплощений.

Между тем, «формирующаяся мировая экономика должна привести к положению, при котором для выполнения всей необходимой работы потребуется всего 20% рабочей силы, а 80% людей окажутся не у дел, т.е. бесполезными потенциальными безработными»²⁵⁶.

Итак, пралюди начали трудиться, чтобы выжить. Теперь, для человечества оказались «лишними» 80% населения...

У автора нет рецептов. Есть уверенность в необходимости принципиальных изменений российского и мирового социального, экономического, политического *status quo*. И — большое сомнение в реализации этой необходимости (до наступления возможного омницида...).

Об этом же говорилось на 42-ой сессии Всемирного экономического форума в Давосе (2012), прошедшего под лозунгом «Великая трансформация: формирование новых моделей»: «Международное сообщество должно сформировать новые модели управления и предпринимательства, которые были бы направлены на решение проблем, волнующих сегодня людей... Англо-саксонский финансовый капитализм сегодня не в моде»²⁵⁷.

Как на один из примеров понимания ситуации и попытки предложить некие решения сошлюсь на программу «Государствление

²⁵⁵ Поликовский А. Рабы эпохи хай-тек // Новая Газета. 16.01.2012.

²⁵⁶ Жижек С. Размышления в красном цвете. С. 345-346.

²⁵⁷ Минеев А. Главный итог Давоса: капитализм вышел из моды // Новая Газета. 02.02.2012.

с предохранителями» Г. Попова, изложенную им в интервью «Голосу Америки» в связи с движением «Оккупируй Уолл-Стрит»²⁵⁸. Прошу извинения за длинную цитату. «Средний класс — это хребет современного общества. И его выступления — несогласие не монополистов, не пролетариев, а главной части, сердцевины общества. Это не безработные. Не обездоленные. Не пролетарии. Протестует средний слой. Хребет американского общества... На штурм Уолл-стрит идет Большинство. Оно не желает жить в мире финансовых пузырей и пирамид, наполняющих рынок не реальными деньгами, а разного рода фантиками... Движение еще не вполне осознало, что разгром финансового капитала неизбежно изменит все постиндустриальное общество. Превратит — говоря словами Ибсена — общество троллей в общество людей. Но первый тайм борьбы оно очертило правильно — финансовый капитал. Вот уже двадцать лет мы видим, как финансовые гении спасают нас и весь мир от катастроф. Но с железной неизбежностью возникают все те же повторяющиеся кризисы... Финансово-номенклатурная олигархия с ролью руководителя цивилизации XXI в. не справляется... Не справляется — несмотря на то, что обеспечила себе уровень жизни в сотни, тысячи раз превышающий то, что имеют остальные члены общества. Моя идея состоит в том, что общество может существовать без частных банков и бирж. А ключевым звеном финансовой структуры становятся государственные банковские системы, а также системы обществ взаимного кредита и народных сберкасс... Финансовый капитал себя исчерпал потому, что все его концепции были использованы и все не смогли обеспечить выход из перманентного кризиса. Исчерпан весь потенциал денег и денежных механизмов, потенциал монетаризма. Более того, исчерпываются возможности и резервы вообще всего экономического подхода... Поэтому изгнание финансового капитала с его финансово-олигархическими и номенклатурными лидерами — потребность человечества в наступившем XXI в. Взамен финансового капитала мною предложены два комплекса мер. Внизу и в середине — укрепление среднего и малого бизнеса, обеспечение реальной конкуренции, возвращение рынка. Вторая группа мер — создание государственного банковского сектора, преодолевающего все минусы частного

²⁵⁸ Попов Г. (О бунте среднего класса, 2011). URL: <http://www.voanews.com/russian/news/russia/Interview-with-Gavriil-Popov-on-OWS-2012-01-31-138407479.html> (дата обращения 04.02.2012).

финансового центра... меры по вытеснению финансового капитала обязательно должны согласовываться с мерами по обузданию бюрократии... Опасность огосударствления я полностью признаю и предлагаю целый комплекс мер, систему «предохранителей»... В России, с одной стороны, наиболее разнузданно господствуют и номенклатура, и олигархия. Но, с другой стороны, нет того среднего класса, который составил базу протеста против Уолл-стрит... Народ наш деморализован и дезорганизован. Уже не государственным социализмом, а двумя десятилетиями номенклатурно-олигархического командования в экономике, в культуре, в системе средств информации. Но я вижу и другое. Как растет в массе простых людей России

ненависть ко всей системе жизни. Вот почему я думаю, что идеи «Захвати Уолл-стрит» не окажутся в России чем-то чуждым. В конце казавшегося тупиком тоннеля появился просвет. Какая-то Надежда. И я говорю: нам надо идти путем, на который вступает лучшая часть народных масс развитых стран. Лучшая часть интеллигенции. Дальновидная часть бизнеса. Захвати Уолл-стрит — и спаси в XXI в. и себя, и детей, и народ, и Россию, и человечество».

Нельзя сказать, что мнение Г. Попова единственно возможное и единственно правильное. Важно другое: надо обсуждать сложившуюся мировую социальную и экономическую ситуацию и «коллективным разумом» искать пошаговый и некровавый путь выхода из нее.

Думаю, что это останется благим пожеланием... Социальное насилие, во всех его формах и проявлениях, остается имманентно присущим человечеству...

Глава 9. Политическое (государственное) насилие

Чудище обло, огромно,
стозевно и лайй.
А. Радищев

В нашем мире немного простых
и незыблемых истин:
Кони любят овес.
Сахар бел.
Государство — твой враг.
Ю. Нестеренко

Когда речь заходит о насилии, прежде всего, возникают образы убийцы, насильника, реже — палача, заплечных дел мастера... Между тем, нет более страшного субъекта насилия, нежели государство и его органы.

Столетиями философы, правоведы видели в государстве результат «общественного договора», орган, объединяющий людей, должный способствовать всеобщему процветанию и благоденствию. Лишь со временем наступило понимание того, что быть может государство и необходимый институт, но отнюдь не выполняющий свои «миротворческие» функции.

Томас Гоббс (1588-1679) сравнивал государство с Левиафаном — ветхозаветным чудовищным морским змеем, нередко отождествляемым с сатаной. Правда, сам Т. Гоббс, говоря современным языком, был «государственником». Тем не менее, жутковатый образ Левиафана до сих пор служит символом государства. Позднее

Левиафана дополнил образ Паноптикума (или Паноптикона) — «идеальной тюрьмы» И. Бентама (1748-1832). Последний выдвинул идею «открытой тюрьмы», когда стражник находится в центре, но невидим для заключенных. Узники не знают, в какой именно момент за ними наблюдают, и у них создается впечатление постоянного контроля. Кстати говоря, автор этих строк видел некое подобие воплощения замысла И. Бентама в одной из нью-йоркских тюрем...

М. Фуко назвал И. Бентама «Фурье полицейского государства». Его Паноптикум стал антиутопией тоталитаризма и переключается с образом «Большого Брата», который «все видит», из романа-антиутопии «1984» Дж. Оруэлла.

Сам Мишель Фуко (1926-1984) ставил перед собой «скромную» задачу «расшифровать генеалогию современной власти и всей современной западной цивилизации». Он считал, что власть разлита по всему телу общества. «Отношения власти проникают в самую толщу общества; они не локализуются в отношениях между государством и гражданами или на границе между классами и не просто воспроизводят — на уровне индивидов, тел, жестов и поступков — общую форму закона или правления... Отношения власти не однозначны; они выражаются в бесчисленных точках столкновения и очагах нестабильности, каждая из которых несет в себе опасность конфликта, борьбы и по крайней мере временного изменения соотношения сил»²⁵⁹.

*Власть — «порядок» — насилие, — вот неизменные атрибуты государства. «Порядок «отводит» каждому индивиду его место, его тело, болезнь и смерть, его благосостояние посредством вездесущей и всеведущей власти, которая равномерно и непрерывно подразделяется вплоть до конечного определения индивида: того, что характеризует его, принадлежит ему, происходит с ним»*²⁶⁰.

Власть обтесывает каждого до состояния «дисциплинарного индивида», «послушного тела», исключая, элиминируя тех, кто упорно не становится таковыми, в том числе, посредством смертной казни или помещения в уже известный нам Паноптикум...

²⁵⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 41-42.

²⁶⁰ Фуко. Там же. с. 288-289.

Паноптизм гораздо шире представления о тюрьме. Паноптизм — характеристика современного (только ли?) общества. «Установление «надзора» за индивидами является естественным продолжением правосудия, пропитанного дисциплинарными методами и экзаменационными процедурами... Удивительно ли, что тюрьмы похожи на заводы, школы, казармы и больницы, которые похожи на тюрьмы?»²⁶¹. В большинстве своих трудов М. Фуко рассматривает различные ипостаси Паноптикума, различные проявления паноптизма²⁶².

В этой связи из современных отечественных авторов нельзя не назвать А.Н. Олейника. В своей монографии «Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти» (М., 2001)²⁶³ он противопоставляет «маленькое» (немодернизированное) и «большое» общества. Примерами «маленького общества» могут служить мафия и... тюрьма. С точки зрения А.Н. Олейника, современная Россия, не является «большим обществом», представляя собой совокупность «маленьких обществ».

О тесной, неразрывной связи власти и насилия пишет Н. Луман: «Насилие всегда сохраняло и продолжает сохранять свою специфическую, соотношенную с властью природу... Распространенное представление о противоположности или одномерной полярности между легитимностью и насилием либо между консенсусом и принуждением ошибочно»²⁶⁴. Власть и насилие едины или, более корректно — *дополнительны* (в боровском смысле).

Н. Смелзер определяет государство как «часть общества, которая обладает властью, силой и авторитетом для распределения ресурсов и средств социальной системы»²⁶⁵.

Вопреки надеждам на сокращение роли *власти* в современном мире, в действительности происходит «нарастающий харак-

²⁶¹ Фуко. Там же. С. 334.

²⁶² Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ МОСКВА, 2010; Он же. Рождение клиники. М.: Академический проект (Психологические технологии), 2010; Он же. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1973-1974 уч. году. СПб.: Наука, 2007; Он же. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. Киев: Дух и Литера, 1998.

²⁶³ Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001.

²⁶⁴ Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. С. 103, 108.

²⁶⁵ Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С. 528.

тер власти в различных типах общества»²⁶⁶. Авторитарные ресурсы растут и крепнут вслед за аллокативными (так Э. Гидденс именует материальные свойства окружающей среды, производство, товары).

С другой стороны, по мнению И. Честнова, «для «постсовременного» государства... свойственно снижение управляемости, рост социальных рисков, постепенной потери суверенитета и легитимности вследствие отчуждения населения от государственной власти, а также утраты государством сакральности и монополии на рациональность управления»²⁶⁷.

Впрочем, одно не исключает другого. На примере современной России (и не только) можно наблюдать, как снижение управляемости, потеря суверенитета и легитимности ведут к усилению репрессивности...

Не вдаваясь в политико-правовые дискуссии о сущности и функциях государства, посмотрим, какие основные виды политического насилия осуществляются государством и его органами.

Войны

Давно подмечено, что во всех странах есть министерства обороны, но ни в одной стране нет министерства нападения. А войны, между тем, происходят на протяжении всей истории человечества — от межплеменных до мировых...

Война одного государства против другого может быть развязана в целях расширения собственных границ; захвата рабочей силы (рабов), источников сырья, энергии, продуктов; ради «наказания» несговорчивого соседа; удовлетворения тщеславия главы государства; «восстановления исторической справедливости»; предупреждения возможного нападения (превентивная война) и т.п. Захватнические инстинкты глав государств, вождей, «элиты» часто совпадают с «чаянием народа»... Историки, политики отмечают, что нередко «застоявшееся» подростное поколение жаждет «повторить подвиги» предков, «наказать» реальных или вымышленных «обидчиков»...

²⁶⁶ Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. С. 357.

²⁶⁷ Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. С. 518.

Да, конечно, если есть государства-агрессоры, то будут и государства, защищающиеся от нападения, ведущие справедливые войны. Но история учит, что одно и то же государство нередко выступает то в одной, то в другой роли. Нападая в одних случаях, обороняются в других. «Святых» государств что-то немного в истории человечества. Надо ли говорить, что тысячи, миллионы, десятки миллионов людей гибнут как в захватнических, так и в освободительных войнах. А на идейных пацифистов косо смотрят, как на недостаточных патриотов. Еще и еще раз: насилие в умах и поступках людей, правителей, государств. И *в этом отношении* народ и власть едины...

Действительно, «в свете того, что жизнь среднего человека скучна, однообразна и лишена каких бы то ни было приключений, становится понятнее его готовность идти на войну... Война несет с собой серьезную переоценку всех ценностей. Она будоражит такие глубинные аспекты человеческой личности, как альтруизм, чувство солидарности... Классовые различия почти полностью и немедленно исчезают. На войне человек снова становится человеком, у него есть шанс отличиться...»²⁶⁸. Печальной иллюстрацией тому служат многие оставшиеся в живых участники Второй мировой войны в России. Для них время этой страшной бойни — лучшие годы жизни, по их собственному признанию...

Уже поэтому надежда второй половины XX столетия на то, что наличие ядерного оружия и трансконтинентальных ракет приведет к «концу мировых войн», ибо каждая из них станет угрозой существования человечества, — иллюзорна. Взбесившиеся власти и народы «за ценой не постоют»...

Другое дело, что за каждой войной стоят, как правило, отнюдь не психологические мотивы, а вполне «рациональные» факторы — экономические, политические, социальные. Прав Э. Фромм, когда утверждает: «Мировые войны нашего времени, так же как все малые и большие войны прошлых времен, были обусловлены не накопившейся энергией биологической агрессивности, а инструментальной агрессией политических и военных элитарных групп»²⁶⁹.

²⁶⁸ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. С. 186.

²⁶⁹ Фромм. Там же. С. 187.

Политическое насилие государства

История — это кошмар, от которого я стараюсь пробудиться.

Д. Джойс

Как говорится, «интересное кино»: государство по всем доктринам и законам призвано служить гражданам (подданным), обеспечивать их безопасность, содействовать процветанию, сплачивать классы, этносы, его составляющие и т.п. В реальности государство, власть, охраняя *свои собственные* интересы — будь-то монархия, военная хунта, тоталитарный вождь или «демократический» парламент — в большей или меньшей степени, более или менее жестоко преследует политических противников, недовольных, несогласных, диссидентов, «врагов народа», и несть им числа...

Жестокое подавление восстаний рабов (классический пример — восстание Спартака) и крестьянских восстаний, революций и мятежей — азбучные исторические примеры. Но это можно хотя бы понять: государство (власть, режим, правящая элита) защищают свое *status quo*. А чем объяснить гитлеровский Холокост и физическое уничтожение цыган, геев? Они-то чем провинились? Чем провинились немецкие евреи, давшие Германии врачей, ученых, да и свои капиталы? А чем объяснить уничтожение миллионов *своих* граждан сталинским режимом? Режимом Пол Пота? Создается впечатление, что государство готово уничтожать своих подданных или граждан, «а просто так, для интереса» (еще раз к вопросу об отличии социального насилия от инструментальной агрессии животных).

Действительно, «имеется нечто такое, что, в самом деле, возможно в середине XX в. уловить только с чувством некоего нравственного изумления; в этой своеобразной перверсии рационализма, в том, как Гитлер использовал свои грузовики не столько для того, чтобы воевать, сколько для уничтожения евреев, а Сталин обезглавил советскую армию накануне нападения Гитлера, в адской машине чисток 1930-х гг.,... во всем этом есть некая смесь магии, безумия, бюрократического и технократического рационализма и доведенной до предела иррациональности...»²⁷⁰.

²⁷⁰ Аснер П. Насилие и мир. От атомной бомбы до этнической чистки. СПб.: Всемирное слово, 1999. С. 227.

Политические репрессии, уничтожение инакомыслящих и инакодействующих, бесконечные бессмысленные запреты («сухие законы», запреты однополых браков, эвтаназии, табакокурения, аборт, «смешанных» браков, занятия проституцией, и несть им числа²⁷¹), вторжение в частную жизнь, регламентация одежды — все это направлено на защиту интересов правящего меньшинства путем как прямых репрессий, так и зарегламентированности жизни, демонстрации силы, массового изготовления подданных — «дисциплинарных индивидов» (М. Фуко).

У государства имеется и множество косвенных способов насилия *de facto*: необеспечение населения продовольствием (голод в одних странах «дефицит» в других); необеспечение населения надлежащей медицинской помощью; необеспечение населения образовательными услугами (в России еще в 20-е — 30-е годы минувшего столетия была массовая безграмотность); цензура, как способ лишения объективной политической информации, да и научной (запрещенные в СССР генетика, социология, кибернетика, криминология как «буржуазные лженауки»).

Тема «власть и физическое насилие» рассматривается Н. Луманом в одном из разделов его книги, посвященной власти²⁷². Вообще «власть устанавливает специфические отношения с *физическим насилием*»²⁷³. И хотя «властитель, прежде чем применять насилие, всегда должен заботиться о консенсусе»²⁷⁴, и «опираясь на физическое насилие, нельзя достичь всего, но насилие почти не нуждается ни в каких условиях для того, чтобы быть мотивированным»²⁷⁵. Что уж говорить о *психическом насилиии*, регулярно осуществляемом властью (государством) и, как правило, даже не замечаемом населением.

²⁷¹ Об антидемократическом, криминогенном характере запретов см., например: Гишинский Я. Запрет как фактор развития организованной преступности, теневого рынка и коррупции. В: Экономика и институты / ред. А. Заостровцев. СПб.: Леонтьевский центр, 2010.

²⁷² Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001.

²⁷³ Луман Н. (2001). С. 98.

²⁷⁴ Там же. С. 108.

²⁷⁵ Там же. С. 99.

Политическому насилию посвящены многочисленные труды. Помимо названных отошлем заинтересованного читателя к монографии А. Дмитриева и И. Залысина²⁷⁶.

Социальный контроль над преступностью

Надо избавиться от иллюзии,
будто уголовно-правовая система
является главным образом
средством борьбы с правонарушителями.

Мишель Фуко

Во все времена общество, государство старались минимизировать («ликвидировать», «преодолеть») нежелательные для общества виды поведения и их носителей. В каждом государстве в этих целях создается система социального контроля над преступностью и иными проявлениями девиантности (пьянство, наркотизм, проституция, коррупция и т.п.).

Социальный контроль представляет собой совокупность средств и методов воздействия общества на нежелательные формы девиантного поведения, включая преступления, с целью их элиминирования (устранения) или сокращения, минимизации.

Контроль над преступностью — один из видов социального контроля. Поскольку преступность издавна воспринималась как самая опасная форма девиаций («отклонений»), постольку и средства воздействия на лиц, признанных преступниками, применялись самые жесткие (жестокие), включая квалифицированные виды смертной казни — сожжение, четвертование, заливание раскаленного свинца в глотку, замуровывание заживо и т.п.²⁷⁷ С описание беспримерно жестокой казни Р.-Ф. Дамьена, ударившего ножом Людовика XV, начинается упомянутая книга М. Фуко «Надзирать и наказывать».

Контроль над преступностью включает: установление того, что именно в данном обществе государство, власть, режим расценивают

²⁷⁶ Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие. Социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000.

²⁷⁷ Краткий исторический экскурс см.: Дело о палачах на зарплате // «Коммерсантъ Деньги». №2 (910). 21.01.2013.

как преступление (*криминализация* деяний); установление *системы санкций* (наказаний) и конкретных санкций за определенный вид преступлений; формирование *институтов* социального контроля над преступностью (полиция, прокуратура, суды, органы исполнения наказания и т.п.); определение *порядка деятельности* учреждений и должностных лиц, представляющих институты контроля над преступностью; *деятельность* этих учреждений и должностных лиц по выявлению и регистрации совершенных преступлений, выявлению лиц, их совершивших, назначению наказаний в отношении таких лиц, исполнению назначенных наказаний; а также — в более поздние времена — деятельность многочисленных институтов, учреждений, должностных лиц, общественных организаций по *профилактике* (предупреждению) преступлений.

Остановимся лишь на одном из элементов социального контроля над преступностью — наказании. Хотя, и так называемая «профилактика» несет заряд насилия. Существует серьезная опасность вырождения профилактики в попрание элементарных прав человека, ибо превенция всегда есть *интервенция* в личную жизнь. Проводя связь между «инструментальной рациональностью» превенции и Аушвицем (Освенцимом), Н. Steinert заметил в 1991 г.: «Я вижу в идее превенции часть серьезнейшего заблуждения этого столетия»²⁷⁸.

Наказание в системе социального контроля над преступностью

Всякое наказание преступно.

Л. Толстой

Наказание виновного есть зло.

Ф. Дзержинский

Тяжесть предусматриваемых законом наказаний, так же как масштабы криминализации, существенно зависят от степени цивилизованности общества, менталитета населения, политического режима. Роль последнего особенно велика²⁷⁹.

²⁷⁸ Steinert H. The Idea of Prevention and the Critique of Instrumental Reason. In: Albrecht G., Ludwig-Mayerhofer W. (Eds.) *Version and Informal Social Control*. Berlin: Walter de Gruyter and Co., 1995, pp. 5-16.

²⁷⁹ Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

В наиболее общем виде политический режим означает *реальный механизм функционирования власти*, форму государственного правления (*Regierungsform*²⁸⁰), его *стиль*, проявляющийся в совокупности *методов и приемов* осуществления государственной власти.

В современной отечественной государственно-правовой литературе различаются два основных вида политического режима: демократический и тоталитарный. Нередко в качестве «промежуточного», переходного называется авторитарный режим. Фашистский режим рассматривается как разновидность тоталитарного²⁸¹. При всех многочисленных определениях тоталитаризма, его суть — *тотальный контроль государства (режима) над всеми проявлениями жизни общества, включая личную жизнь граждан*.

Однако все это не охватывает возможные разновидности режимов.

Важно, что *политический режим, независимо от формы организации власти (республика президентская или парламентская, монархия абсолютная или ограниченная), определяет, в конечном счете, политическую жизнь страны, реальные права и свободы граждан (или же их отсутствие), терпимость или нетерпимость к различного рода «отклонениям», включая преступность и реальную политику в отношении «девиантов» (преступников)*.

Именно *режим конструирует* различные виды девиантности, включая преступность²⁸², определяет санкции в отношении девиантов (преступников), формирует отношение к ним населения, обеспечивает исполнение наказания.

Одним из наиболее значимых показателей цивилизованности/нецивилизованности современного общества, демократичности/авторитарности (тоталитарности) политического режима служит сохранение *смертной казни* в системе наказаний или же отказ от нее. Сохранение смертной казни во многих штатах США и в Японии

²⁸⁰ Das neue Taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. В. 13. S. 90.

²⁸¹ «Прелести» тоталитарного режима хорошо известны, описаны и исследованы: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996; Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993; Аснер П. Указ. соч. С.192-234; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992; Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство. М.: Новости, 1991; и др.

²⁸² Конструирование девиантности / ред. Я. Гилинский. СПб.: ДЕАН, 2011; Gregoriou Ch. (Ed.) Constructing Crime. Discourse and Cultural Representation of Crime and «Deviance». Palgrave Macmillan, 2012.

(правда, чрезвычайно редко в ней применяемой) свидетельствует, с моей точки зрения, о недостаточной (неполной) их цивилизованности.

Другим важным элементом системы наказания, свидетельствующим о большей или меньшей цивилизованности общества и государства, является *лишение свободы*, точнее, его место в системе наказания, масштабы применения, предельные сроки, условия отбывания.

Ко второй половине XX в. становится ясно, что наказание и, прежде всего, лишение свободы не выполняет свою функцию сокращения преступности. В настоящее время в большинстве цивилизованных стран осознается «*кризис наказания*», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля²⁸³. Благодаря книгам известного норвежского криминолога Н. Кристи, изданным на русском языке, можно подробнее ознакомиться с этой проблемой²⁸⁴.

«Кризис наказания» проявляется, во-первых, в том, что после Второй мировой войны во всем мире наблюдался рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции. Во-вторых, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии (включая квалифицированные виды смертной казни — четвертование, заливание расплавленного свинца в глотку, замуровывание заживо, сожжение на костре и т.п.) без видимых результатов (неэффективность *общей* превенции). В-третьих, как показал в 1974 г. Т. Матисен, уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности *специальной* превенции²⁸⁵. В-четвертых, по мнению психологов, длительное (свыше 5-6 лет) нахождение в местах лишения свобо-

²⁸³ Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990; Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996; и др.

²⁸⁴ Кристи Н. Причиня боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб.: Алетейя, 2011; Он же. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГ'у западного образца. М., 2001; Он же. Приемлемое количество преступлений. СПб.: Алетейя, 2011.

²⁸⁵ Mathiesen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo-London, 1974.

ды приводит к необратимым изменениям психики человека²⁸⁶. Впрочем, о губительном (а отнюдь не «исправительном» и «перевоспитательном») влиянии лишения свободы на психику и нравственность заключенных известно давно. Об этом подробно писал еще М.Н. Гернет²⁸⁷. Никогда и никого не удавалось еще «исправить» тюремным заключением. Совсем наоборот. *Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления.*

Осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью и негативных последствий такого распространенного вида наказания как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений.

Во-первых, при полном отказе от смертной казни, как ведущей мировой тенденции последних десятилетий, лишение свободы становится «высшей мерой наказания», применять которую надлежит лишь в крайних случаях, в основном при совершении *насильственных* преступлений и только в отношении *взрослых* преступников. Так, в Германии доля приговоренных к реальному лишению свободы составляла лишь 10-15% от общего числа осужденных, тогда как штраф — 80-85%. В Японии к лишению свободы приговаривались лишь 4-5% осужденных, к штрафу же — свыше 90%.

Расширяется применение иных — альтернативных лишению свободы — мер наказания (ограничение свободы, в том числе, с применением электронного слежения; общественные, исправительные, принудительные работы и др.)²⁸⁸.

К сожалению, репрессивное сознание населения (особенно «среднего класса») даже развитых, цивилизованных стран привело к некоторому росту абсолютного и относительного (*уровень* в расчете на 100 тыс. жителей) числа заключенных в конце XX в. — начале XXI в. (см. табл. 6).

²⁸⁶ Пирожков В.Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 35. С. 40-50; Хохряков Г.Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; Он же. Парадоксы тюрьмы. М.: Юридическая литература, 1991.

²⁸⁷ Гернет М.Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. Юр. Издат Украины, 1930.

²⁸⁸ Стерн В. Альтернативы тюрьмам: Размышления и опыт. Лондон-М., 1996; Electronic Monitoring: The Trials and their Results. L., Home Office. 1990; Junger-Tas, J. Alternatives to Prison Sentences: Experiences and Developments. Amsterdam, NY, 1994.

Во-вторых, в странах Западной Европы, Австралии, Канаде, Японии преобладает *краткосрочное* лишение свободы, исчисляемое чаще всего неделями и месяцами. Во всяком случае — до 2-3 лет, т.е. до наступления необратимых изменений психики. Так, в Германии осуждались на срок до 6 месяцев 20% всех осужденных к лишению свободы, на срок от 6 до 12 месяцев — еще 25% (т.е. всего на срок до 1 года — около половины всех приговоренных к тюремному заключению). На срок от 1 до 2 лет были приговорены около 40% осужденных. Таким образом, в отношении 85% всех осужденных к лишению свободы срок наказания не превышал 2-х лет, на срок же свыше 5 лет были приговорены всего 1,2%. В Японии из общего числа приговоренных к лишению свободы на срок до 1 года — 17%, до 3 лет — 69%, а свыше 5 лет — 1,3%.

В-третьих, поскольку сохранность или же деградация личности существенно зависят от *условий* отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях, постольку в цивилизованных государствах поддерживается достойный уровень существования заключенных, устанавливается режим, не унижающий их человеческое достоинство, а также существует система *пробаций* (испытаний), позволяющая строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от его срока, поведения заключенного и т.п.²⁸⁹

Автору этих строк довелось посещать тюрьмы и другие пенитенциарные учреждения многих зарубежных стран Азии, Америки, Европы и, конечно же, бывшего СССР и России. В тюрьмах Западной Европы убеждаешься, что можно вполне сочетать надежность охраны (с помощью электронной техники, без автоматчиков и собак) и режимные требования с соблюдением прав человека, уважением его личности. В одной из посещенных мною тюрем г. Турку (Финляндия) заключенным... выдаются ключи от камеры, чтобы человек, уходя из нее, мог закрыть дверь в «свою комнату» и открыть, возвращаясь. По мнению начальника тюрьмы, это позволяет заключенным сохранять чувство собственного достоинства. В Хельсинки (Финляндия), Фрайбурге (Германия)

²⁸⁹ Champion D.J. Corrections in the United States. A Contemporary Perspective. Fourth Edition. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005; King R., McDermott R. The State of our Prisons. Oxford: Clarendon Press, 1995; Seiter R. Corrections: An Introduction. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005; От «страны тюрем» к обществу с ограниченным применением боли. Финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки, 2012.

заклученные проживают по одному — два человека в камере и днем свободно гуляют по коридору, заходят в гости друг к другу. При мне в тюрьме Хельсинки осужденные на кухне блока готовили торт ко дню рождения одного из заключенных. В камерах находятся телевизоры, компьютеры, прохладительные напитки. В Дублине (Ирландия) начальник тюрьмы долго не мог понять мой вопрос о количестве заключенных, содержащихся в одной камере. Наконец, он ответил: «Конечно, по одному человеку. Не могут же незнакомые люди проживать вместе». Замечу, это не страшное «одиночное заключение», поскольку заключенные свободно общаются между собой, а лишь обеспечение достойных условий отбывания наказания.

В-четвертых, все решительнее звучат предложения по формированию и развитию *альтернативной*, не уголовной юстиции для урегулирования отношений «преступник — жертва», по переходу от «возмездной юстиции» (*retributive justice*) к юстиции восстанавливающей (*restorative justice*)²⁹⁰. Суть этой стратегии состоит в том, чтобы с помощью доброжелательного и незаинтересованного посредника (некто в роде «третьейского судьи») урегулировать отношения между жертвой и преступником. В целом речь идет о переходе от стратегии «войны с преступностью» (*War on crime*) к стратегии «сокращения вреда» (*Harm reduction*)²⁹¹.

Вообще проблемы социального контроля над преступностью в связи с очевидным «кризисом наказания» выходят на первый план уголовной политики государств и становятся приоритетной темой криминологических исследований и дискуссий.

Российская уголовная политика

Очень тревожную тенденцию постперестроечного режима в области социального контроля над преступностью отражает Уголовный кодекс РФ (1997) и ряд федеральных законов. Уголовный кодекс провозглашает основной целью наказания «восстановление

²⁹⁰ Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998; Abolitionism in History: On another Way of Thinking. Warsaw, 1991; Consedine J. Restorative Justice: Healing the Effects of Crime. Ploughshares Publication, 1995.

²⁹¹ Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Published, Inc, 1996. P. 218.

социальной справедливости» (ст. 43 УК РФ). Это что — возврат к идее мести? Сохраняя смертную казнь (ст. 59 УК), несовместимую с цивилизованностью, УК вводит пожизненное лишение свободы (ст. 57 УК), которое могло бы быть отчасти оправданным только как альтернатива отмененной раз и навсегда смертной казни. Лишение свободы предусматривается до 20 лет, по совокупности преступлений — до 25 лет, а по совокупности приговоров — до 30 лет (ст. 56 УК). Ни пожизненного лишения свободы, ни 30-летнего срока не знало даже сталинское уголовное законодательство (оставляем в стороне массовые внесудебные расправы и иезуитские «десять лет лишения свободы без права переписки», что фактически означало смертную казнь). Законодатель отказался и от института отсрочки исполнения приговора (за исключением очень ограниченных случаев), который ранее широко применялся, особенно в отношении несовершеннолетних.

С моей точки зрения, в России отсутствует реалистическая, научно-обоснованная уголовная политика в виде обсужденной и принятой концепции, программы. Те документы, которые время от времени принимаются *ad hoc*, не могут обозначить целостную уголовную политику государства²⁹². Если же исходить не из провозглашаемых лозунгов, а из реальной законодательной и правоприменительной практики, то прослеживается приоритет традиционного «усиления борьбы» с преступностью. Бесперспективность и зло такого подхода для многих специалистов очевидны.

Тюрьма (лишение свободы) никого не исправляет; она служит школой повышения криминального мастерства, профессионализма; она калечит людей психически, а то и физически. Содержание пенитенциарной системы требует огромных финансовых затрат, ложась тяжким грузом на налогоплательщиков. *Лишение свободы — неэффективная мера наказания с многочисленными негативными побочными последствиями.* При этом тюрьма «незаменима» в том отношении, что человечество не придумало пока ничего иного для защиты общества от тяжких преступлений. «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто «не видит» чем ее заменить. Она — отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись»²⁹³.

²⁹² Имеющиеся правовые акты перечислены и прокомментированы в: Шестаков Д.А. Криминология: Краткий курс. СПб.: Лань, 2001. С. 175-181.

²⁹³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Указ. соч. С. 339.

Задачи, выдвигаемые российским законодателем перед уголовным законом, вполне приемлемы (п. 1 ст. 2 УК РФ). Осуществляться эти широко сформулированные задачи должны посредством (а) установления *перечня деяний*, признаваемых преступными и (б) установления *наказаний* за совершение этих деяний (п. 2 ст. 2 УК РФ).

И вот здесь начинаются проблемы.

Во-первых, какие деяния *столь* «общественно опасны», что должны быть криминализованы (возведены в статус преступления)? Насколько мне известно, четких критериев тому нет ни в отечественной, ни в мировой практике. Законодатель по собственному разумению (точнее, под давлением интересов власти, режима, учитывая исторический опыт, «требования народа», СМИ и т.п.) криминализирует те или иные деяния. И сразу же возникают вопросы *de lege lata*. Почему в России уголовным преступлением до последнего времени считалось «оскорбление» (ст. 130 УК)? Неужели это столь общественно опасное деяние, что заслуживает уголовного наказания и последующей судимости? А вот то, что криминализация оскорбления делало почти *всех* граждан России старше 16 лет, включая автора этих строк, уголовными преступниками — очевидно. Почему «уничтожение или повреждение имущества *по неосторожности*» (ст. 168 УК, выделено мною) признается преступлением? Административный проступок, гражданско-правовой деликт — да, но причем здесь уголовное право? А многие «преступления» главы 22 УК РФ (ст. 171, 171.1, 174.1, 176, 177, 180, 190, 193, 198, 199.1 и др.), которые не случайно оказались «мертвыми», не применяемыми на практике? Так, в России за 2005-2010 гг. были зарегистрированы «преступления», предусмотренные ст. 170 УК — от 1 до 11; ст. 184 УК — от 0 до 1; ст. 185 УК — от 0 до 6; ст. 185.1 УК — от 0 до 1; ст. 190 УК — 0 (за все шесть лет) и т.п.²⁹⁴

Во-вторых, еще проблематичнее вопрос о наказании, его целях и их реализации. Согласно п. 2 ст. 43 УК РФ целями наказания являются: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Что касается «восстановления социальной справедливости», то абстрактной «социальной справедливости» не существует. Справедливость с чьей точки зрения? Власти? Потерпевших? Обвиняемых? «Народа»? «Восстановление социальной справедливости»

²⁹⁴ Экстремизм и другие криминальные явления / под ред. А.И. Долговой. М.: РКА, 2008. С. 220-224; URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatic/>

ности» либо красивые слова, либо возвращение к принципу талиона: «око за око, зуб за зуб».

Если говорить об *исправлении* осужденного, то никогда еще не удавалось никого «исправить» путем наказания. Это хорошо известно педагогам, психологам, да и практическим работникам правоохранительных и уголовно-исполнительных органов. Только очень наивные люди надеются на «исправление» осужденного в тюрьме (колонии). *Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления.*

Известно, что под *предупреждением* совершения новых преступлений понимается как *частная* превенция (чтобы осужденный не совершал новых преступлений), так и *общая* («дабы другим неповадно было»). Большие сомнения вызывает успешность достижения обеих превентивных функций.

О неэффективности частной превенции, как отмечалось выше, свидетельствует относительно постоянная доля рецидивной преступности. Именно на этом основании Т. Матисен провозгласил «кризис наказания». И в России уровень рецидивной преступности относительно устойчив: за период 1987-2007 гг. — от 20,9% в 1994 г. до 29,1% в 2007 г. без выраженной тенденции.

Неэффективность общего предупреждения подтверждается динамикой преступности во всем мире (включая Россию): чем больше «предупреждаем» преступления путем наказания осужденных, тем больше совершается преступлений... Известно, в частности, что после отмены столь «эффективной» и желанной для многих граждан и коллег смертной казни, количество преступлений, за которые она могла быть назначена, сокращается или остается неизменным (Австрия, Аргентина, Великобритания и др.).

В результате то, на что, прежде всего, нацелено уголовное право (уголовный закон): *сокращение преступности* путем частной и общей превенции, а также достижение «социальной справедливости» — не срабатывает. *Цели и задачи уголовного законодательства в принципе не достижимы.* «Действующая в современных условиях система уголовного права... не способна реализовать декларируемые цели, что во многих странах откровенно определяется как кризис уголовной юстиции»²⁹⁵.

²⁹⁵ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: Проспект, 2009. С. 31.

Единственный реальный эффект — избежать совершения нового преступления тем лицом, которое находится в пенитенциарном учреждении. Но только пока оно там находится. Ибо из уголовно-исполнительных учреждений общество получает назад либо того, кто и без лишения свободы не совершил бы нового преступления, либо человека озлобленного, искалеченного психически, а то и физически, утратившего навыки свободной жизни и готового к новым преступлениям. «Лица, в отношении которых было осуществлено уголовно-правовое насилие — вполне законно или в результате незаконного решения, образуют слой населения с повышенной агрессивностью, отчужденный от общества»²⁹⁶.

В чьих интересах устанавливается уголовный закон?

Хотя власти всех стран утверждают, что уголовный закон охраняет интересы *всех* граждан, в действительности он в первую очередь служит интересам правящей верхушки и лишь во вторую — интересам населения. В еще большей степени это относится к *правоприменению*. *Селективность* полиции и уголовной юстиции во всем мире давно не является секретом.

Повторюсь: именно политический режим, независимо от формы организации власти, определяет, в конечном счете, политическую жизнь страны, реальные права и свободы граждан, терпимость или нетерпимость к различного рода «отклонениям», включая преступность и реальную политику в отношении «преступников». Именно *режим конструирует* различные виды девиантности, включая преступность, определяет санкции в отношении девиантов (преступников), формирует отношение к ним населения.

Иначе говоря:

- в большинстве современных государств власть, режим (через законодательный орган) решает, что именно *здесь и сейчас* следует считать преступлением²⁹⁷;
- власть, режим определяет задачи, которые должно решать уголовное право (уголовный закон);
- власть, режим «рекомендуют» законодателю структуру и объем деяний, подлежащих уголовному преследованию;

²⁹⁶ Жалинский А.Э. Указ. соч. С. 18.

²⁹⁷ О роли политического режима см.: Гилинский Я.И. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 39-65.

- власть, режим убеждают население — через СМИ, парламентские дебаты, выступления политиков — в целесообразности и полезности такого именно уголовного закона;
- власть, режим осуществляют через «правоохранительные» органы и уголовную юстицию «правильную» правоприменительную деятельность.

А как же «всеобщая» польза уголовного права? А также как равенство всех перед законом, гуманизм, справедливость и прочие красивые принципы российского (и не только) уголовного закона...

Пенитенциарная практика

Наказание отнюдь не сводится к лишению свободы. Но именно оно в наибольшей степени затрагивает (ограничивает) права и свободу осужденных. Именно оно, его продолжительность, условия отбывания составляет основу деятельности органов исполнения наказания. Поэтому далее мы ограничимся рассмотрением лишения свободы в системе наказания и деятельности органов исполнения наказания.

Одним из интегральных показателей жесткости уголовной юстиции служит уровень заключенных на 100 000 жителей. Сравнительные данные по ряду стран за несколько лет²⁹⁸ представлены в табл. 6.

Мы видим, во-первых, что во многих странах прослеживается тенденция к росту тюремного населения. К сожалению, это реакция на популистски раздуваемый все возрастающий страх населения, прежде всего «среднего класса», перед преступностью (*fear of crime*), «мафией». Во-вторых, Россия и США упорно сражаются за

²⁹⁸ Aebi M., Stadnic N. Council of Europe. Space I (Council of Europe Annual Penal Statistics) Survey 2005. Strasbourg, 2007, p. 19; Aroma K., Heiskanen M (Eds.) Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995-2004. Helsinki: HEUNI, 2008; Barclay G., Tavares C., Siddique A. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 1999 // Home Office Statistical Bulletin, 2001 May, Issue 6/01, p. 7; Barclay G., Tavares C. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001 // Home Office, 2003 October, Issue 12/03, p. 7; Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki: HEUNI, 2010; Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. NY: Oxford University Press, 1999. Pp. 318-319.

1-2 место в этом позорном списке²⁹⁹. Это вторая причина, наряду с сохранением смертной казни, по которой я не могу отнести США ко вполне цивилизованным странам. В-третьих, существенно различны показатели уровня заключенных по странам: от 50-70 в Дании, Норвегии, Финляндии, Японии до 600-700 в России и США. Близки к ним показатели Белоруссии (400-500).

Для оценки тяжести такого наказания, как лишение свободы, большое значение имеют *реальные условия* отбывания наказания. «Масштабы лишений, которым подвергает людей тюрьма, существенно разнятся. Одни заключенные живут в комнатах на одного с индивидуальным умывальником и туалетом, телевизором и персональным компьютером, возможно, проходя заочно университетский курс и раз в неделю встречаясь в приватной обстановке с супругами или партнерами. Другие живут в спартанских хижинах в лагере и трудятся на тюремных фабриках, внося свой вклад в экономику страны. Третьим просто нечего делать — только изо всех сил стараться выжить в грязном, лишенном необходимых санитарных условий тюремном бараке, не имея никакой другой пищи и лекарств, кроме тех, о которых могут позаботиться их семьи»³⁰⁰. По этому критерию существуют огромные различия между странами. Наиболее благополучное положение — в странах Западной Европы, существенно хуже — в США (автор был в тюрьме Нью-Йорка, следственном изоляторе г. Блумингтона и видел это своими глазами), самые неблагоприятные условия в пенитенциарных учреждениях ряда стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Африки.

Российская пенитенциарная система

О состоянии тюремных учреждений *царской* России мы можем получить достаточно полное представление из работ отечественных авторов (С. Гогель, А. Кистяковский, Д. Тальберг) и прежде всего — М. Гернета, а также из обширной мемуарной и художественной литературы.

²⁹⁹ Подробнее см.: Гилинский Я. Догоним и перегоним Америку? // Неволя. №13. 2007.

³⁰⁰ Стерн В. Грех против будущего: Тюремное заключение в мире. М.: Penal Reform International (PRI), 1998. С. 11-12.

Что касается *советского* периода российской истории, то длительное время единственным доступным источником информации о пенитенциарных учреждениях (под страхом оказаться там же) был «самиздат» авторов-«диссидентов», начиная с «Одного дня Ивана Денисовича» и «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына, а также «Колымских рассказов» В. Шаламова.

Официальная и научная информация появилась первоначально с грифом «ДСП» («Для служебного пользования») ³⁰¹, а затем в открытой печати в 70-80-е годы XX столетия. Ценные материалы представлены в результатах периодических специальных переписей осужденных, проводимых НИИ МВД совместно с органами, исполняющими наказание ³⁰².

Обширная литература, освещающая ситуацию в российских пенитенциарных учреждениях, издается Общественным Центром содействия реформе уголовного правосудия (руководитель — В. Абрамкин) ³⁰³.

Немало данных о российских «зонах» имеется в материалах «Международной Амнистии», «Международной тюремной реформы», «Международного Общества Прав Человека», Московской Хельсинкской Группы. С 2004 г. выходит альманах «Неволя», содержащий огромный фактический материал о состоянии российской пенитенциарной системы.

Общая динамика количества заключенных в пенитенциарных учреждениях СССР представлена в табл. 7.

³⁰¹ 11 выпусков ВНИИ МВД СССР (1972) на основе материалов специальной переписи осужденных 1970 г.; Михлин А.С. Роль социальных и демографических свойств личности осужденных. М.: ВНИИ МВД, 1970.

³⁰² Михлин А.С. Общая характеристика осужденных (по материалам специальной переписи 1989 г.). М.: ВНИИ МВД, 1991; Характеристика подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах: по материалам специальной переписи 1999 г. / ред. А.С. Михлин. М.: Юриспруденция, 2000. Т. 1; Характеристика осужденных к лишению свободы: по материалам специальной переписи 1999г. / ред. А.С. Михлин. М.: Юриспруденция, 2001. Т. 2.

³⁰³ Абрамкин В.Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996; Тюремный мир глазами политзаключенных / ред. В. Абрамкин М., 1993; Письма из зоны – 87 / ред. В. Абрамкин. М., 1993; Тюрьма – не женское дело. М., 2000; Дети в тюрьме / ред. В. Абрамкин. М., 2001; Осторожно, тюрьма... М., 2006 и др.

Таблица 6

**Уровень заключенных (на 100 000 населения)
в некоторых странах**

	1990	1992	1994	1999	2000	2001	2005	2007
Австралия	83	88	94	108	113	116	-	130
Австрия	90	95	92	85	84	87	107	-
Англия с Уэльсом	88	89	95	125	124	129	143	-
Бельгия	59	71	74	80	83	83	90	-
Болгария	125	-	110	-	-	116	158	-
Венгрия	119	154	124	161	157	171	162	-
Германия	-	-	-	97	97	85	96	-
Дания	62	64	67	66	61	58	76	67
Испания	-	-	-	111	114	116	142	-
Италия	45	84	89	89	94	96	102	77
Канада	111	113	118	123	123	101	-	-
Колумбия	99	82	85	-	-	-	-	128
Латвия	320	-	375	-	-	370	313	287
Литва	230	-	360	-	257	273	233	239
Мексика	108	96	93	-	-	-	-	-
Нидерланды	46	49	57	84	87	94	134	-
Норвегия	-	-	-	56	56	58	67	73
Польша	120	-	160	142	170	207	216	230
Россия	470	520	580	729	729	673	577	613
США	465	519	554	682	685	689	-	762
Финляндия	68	69	62	46	56	60	73	67
Франция	-	-	-	91	80	77	92	-
Чехия	80	-	190	224	208	188	186	182
Швеция	61	63	70	111	64	69	78	74
Эстония	220	-	270	303	325	351	327	322
ЮАР	-	-	-	327	385	411	-	348
Япония	38	36	37	43	47	50	-	65

**Динамика численности заключенных в СССР
(1936-1991 гг.)**

Год	Общее число заключенных	На 100 тыс. населения
1936	1 296 494	780,3
1937	1 196 369	713,4
1938	1 881 570	1111,4
1939	2 024 946	1187,2
1940	1 846 270	951,3
1941	2 400 422	1500,3
1942	2 045 575	1278,5
1943	1 721 716	1076,1
1944	1 331 115	831,9
1945	1 736 187	847,3
1946	1 355 739	795,6
1947	1 996 641	1166,3
1948	2 449 626	1416,0
1949	2 587 732	1476,5
1950	2 760 095	1545,9
1951	2 705 439	1489,7
1952	2 683 193	1452,1
1953	2 650 747	1409,9
1954	1 482 297	776,0
1955	1 190 811	612,5
1956	945 098	477,5
1957	966 260	479,7
1958	863 848	421,6
1959	1 045 841	500,9
1960	658 622	310,2
1961	686 239	317,5
1962	983 132	447,2
1963	1 052 806	471,7
1964	996 534	440,2
1965	869 945	379,4
1966	861 898	371,8
1967	1 066 341	454,9
1968	1 011 725	427,5

Год	Общее число заключенных	На 100 тыс. населения
1969	1 015 719	421,1
1970	1 146 882	474,5
1971	1 151 007	471,9
1972	1 169 878	475,0
1973	1 211 511	487,3
1974	1 241 952	495,0
1975	1 266 366	500,0
1976	1 253 231	490,3
1977	1 330 035	515,9
1978	1 247 378	479,7
1979	1 346 658	513,1
1980	1 467 885	555,0
1981	1 539 128	577,3
1982	1 678 623	622,4
1983	1 855 498	685,0
1984	1 969 364	720,1
1985	2 061 026	746,9
1986	2 356 988	846,5
1987	2 234 988	794,3
1988	1 815 957	639,0
1989	1 390 961	485,0
1990	1 258 722	437,6
1991	1 254 247	433,8

Отчетливо видны максимумы 1938-1942 гг. и 1948-1953 гг. («благодарность» Сталина советскому народу за его победу), минимумы 1960-1966 гг. и 1990-1991 гг. (отчасти совпадающие с хрущевской «оттепелью» и горбачевской «перестройкой», т.е. периодами либерализации в стране).

Динамика количества и уровня заключенных в современной России представлены в табл. 8 (данные получены из различных источников и усреднены).

**Динамика численности заключенных в России
(1989-2012)**

Год	Количество заключенных (в тысячах)	Уровень (на 100 тыс. населения)
1989	698,9	400
1990	714,7	500
1991	770,0	459
1992	750,3	520
1993	804,8	563
1994	902,7	580
1995	964,6	655
1996	1017	686
1997	1009,8	700
1998	1010	720
1999	1014	729
2000	1060	729
2001	960,4	673
2002	965	675
2003	847,0	592
2004	763,1	577
2005	823,4	578
2006	871,7	609
2007	883,2	613
2008	891,7	623
2009	875,8	617
2010	819,2	577
2011	806,1	564
2012 (июнь)	726,9	508

Таким образом, тенденция сокращения контингента заключенных в 1998-2004 гг. сменилась ростом этого показателя в 2005-2008 гг. с последующим сокращением.

На 1 июня 2012 г. в пенитенциарных учреждениях России всех типов содержались 726,9 тыс. человек или около 508 на 100000 населения. Кроме того, в ведомстве Министерства обороны находятся дисциплинарные батальоны, в которых отбывают наказание военнослужащие,

осужденные за совершение преступлений, а под эгидой Министерства здравоохранения — специальные психиатрические больницы (СПБ) для осужденных, признанных психически больными.

*Условия нахождения в следственных изоляторах
и отбывания наказания в виде лишения свободы*

Реальная строгость уголовного наказания в виде лишения свободы зависит не только от срока наказания, но и от условий его отбывания. В этом отношении система колоний — основных пенитенциарных учреждений России — существенно хуже, нежели тюремное заключение в странах Западной Европы. Это относится к питанию, медицинскому обслуживанию, санитарно-гигиеническим условиям, и к самому факту проживания сотен людей в одном бараке.

Особенно остро стоит проблема ненадлежащих условий содержания в СИЗО подследственных — людей не признанных еще виновными. Гибель в СИЗО Сергея Магнитского, Веры Трифионовой и многих других, безвестных заключенных — преступление руководства пенитенциарных учреждений и системы ФСИН.

Вот что говорится, в частности, в письме Председателя Постоянной палаты по правам человека В.В. Борщева Председателю Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека М.А. Федотову: «Смерть в СИЗО Сергея Магнитского обострила одну из важнейших проблем сегодняшней пенитенциарной системы: непропорциональное, зачастую просто незаконное влияние следствия на условия содержания подследственного в СИЗО... Влияние следствия на условия содержания подследственного и оказание медицинской помощи имело трагические последствия и в деле Веры Трифионовой... Увы, смерть в СИЗО г. Москвы С. Магнитского и В. Трифионова не заставила сделать необходимые выводы руководство и врачей «Матросской тишины». И если в «Бутырке» все камеры, где сидел Магнитский были признаны непригодными для содержания подследственных и ремонтируются сейчас. Как впрочем, и другие камеры — сборное отделение, многоместные камеры... И новый начальник «Бутырки» С.М. Телятников действительно реагирует на острые ситуации... В «Матросской тишине» прежде всего в её больнице отношение к тяжело больным, умирающим не изменилось...»³⁰⁴.

³⁰⁴ Письмо М.А. Федотову от Борщева В.В. // URL: http://www.president-sovet.ru/structure/group_8/materials/letter_from_borscheva/index.php (дата обращения: 12.08.2012).

Лишение свободы — само по себе тяжкое наказание и усугублять его неудобоваримым питанием, неэффективной медицинской помощью, нередко прямыми издевательствами над заключенными абсолютно недопустимо в цивилизованном государстве. В тюрьмах европейских государств меня нередко угощали из *общего для осужденных и персонала (!)* котла. Это была вполне достойная пища. В Германии заключенным выдают меню на неделю вперед. И если салат из огурцов, например, заменяется на салат из редиса или помидор, — вносятся соответствующие изменения в меню. В Ирландии при мне провезли полдник для заключенных. Он включал кашу, хлеб, два яйца, апельсин и что-то молочное.

В России сложившаяся со сталинских времен система *лагерей* для бесплатной рабочей силы переросла в современную систему *колоний*. И та, и другая не могут обеспечить нормальных условий содержания лиц, осужденных за преступления. Поэтому, с моей точки зрения, планируемый отказ от колоний и переход на тюремное содержание является положительным. Если, конечно, в тюрьмах будут соблюдены требования, соответствующие мировым и, прежде всего, европейским стандартам.

Не следует забывать:

- Чем больше и на больший срок мы отправляем соотечественников в пенитенциарные учреждения, тем больше получим их «на выходе» — обзленных, с искаленной психикой, вооруженных криминальной профессией. И, соответственно, «все опять повторится сначала», но на более опасном уровне.
- Чем больше людей проходит через «зону», тем сильнее и масштабнее «*призонизация*» («отюрьмовление») сознания и поведения сограждан. Общество впитывает криминальную, тюремную субкультуру, когда она достаточно обширна. Отсюда, кстати, всенародная любовь к «блатным» песням. Отсюда же — жизнь «по понятиям» в быту, бизнесе, политике.
- Миллионы искалеченных «зоной» судеб виновников в краже велосипеда, банки огурцов, дюжины бутылок пива (это все реальные факты нашего «правосудия»), а также их родителей, супругов, детей. Не говоря уже о предпринимателях, оказавшихся за решеткой по воле конкурентов в содружестве (не бескорыстном) с сотрудниками «правоохранительных» органов.

- Чем более жестоки условия содержания заключенных, тем выше их злоба и ненависть, которые проявятся при выходе на свободу.

Может быть, пора перейти от *провозглашаемых* принципов справедливости и гуманизма (ст. 6, 7 УК РФ) к реальному практицизму и целесообразности: во избежание *вредных для общества* последствий «сажать» надо минимально, в исключительных случаях, за действительно тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления. Лишение свободы — исключительная мера наказания в цивилизованном мире.

А условия отбывания этого наказания должно максимально гарантировать честь, достоинство, здоровье осужденных, по возможности *воспитывать* их, а не унижать (тоже ведь упомянуто в ст. 7 УК), морить голодом, издеваться над ними.

К сожалению, я не вижу пока реальных шагов по гуманизации наказания.

Пытки, как насилие государства и его представителей

Пытки практиковались во все времена и во всех государствах³⁰⁵. И если в современных европейских странах они представляют собой редчайшее исключение, то во многих государствах с авторитарным режимом, включая Россию, они достаточно широко распространены.

В современной России, во-первых, сами условия нахождения в СИЗО, а то и в исправительных колониях, нередко носят пыточный характер (о чем говорил начальник ГУИН МВД РФ, а затем ГУИН МЮ и ФСИН генерал Ю. Калинин: «Условия в наших следственных изоляторах по международным нормам можно квалифицировать как пытки. Это лишение сна, воздуха, пространства»). В летнее жаркое время в петербургских «Крестах», московской «Матросской тишине», ряде других СИЗО ежегодно были случаи смерти от тепловых ударов. Объективности ради следует заметить, что в связи с сокращением за последние годы контингента подследственных и осужденных, эта ситуация несколько улучшилась.

³⁰⁵ См., например: Дело о палачах на зарплате // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2101012> (дата посещения 21.01.2013).

Во-вторых, в пенитенциарных учреждениях имеют место пытки для получения «признательных показаний» от подследственных в СИЗО, и для наказания «злостных нарушителей режима» в исправительных колониях. В СИЗО существуют так называемые «пресс-хаты» — камеры, в которые помещают подследственных, не признающих свою вину, и где роль палачей выполняют другие заключенные, разумеется, за определенные льготы³⁰⁶. Страшную известность приобрели «Белые Лебеди» — пыточные колонии, куда направляются «злостные нарушители режима» из других ИК. Факты пыток многократно зафиксированы в прорвавшихся на волю жалобах заключенных, представителями отечественных и международных правозащитных организаций. Некоторые виды пыток распространены в различных регионах России и подробно описаны в прессе («слоник» — применение противогаза с прерыванием дыхания, «ласточка» — растяжка на веревках, «распятие Христа» — название говорит за себя, «конвертик» — пытаемого складывают как конверт для отправки). За последние годы к «традиционным» российским пыткам добавились новые, применение которых началось в Чечне и распространилось по стране, включая последние события в полицейском участке Казани.

В результате нашего эмпирического исследования применения пыток в пяти регионах России (Санкт-Петербург, Псковская, Нижегородская, Читинская области и Коми Республика) в 2004-2005 гг. было установлено, что если среди населения этих регионов подвергались пыткам со стороны сотрудников правоохранительных органов в течение года 3,4-4,6% жителей, то среди осужденных к лишению свободы еще до приговора суда пыткам подвергались 40-60% обвиняемых³⁰⁷.

В результате необоснованного, а часто и незаконного усиления режима, 2006-2008 гг. ознаменовались значительным ростом числа массовых волнений и бунтов в ИК и тюрьмах страны³⁰⁸.

³⁰⁶ См., например, о пыточной камере №721 Петербургского СИЗО в: Распятие в «Крестах»-2 // Час Пик, 1998, 4 марта.

³⁰⁷ Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород, 2007; Гишинский Я.И. Социология о пытках в современной России // Неволя. 2006. №10. С. 19-28.

³⁰⁸ Подробнее см.: Неволя. 2007. №13. С. 61-73; Неволя. 2007. №14.

Насилие медицинское

Существуют три вида «белой смерти»: соль, сахар и - люди в белых халатах...
Народная мудрость

Конечно, не имеются в виду мучительные процедуры, хирургические операции, ампутации и прочие *неизбежные* в процессе лечения медицинские меры.

Медицинское насилие можно свести к двум основным типам. Во-первых, это *излишние* мучительные процедуры и методы лечения, вызванные недобросовестностью медицинского персонала; «врачебными ошибками»; сбором «материала» для собственной диссертации; естественным (!) желанием некоторых врачей заработать на не необходимых процедурах, дорогостоящих операциях вместо консервативного лечения и т.п. (Автору лет тридцать тому назад врач-профессор предписал *немедленную* операцию по удалению почки. Я, будучи готов к неизбежному, на всякий случай посоветовался с другим врачом. По его рекомендации отказался от операции, и до сих пор живу с двумя почками...). К этому варианту относится и следующий случай: «Наша основная проблема — это отрицание нашим государством наличия детей-спинальников в государстве вообще. То есть они появляются в 18 (при настойчивости родителей — в 16) лет... До этого возраста таких детей лечить просто негде — в России нет ни одного специализированного отделения, реабилитационного центра, отделения в санатории, где наших детей готовы лечить и реабилитировать. Грамотность врачей в этой ситуации просто поражает — они повально считают детей-спинальников «овощами», способными только «лежать и гадить»»³⁰⁹.

Во-вторых, это «карательная медицина» («карательная психиатрия»), распространенная в тоталитарных государствах (СССР, гитлеровская Германия, Китай, современная Белоруссия и т.п.), как репрессивное средство против политических противников или «неблагонадежных»³¹⁰. «Злоупотребление психиатрией — есть умышленное причинение морального, физического или иного ущерба лицу путем применения к нему медицинских мер, не явля-

³⁰⁹ URL: <http://sovet-roditeley.ru/news/2012-09-15-216> (дата обращения: 27.01.2013).

³¹⁰ Подрабинек А.П. Карательная медицина. Нью-Йорк: Хроника, 1979.

ющихся показанными и необходимыми, либо путем неприменения медицинских мер, являющихся показанными и необходимыми, исходя из состояния его психического здоровья»³¹¹.

Карательная психиатрия, во-первых, представляет собой вариант тюремного заключения, когда по каким-либо политическим соображениям «легче» заточить в специальную психиатрическую больницу (как это было, например, с «диссидентом» генералом П.Г. Григоренко, признанным Военной коллегией Верховного Суда СССР на основании судебно-психиатрической «экспертизы» в 1964 г. «невменяемым» и помещенным в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу), нежели осудить к лишению свободы. Во-вторых, карательный (репрессивный) характер заключается дополнительно в возможности применения в «лечебных целях» электрошока, инсулинового шока, психотропных препаратов...

Насилие воспитательное и образовательное

Вспомним «экзаменационное насилие» М. Фуко. Но, конечно же, насилие в сфере образования не ограничивается экзаменационным (например, как я отбираю у готовящихся к ответу студентов шпаргалки, мобильные телефоны, планшетники, гоняю по всему курсу, ставлю двойки. Страшное насилие!). Более того, воспитательно-образовательное насилие преследует человека со дня рождения и продолжается всю жизнь. Разве не есть насилие над ребенком заставлять его есть, принимать лекарства, пеленать (старая российская традиция, кажется, уходящая в прошлое), обучать словам. И разве не насилие над людьми, вбивать им в голову то, что говорят, показывают, пишут, кричат СМИ.

Повседневное оболванивание подданных и граждан речами «вождей» и прочих политических деятелей, государственными или приближенными государству СМИ — многовековая практика. Равно как государством рекомендуемая или обязательная система образования и воспитания — от детских дошкольных учреждений до университетов. Мои ровесники — воспитанники советской школы и советских вузов вполне испытали это на себе, и далеко не все избавились от вредоносного дурмана, пропагандируемого «партией и правительством»...

³¹¹ Психиатрия. Национальное руководство / под ред. Дмитриевой Т.Б., Краснова В.Н., Незнанова Н.Г., Семке В.Я., Тиганова А.С. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. С. 70.

Глава 10.

Аутоагрессия:

Самоубийство как социальный феномен

Есть лишь одна по-настоящему
серьезная философская проблема —
проблема самоубийства.

А. Камю

Для представителей рода *Homo Sapiens*, тысячелетия занимающихся насилием над себе подобными, массово уничтожающих себе подобных, уникально и еще одно явление — самоубийство как аутоагрессия. А *доведение до самоубийства* — не есть ли вариант психического насилия, приведшего к физическому самонасилию? А эвтаназия? Не есть ли это легальное (в тех странах, где она легализована) насилие?

Кажется, нет ничего проще, чем понять, что такое самоубийство, когда говорят: «он покончил жизнь самоубийством» или «она покушалась на свою жизнь». Как пишет один из крупнейших современных исследователей самоубийства Edwin Shneidman, «операционально самоубийство определяется так: мертвый человек — дырка в голове — пистолет в руке — записка на столе»³¹².

Наши реакции на ставшие известными случаи добровольного ухода из жизни также довольно просты: сожаление о погибшем человеке и «диагноз» — «слабовольным был», «с психикой не в порядке», «допился», «жена довела», «жизнь довела».

Между тем, суицидальное поведение — один из сложнейших социальных феноменов, требующий серьезного отношения и изучения.

³¹² Schneidman E. Definition of Suicide. Jason Aronson Inc., 1994. P. 7.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), ежегодно в наступившем веке добровольно уходят из жизни порядка 1100000 человек. А если учитывать реальное количество (с учетом «замаскированных» под несчастные случаи, ДТП, «пропавших без вести» и др.), то число самоубийств возрастает до 4 млн. человек в год. Число же покушавшихся на свою жизнь — в 10-20 раз больше. Только в России по официальным данным за десять лет с 1994 г. по 2003 г. покончили жизнь самоубийством свыше 558 тыс. человек, или в среднем свыше 55 тысяч человек в год.

Количество и уровень (в расчете на сто тысяч человек населения) самоубийств, как следствие социального неблагополучия, служит одним из важнейших индикаторов социального, экономического, политического, нравственного состояния общества. Не случайно в бывшем СССР тема самоубийства в течение многих десятилетий находилась под строжайшим запретом. Ибо, как заметил еще в середине XIX столетия Г. Бокль: «Самоубийство есть продукт известного состояния всего общества»³¹³. Руководство СССР, осознанно или интуитивно понимая это, тщательно скрывало ситуацию с самоубийствами в стране.

Самоубийство, суицид (лат. *sui* — себя, *caedere* — убивать) — *умышленное (намеренное) лишение себя жизни*. Это лишь одно из возможных и наиболее простых определений сложного социального феномена.

Не считается самоубийством лишение себя жизни лицом, не осознающим смысл своих действий или их последствий (невменяемые лица, дети в возрасте до пяти лет). В этом случае фиксируется смерть от несчастного случая.

Суицидальное поведение включает завершённое самоубийство, суицидальные попытки (покушения) и намерения (идеи). Эти формы обычно рассматриваются как стадии или же проявления одного феномена.

В самом широком смысле, самоубийство — вид саморазрушительного, аутодеструктивного поведения (наряду с пьянством, курением, потреблением наркотиков, а также перееданием).

Под словом «самоубийство» в русском языке понимаются два разнопорядковых явления: во-первых, *индивидуальный* поведенческий акт, лишение себя жизни конкретным человеком; во-вторых,

³¹³ Бокль. История цивилизации в Англии. СПб., 1886. Т. 1. Ч. 1. С. 30.

относительно массовое, статистически устойчивое *социальное явление*, заключающееся в том, что некоторое количество людей добровольно уходит из жизни. В некоторых языках, включая английский, немецкий, русский, отсутствует дифференциация этих понятий. Поэтому лишь из контекста бывает ясно, идет ли речь о поступке человека, или же о социальном феномене.

Самоубийство — весьма сложный, многоуровневый (философский, социальный, психологический, нравственный, юридический, религиозный, культурный, медицинский) междисциплинарный феномен³¹⁴.

Лишение себя жизни психически здоровым человеком (а таких, вопреки довольно распространенному мнению, — большинство), в конечном счете, есть следствие отсутствия или утраты смысла жизни, результат «экзистенциального вакуума»³¹⁵. А ведь смысл жизни — *философская*, мировоззренческая проблема. Не удивительно, что тема самоубийства звучала в работах большинства известных философов. Но особое место самоубийство заняло в творчестве экзистенциалистов — С. Кьеркегора, А. Камю, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, К. Ясперса. Последний, будучи врачом по профессии, заметил: «Больной человек идет к врачу, здоровый — кончает самоубийством». Этот парадоксальный вывод был направлен против сторонников объяснения суицидального поведения исключительно психическими заболеваниями. А Камю писал: «вопрос о смысле жизни я считаю самым неотложным из всех вопросов», а потому «есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии»³¹⁶.

Мотивация суицидальных актов, их ближайшая непосредственная причина — это проблемы, прежде всего, *психологические* и *социально-психологические*. Генезис же самоубийства как соци-

³¹⁴ Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 323-376; Гилинский Я.И., Юнацкевич П.И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: Учеб. пособие. СПб., 1999.

³¹⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 26-33.

³¹⁶ Камю А. Миф о Сизифе. В: Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 24-25.

ального явления, подчиняющегося определенным закономерностям, — предмет *социологии*.

Самоубийства в разных обществах и в различное время приобретали различную *религиозную, нравственную и правовую* оценку: от безусловного религиозного (у католиков, мусульман) и правового запрета (в дореволюционной России была предусмотрена уголовная ответственность за покушение на самоубийство) до ритуальных, социально одобряемых или же обязательных самоубийств (сати индийских вдов, японское сэппуку — харакири и т.п.).

Суицидальное поведение является неотъемлемой составляющей *культуры* как способа существования общественного человека. Культура аккумулирует все социально значимые формы человеческой жизнедеятельности. При этом каждая культура «оформляет» («конструирует») виды деятельности, включенные в нее. Так, можно говорить о суициде в буддистской, индуистской, исламской, древнегреческой, древнеримской, христианской, западноевропейской, североамериканской и иных культурах³¹⁷.

Самоубийства служат вечной темой в *искусстве*. Достаточно вспомнить «Новую Элоизу» Ж.-Ж. Руссо, «Страдания молодого Вертера» И. Гете, «Бедную Лизу» Н. Карамзина или же «Отель «Танатос»» А. Моруа. Суицидальное поведение может явиться следствием соматических (прежде всего, онкологических) и психических заболеваний, становясь предметом *медицины, психиатрии*³¹⁸.

Для социологии и истории *творчества* небезразличен анализ относительной распространенности суицидального поведения среди творческих личностей — писателей, поэтов, ученых, художников. Не удивительно, что и суицидологическая литература уделяет немало внимания анализу суицидального поведения творцов³¹⁹.

Однако воспроизводство относительно постоянного, статистически устойчивого для каждого конкретного общества числа добровольных смертей, динамика количества и уровня самоубийств в зависимости от экономических, политических, социальных изме-

³¹⁷ Retterstol N. Suicide: A European Perspective. Cambridge University Press, 1993. P. 10-21; Полотовская И.Л. Смерть и самоубийство: Россия и мир. СПб.: ДБ, 2010.

³¹⁸ Юрьева Л.Н. Клиническая суицидология. Днепропетровск: Пороги, 2006.

³¹⁹ Cutter F. Art and the Wish to Die. Chicago: Nelson-Hall, 1983; Lester D. Suicide in Creative Women. Nova Science Publishers, Inc., 1993; Лаврин А. Хроника Харона: Энциклопедия смерти. М.: Московский рабочий, 1993; Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

нений, неравномерное распределение суицидального поведения среди различных социально-демографических групп населения свидетельствуют о *социальной* природе этого феномена. В мире животных суицидальное поведение либо не наблюдается вовсе, либо ограничивается редкими нетипичными актами, носящими не осознанный, а инстинктивный характер (и поэтому не являющееся собственно самоубийствами). Не случайно Ж.-П.Сартр усматривал *отличие человека от животного в том, что человек может покончить жизнь самоубийством.*

Э. Дюркгейм в классическом труде «Самоубийство: Социологический этюд» утверждал, что самоубийства зависят от внешних по отношению к индивиду причин, которые следует искать внутри общества, а число самоубийств можно объяснить только социологически³²⁰. А Питирим Сорокин в 1913 г., на основании проведенного исследования, утверждает: «Причины или факторы самоубийства следует искать в социальной или общественной жизни людей»³²¹.

Отметим ряд закономерностей, свидетельствующих о социальной природе суицидального поведения, следствия закономерностей и противоречий общественного развития.

Количество и уровень (обычно в расчете на 100 тысяч человек населения) самоубийств, как показал еще Э. Дюркгейм, находятся в обратной корреляционной зависимости от степени интеграции, сплоченности общества. Поэтому, по Дюркгейму, уровень самоубийств в католических странах ниже, чем в протестантских. И в наши дни наблюдается более низкий уровень самоубийств в католических странах (Италия, 2002 — 7,1; Испания, 2004 — 8,2), чем в протестантских (Австрия, 2005 — 16,9; Дания, 2003 — 13,6; Финляндия, 2004 — 20,3; Франция, 2003 — 18,0; Чехия, 2004 — 15,5; Швейцария, 2004 — 17,4; Швеция, 2002 — 13,2 и др.)³²². Исключение составили католические Польша, где в 2004 г. уровень самоубийств достиг 15,9, а также Литва. Что это — приоритет социально-политических факторов по сравнению с религиозными?

³²⁰ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. С. 287, 313 и др.

³²¹ Сорокин П.А. Самоубийство, как общественное явление. Рига: Наука и жизнь, 1913. С. 29.

³²² Статистика самоубийств по странам // URL: <http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/countries.htm> (дата обращения 30.12.2012).

По той же причине, во время войн снижается уровень самоубийств (сплочение общества перед лицом общей опасности). Об этом свидетельствует динамика суицида во время войн, включая первую³²³ и вторую мировую³²⁴.

Уровень самоубийств повышается в годы экономических кризисов, депрессий и роста безработицы. Так, на протяжении почти всего XX столетия, уровень самоубийств в США был весьма стабилен: 10-12 на 100 тыс. человек населения. И лишь в годы «Великой Депрессии» этот уровень увеличился до 17,5 (1932 г.).

Как все виды социальных девиаций, самоубийства чутко реагируют на степень социальной и экономической дифференциации населения и темпы ее изменения. Чем выше степень дифференциации, тем выше показатели суицидального поведения. Особенно «самоубийственно» резкое снижение социального статуса («комплекс Короля Лира»). Поэтому относительно высок уровень самоубийств в первые месяцы у солдат срочной службы, среди демобилизованных офицеров, у лиц, взятых под стражу.

Будучи, в конечном счете, следствием отсутствия или утраты смысла жизни («экзистенциальный вакуум») самоубийства растут в годы идеологических кризисов, «смены вех». Как писал Ф.М. Достоевский, «потеря высшего смысла жизни... несомненно ведет за собою самоубийство»³²⁵.

На уровень самоубийств влияет культурологический фактор: насколько данная культура предлагает, подсказывает суицидальную модель возможного «решения» кризисной ситуации. Может быть поэтому традиционно высок уровень самоубийств среди жителей стран угро-финской группы (Венгрия, 2003 — 27,7; Финляндия, 2004 — 23,0; Эстония, 2005 — 20,3; Удмуртия, 1986 — 41,1), а уровень самоубийств у черного населения США значительно ниже, чем у белого, хотя социально-экономические различия заставляют предположить обратное³²⁶. Как известно, нет правил без исключения. В современной Литве — стране с преобладанием католического населения (литовцы и поляки) оказался один

³²³ Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974.

³²⁴ Podgorecki A. Patologia zycia spolecznego. Warszawa, 1969.

³²⁵ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год. В: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л., 1982. Т. 24. С. 49.

³²⁶ Akers R. Deviant Behavior: A Social Learning Approach. Belmont, California: Wadsworth, Inc., 1985. p. 279.

из самых высоких в мире уровень самоубийств (в 2005 г. — 38,6 на 100 тыс. человек населения, в 2007 г. — 42). Это обстоятельство уже получило наименование «литовского парадокса»³²⁷.

В некоторых культурах сложился ритуал добровольного ухода из жизни: японское сэппуку (в западном варианте и для японцев — с элементами иронии — харакири), сати индийских вдов и т.д. Наконец, устойчиво одинаковое распределение самоубийств среди различных социально-демографических групп населения также свидетельствует о социальной природе самоубийств³²⁸.

Конечно, сказанное не исключает роли других факторов. Так, на уровне индивидуального поведения несомненно значение *психологических* характеристик индивида. Афористическое высказывание В. Леви: «Социум выбирает из психогенофонда»³²⁹ — удачно демонстрирует связь между этими двумя уровнями. Действительно, *социальные условия*, преломляясь через индивидуальные, личностные, психологические *особенности* конкретного человека, реализуются в виде суицида, или убийства, или невроза, или иной реакции.

При прочих равных условиях, уровень и динамика суицидального поведения может зависеть и от космических факторов (солнечная активность, геомагнитные бури и т.п.)³³⁰

Ниже будет предпринят краткий анализ динамики самоубийств в России (на основе данных официальной статистики, которая — напомним — отражает не все фактические случаи). Динамика уровня завершенных самоубийств в бывшем СССР (табл. 9) очень наглядно демонстрирует зависимость от социально-политических условий: первый минимум в годы хрущевской «оттепели» (17,1 в 1965 г.); нарастание в годы «застоя» до максимума 29,7 в 1984 г.; сокращение до 18-19 в годы горбачевской «перестройки» с последующим ростом до 21,1 к концу существования Союза (1990 г.).

³²⁷ Värnik A., Sisask M., Värnik P. (Eds.) Baltic Suicide Paradox. Tallinn: TLV Press, 2010.

³²⁸ Богоявленский Д.Д. Российские самоубийства и российские реформы // Социологические исследования. 2002. №5; Гернет М.Н., 1974. Указ. соч.; Гишинский Я. Девиантология. Указ. соч. С. 361-370; Мальченкова А.Е. Стратификационные особенности суицидального поведения в современном обществе: дис. ... канд. соц. наук, 2002; Орлова И.Б. Самоубийство — явление социальное // Социологические исследования. 1998. №8.

³²⁹ Леви В. Искусство быть другим. М.: Знание, 1980.

³³⁰ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. М.: Мысль, 1995.

Аналогичная, динамика наблюдается в РСФСР — РФ (табл. 10): первый максимум (35-39) в те же «застойные» 80-е годы; сокращение до 23-24 в период горбачевской «перестройки» и постепенное возрастание до 41-42 к 1994-1995 гг. Так, если за 1980-1984 гг. («застой») в среднем за год было 49,7 тыс. самоубийств, за 1990-1994 гг. («постперестройка») — 48,5 тыс., то в течение 1985-1989 гг. («перестройка») — 37,0 тыс. человек кончали жизнь самоубийством³³¹.

С 2003 г. фиксируется постепенное снижение уровня завершённых самоубийств до 26 в 2009 г.

Важно отметить, что сокращение уровня самоубийств в середине 80-х («перестройка») с последующим ростом к середине 90-х гг. происходит во всех странах Прибалтики и Восточной Европы, подтверждая значение социально-политических изменений для суицидальных проявлений³³².

Положительная динамика последних лет в России пока не нашла приемлемого объяснения. Однако она совпадает с аналогичной динамикой самоубийств в других странах³³³ и — с аналогичным трендом уровня преступности и основных видов преступлений!³³⁴ Мне уже приходилось отмечать этот пока необъяснённый феномен. Может быть, такие девиантные проявления, как преступность и самоубийства, помимо выявленных зависимостей от экономических, социальных, политических, культурологических факторов, подчиняются неким общим внутренним закономерностям, не нашедшим пока научного объяснения?

При всех временных колебаниях Россия в течение многих лет занимает одно из первых мест в мире по уровню завершённого суицида. Так, в 1994 г. Россия по этому показателю заняла второе место

³³¹ Богоявленский Д.Д. Указ. соч. С. 78.

³³² Гишинский Я. Девиантология. Указ. соч. С. 360; Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / ред. Я. Гишинский. СПб.: Алетейя, 2000. С. 306-308; Värnik A., Sisask M., Kolves K. (Eds.) Essential Papers on Suicidology 1993-2008. Tallinn, 2008. Pp. 165, 173, 179.

³³³ Värnik A., Sisask M., Kolves K. (Eds.) Ibid. pp.279, 299-300; Värnik A., Sisask M., Värnik P. (Eds.) Baltic Suicide Paradox. Ibid. pp. 10-18.

³³⁴ Harrendorf S., Heiskanen V., Malby S (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki: HEUNI, 2010; Статистика МВД // URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/>

в мире после Литвы. На третьем месте была Латвия, на четвертом — Эстония, на пятом — Белоруссия, на шестом — Венгрия³³⁵. В 2007 г. наибольший уровень завершенных самоубийств был в Литве (42), далее шли Россия и Белоруссия (36-37), Казахстан (30), Венгрия (28,5), Латвия (26). Наименьший уровень, приближавшийся к нулю — в Египте, Гаити, Ямайке³³⁶. К 2010 г., по данным озвученным на международной конференции «*Developing an Evidence Base on Social and Public Health Determinants of Suicide in Eastern Europe*» (сентябрь 2010, Таллинн), Россия вышла на первое место в мире, обогнав Литву.

Небезынтересными представляются некоторые результаты диссертационного исследования Е.С. Ушаковой (под руководством автора этих строк) «Суицидальный риск: социологический анализ» (СПб, 2010), свидетельствующие о значении ряда социальных факторов в генезисе самоубийства³³⁷. В основу эмпирической части исследования был положен on-line опрос свыше 1200 респондентов (2006-2009 гг.), а также вторичный анализ опубликованных результатов исследований отечественных авторов.

Была показана значимая суицидогенная роль таких социальных факторов, как уровень образования: чем выше образовательный статус, тем ниже суицидальный риск (графики 3, 4) и профессиональный статус: чем «выше» статус, тем ниже суицидальный риск (графики 5, 6).

Весьма интересной оказалась выявленная зависимость суицидального риска от рассогласования профессионального и образовательного статусов. Несоответствие уровня образования социальному положению приводит к увеличению суицидального риска (графики 7, 8).

³³⁵ Värnik A., Sisask M., Kolves K. (Eds.). Ibid. pp. 116-119.

³³⁶ Статистика самоубийств // URL: <http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/statistic.htm>

³³⁷ Ушакова Е.С. Суицидальный риск: социологический анализ: дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2010; Ушакова Е.С. Суицидальные риски // Социологические исследования. №2. 2008; Ушакова Е.С. Суицидальный риск. Социологический анализ. Изд-во Lambert, 2011.

Таблица 9

**Уровень завершённых самоубийств в СССР
(на 100 тыс. населения)**

1965	1970	1975	1980	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990
17,1	23,1	25,8	28,9	29,7	24,6	18,9	19,1	19,5	21,0	21,1

Таблица 10

**Уровень завершённых самоубийств в России
(на 100 тыс. населения), 1980-2009**

1980	1984	1985	1986	1987	1988	1989
34,6	38,7	31,1	23,1	23,3	24,4	25,8

1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
26,4	26,5	31,0	38,1	41,8	41,4	39,4	37,6	35,4	39,3	39,3	39,7	39,5	36,5	34,3	32,2	31,0	28,8	27,0	26,5

График 3

**Зависимость суицидального риска
от уровня образования**

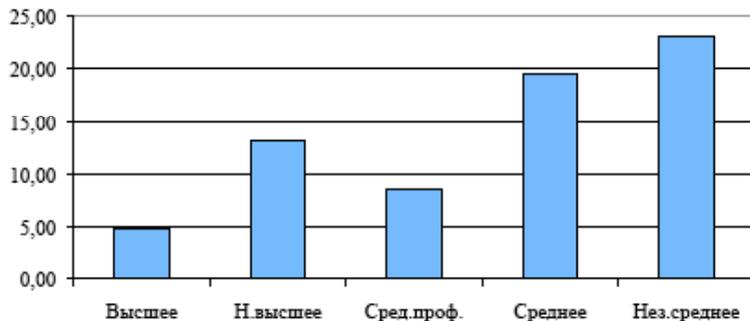

График 4

Зависимость суицидального риска от уровня образования

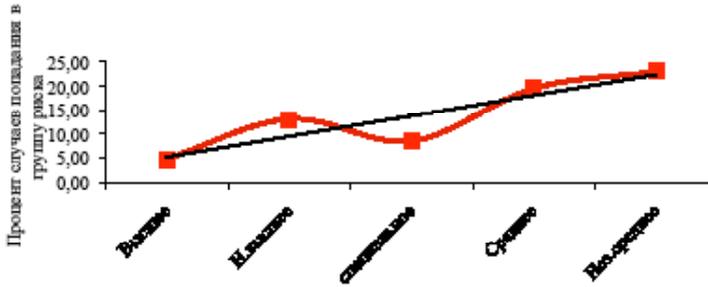

График 5

Зависимость суицидального риска от профессионального статуса

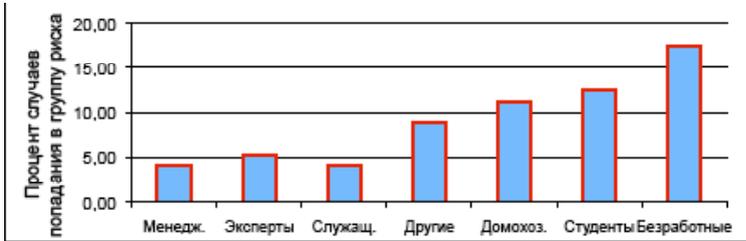

График 6

Зависимость суицидального риска от профессионального статуса

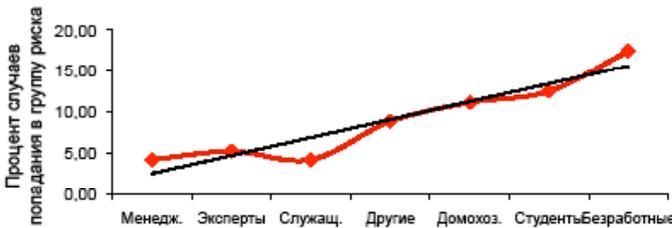

График 7

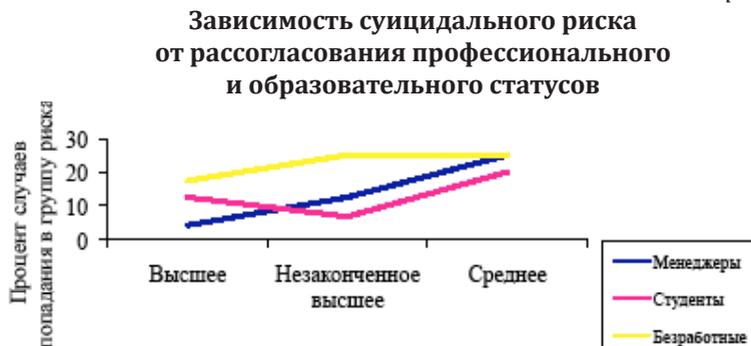
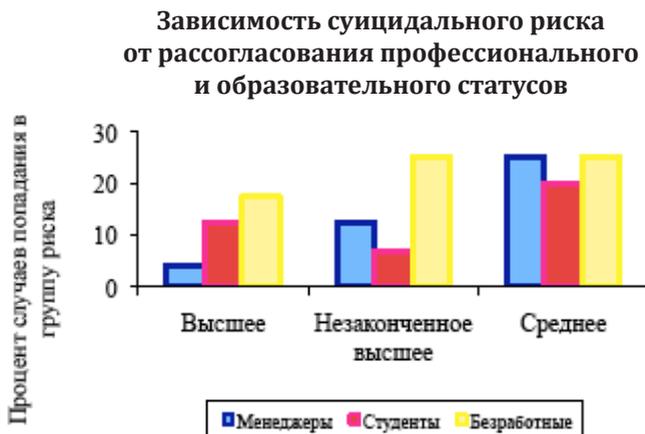

График 8

Теоретически девиантогенная (и криминогенная) роль рассогласования статусов была показана Л.И. Спиридоновым еще в 1973 г.³³⁸ Эмпирическим подтверждением тому явились, в частности, результаты исследования Е.С. Ушаковой.

Вышеизложенное, во-первых, подтверждает социальную природу самоубийств и, во-вторых, позволяет утверждать, что уровень и динамика суицидального поведения служит значимым показателем социальной, экономической, политической ситуации в той или иной стране.

³³⁸ Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. ЛГУ, 1973. С. 167.

Заключение

Даже относительно поверхностное рассмотрение темы социального насилия позволяет сделать ряд выводов.

- Если *агрессия* свойственна миру живого, как «средство» выживания в условиях конкуренции, соперничества различных биологических видов и особей, то *насилие* — сугубо социальный феномен, присущий только человеческому обществу.
- Природа сыграла злую шутку со своим «венцом»: позволив в процессе эволюции рода *Homo Sapiens* приобрести обществу невиданные ранее средства выживания, развития, совершенствования, повышения негэнтропийного потенциала, — одновременно «сняла» биологический запрет уничтожать представителей своего рода.
- С момента возникновения человечества его представители систематически калечат и уничтожают себе подобных в бесконечных войнах, межгосударственных, межэтнических, межконфессиональных, межличностных конфликтах.
- С развитием человечества совершенствуются орудия взаимного уничтожения, ширятся масштабы, сферы и институты распространения насилия (политика, экономика, образование, право, семья, досуг, спорт и др.), которое приобретает *тотальный* характер.
- Социальное насилие навсегда связано с человеком (*Ecce homo!*), обществом. Раз возникнув, оно будет сопровождать всю историю человечества. Утопичны намерения «ликвидировать», «преодолеть» насилие.
- Историческая задача — *минимизировать* проявления многоликого социального насилия и его разрушительные последствия. Удастся ли это человечеству — вопрос его жизни и смерти.

Несмотря на огромную литературу по проблемам социального насилия и его отдельным проявлениям (преступное насилие, война, политическое насилие, экономическое насилие, семейное насилие и др.), специальную отрасль знания — вайоленсологию (к сожалению, не распространенную в России), углубленное системное изучение и понимание этого феномена — дело будущего.

Хорошо бы, конечно, создать Институт вайоленсологии, набрать талантливых молодых политологов, социологов, экономистов, юристов и заняться системным изучением системного социального насилия. Но, как говорил В. Маяковский, «в утопии и утопли»!...

И последнее. Несмотря на предмет настоящего исследования, не хотелось бы рисовать всю историю человечества только черной краской. Есть в сообществе людей Любовь и Дружба, Творчество и земные радости. Есть понимание того, что *единственная ценность каждого* жителя Земли — *его Жизнь*, единственная и неповторимая, которую нельзя отнимать во имя чего бы то ни было («благо отечества», «чистота веры», «дело чести»). И что смерть каждого — конец небольшой, но очень индивидуальной, уникальной, неповторимой Вселенной. «Не спрашивай, по ком звонит колокол, он звонит по тебе».

P.S.: Конечно, следовало мне, автору еще хотя бы пару лет поработать над этой необъятной темой. Привести еще пару сотен примеров, разработать темы «спортивное насилие» (спорт, как насилие), детское насилие и насилие над детьми, семейное насилие (не отнимая пальмы первенства у профессора Д.А. Шестакова, автора ряда работ по криминофамилистике), религиозное насилие (религия как насилие), производственное насилие, насилие в искусстве и науке (вспомним «Брат мой, враг мой» У. Митчелла или «Герои и еретики» Б. Данэма). Но годы быстротекущей жизни торопят. И я рискую вынести сей труд на суд читателей.

Список литературы

1. Абрамкин В.Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996. (9³³⁹).
2. Аврутин Ю.Е., Гишинский Я.И. Криминологический анализ преступности в регионе: методология, методика, техника. СПб.: Акад. МВД, 1991. (4).
3. Айдинян Р.М. Введение в теорию социальной организации: Учебное пособие. Л., 1980. (2).
4. Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном обществе. СПб ГУ, 2004. (5).
5. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998. (6).
6. Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В. Криминальная сексология. М.: Спарк, 1999. (4).
7. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. (9).
8. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. (9).
9. Аснер П. Насилие и мир: От атомной бомбы до этнической чистки. СПб.: Всемирное слово, 1999. (1; 9).
10. Бабиченко К.Н. Дискриминация и преступления на почве ненависти: квалификация и предупреждение. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. (5).
11. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М., 2004. (8).
12. Бассин Ф. Тяжкое бремя легких аналогий / Диалоги: (Политические статьи о возможных последствиях развития современной науки). М., 1979. (1).

³³⁹ Здесь и далее в скобках указывается номер главы, в которой используется соответствующий литературный источник.

13. Бассиони К. Воспитание народоубийц. СПб.: Академический проект, 1999. (1).
14. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. (3; 7).
15. Бек У. Общество риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000. (7).
16. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. (3).
17. Бекер Д. Понятие системного насилия. В: Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. (2).
18. Белл Д. Преступление как американский образ жизни // Социология преступности. М., 1966. (3).
19. Беловранин А. Черная книга. М.: Arsis Books, 2011. (4).
20. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. (5).
21. Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978. (6).
22. Богоявленский Д.Д. Российские самоубийства и российские реформы // Социологические исследования. 2002. №5. (10).
23. Бокль. История цивилизации в Англии. СПб., 1886. (10).
24. Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. №3-4. (5).
25. Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика. Челябинск: Социум, 2004. (8).
26. Будницкий О.В. (автор-составитель). История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996. (6).
27. Бурова Н.В. Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения. СПб., 2006. (8).
28. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. (8).
29. Вандышев В.В. Жертвы тяжкого преступного насилия. СПб.: МИЭП, 2007. (4).
30. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. (2).
31. Вебстер В.Х. Российская организованная преступность — проект глобальной организованной преступности. Вашингтон: Центр стратегических и международных исследований, 1997. (7).
32. Верхи и низы русского национализма. М., 2007. (5).
33. Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Политическая ксенофобия. М., 1999. (5).
34. Винер Н. Я — математик. М., 1967. (1).

35. Владимир Овчинский: уголовная статистика управляема // URL: <http://www.vz.ru/news/2009/3/5/262484.html> (дата обращения 06.09.2011). (4).
36. Все страны мира (2005) // Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека. № 93. М., 2005. (5).
37. Гернет М.Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. Юр. Издат Украины, 1930. (9).
38. Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974. (3; 10).
39. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. С. 357. (9).
40. Гишинский Я.И. О системном подходе к преступности // Правоведение. 1981. №5. (2).
41. Гишинский Я. Онтологический трагизм бытия, или Размышления малицириста // Молодежь: Цифры. Факты. Мнения. 1995. №2-3. (2).
42. Гишинский Я. Человек человеку волк? // Рубеж. 1995. №6-7. (2).
43. Гишинский Я.И. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. (9).
44. Гишинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004. (5).
45. Гишинский Я.И. Судьбы либерализма в России: размышления профана // Индекс: Досье на цензуру. 2004. №21. (7).
46. Гишинский Я.И. Толерантность в России: возможность и невозможность. В: Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном мире. СПб ГУ, 2004. (5).
47. Гишинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. №6. (3; 7).
48. Гишинский Я.И. Интолерантность в современной России. В: Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб ГУ, 2005. (5).
49. Гишинский Я.И. Криминальные риски в России // Российский криминологический взгляд. 2005. №2. (7).
50. Гишинский Я.И. Социология о пытках в современной России // Неволя. 2006. №10. (9).

51. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Изд. 2-е. СПб., 2007. (5; 7; 10).
52. Гишинский Я. Догоним и перегоним Америку? // Неволя. №13. 2007. (9).
53. Гишинский Я.И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии. В: Российский ежегодник уголовного права. 2007. СПбГУ, 2008. (2).
54. Гишинский Я.И. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова). В: Экономика и право / ред. А. Заостровцев. СПб.: Наука, 2009. (2).
55. Гишинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. (Предисловие; 4; 5).
56. Гишинский Я. Запрет как фактор развития организованной преступности, теневого рынка и коррупции. В: Экономика и институты / ред. А. Заостровцев. СПб: Леонтьевский центр, 2010. (9).
57. Гишинский Я. Я в Мире, Мир во мне. Неоконченные мемуары. СПб.: Деан, 2010. (3).
58. Гишинский Я. Новый мир? Размышления профана (2011) (URL: <http://crimpravo.ru/blog/1016.html>, URL: <http://polit.ru/lectures/2011/05/06/bauman.html>). (2).
59. Гишинский Я. «О, дивный новый мир!» О. Хаксли сегодня. В: Россия в меняющемся мире: вызовы и возможности. Сборник материалов. Т. 1. СПб.: РТА, 2012. (2).
60. Гишинский Я., Позднякова М., Рыбакова Л. Криминологическая характеристика изнасилований. В: Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями. М.: ИС РАН, 1988. (2).
61. Гишинский Я.И., Юнацкевич П.И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: Учебное пособие. СПб., 1999. (10).
62. Глобализация и девиантность / ред. Я. Гишинский. СПб., 2006. (3).
63. Грант В. Эволюция организмов. М., 1980. (2).
64. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. №6. (1).
65. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. (8).

66. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979. (8).
67. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / ред. Я. Гилинский. СПб.: Алетейя, 2000. (10).
68. Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гилинский, Т. Шипунова. СПб.: Альфа-Пресс, 2012. (3).
69. Дедовщина в армии / ред. С.А Белановский. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования, 1991. (4).
70. Дело о палачах на зарплате // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2101012> (дата обращения 21.01.2013). (9).
71. Денисов В.В. Проблема социального насилия в современной буржуазной философии // Вопросы философии. 1973. №11. (3).
72. Денисов В.В. Социология насилия. М.: Политиздат, 1975. (2).
73. Дети в тюрьме / ред. В. Абрамкин. М., 2001. (9).
74. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. (9).
75. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. (6).
76. Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности: Судебная практика и методология доказывания / ред. А.К. Соболева. М., 2005. (5).
77. Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: 2000. (6).
78. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: Социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000. (1; 2; 6; 9).
79. Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. М.: ЦКИ РАН, 1993. (6).
80. Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. М., 2005. (3; 5).
81. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год. В: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л., 1982. Т. 24. (10).
82. Другой — чужой — враг // Индекс: досье на цензуру, 2005. (5).
83. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. (10).
84. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. (6).
85. Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М., 2003. (7).

86. Ерохина Л., Буряк М. Проблема торговли людьми согласно российским экспертным оценкам (социологический подход) // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. М.: Юрист, 2003. (7).
87. Ефремов А.М. Жертвы жесткости — дети. М., 1985. (1).
88. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: Проспект, 2009. (9).
89. Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство. М.: Новости, 1991. (9).
90. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008. (8).
91. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. (1;8).
92. Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011. (8).
93. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000. (1;2).
94. Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право, 1999, №1. (8).
95. Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998. (9).
96. Ивлева В. Страна одиноких детей // Новая газета, 06-08.11.2006. (7).
97. Институт философии РАН предупреждает: российское общество развивается асимметрично // URL: <http://www.regnum.ru/news/801388.html#ixzz2H281ChbU> (дата посещения 30.12.2012) (5).
98. Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. (4).
99. Исаев Н.А. Серийные преступления на сексуальной почве. Орел, 2007. (4).
100. История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988. (2).
101. Кабанов П.А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000. (6).
102. Камшилов М.М. Эволюция биосферы. М., 1979. (1).
103. Камю А. Миф о Сизифе. В: Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. (10).

104. Клямкин И.М., Тимофеев Л.Н. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М., 2000. (8)
105. Конструирование девиантности / ред. Я. Гишинский. СПб.: ДЕАН, 2011. (3; 5; 9).
106. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997. (6).
107. Константинов А., Дикселиус М. Бандитская Россия. СПб.: Библиополис, 1997. (7).
108. Коробейников Б.В., Селиванов Н.А., Скворцов К.Ф. Изучение факторов, влияющих на изменение уровня и структуры преступности // Советское государство и право. 1982. №1. (3).
109. Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М.: Водолей, 2009 (1).
110. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца. 2-е изд. М., 2001. (8; 9).
111. Кристи Н. Плотность общества. М., 2001. (8).
112. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб.: Алетейя, 2011. (8; 9).
113. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб.: Алетейя, 2011. (3; 9).
114. Ксенофобия и другие формы нетерпимости. Природа, причины и пути устранения. СПб ГУ, 2007. (5).
115. Кугай А.И. Насилие в контексте современной культуры. СПб.: РНБ, 2000. (1)
116. Кузовков Ю.В. Мировая история коррупции. Интернет-версия. 2010. URL: http://www.yuri-kuzovkov.ru/second_book/ (дата обращения 28.01.2012). (8).
117. Купер Р. Россия, Запад и глобальная цивилизация. В: Россия и Запад в новом тысячелетии: Между глобализацией и внутренней политикой. М.: George C. Marshall, European Center for Security Studies, 2003. (3).
118. Лаврин А. Хроника Харона: Энциклопедия смерти. М.: Московский рабочий, 1993. (10).
119. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001-2006 / ред. С.М. Иншаков. М.: ЮНИТИ, 2007. (4).
120. Леви В. Искусство быть другим. М.: Знание, 1980. (10).
121. Левитин К. Горящий светильник. М., 1983. (2).
122. Лихачев В. Нацизм в России. М., 2002. (5).
123. Лоренц К. Агрессия. М.: Прогресс, 1994. (3).

124. Лукреций. О природе вещей. М., 1958. (1).
125. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. (3).
126. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. (9).
127. Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006. (3; 8).
128. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., М.: Wolters Kluwer, 2005. (4).
129. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. М.: Юрайт, 2011. (4).
130. Мальченкова А.Е. Стратификационные особенности суицидального поведения в современном обществе: дис. ... канд. соц. наук, 2002. (10).
131. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969. (2; 3).
132. Маркарян Э.С. Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник. 1980. М., 1981. (1).
133. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М.: Наука, 1983. (2; 3).
134. Маркс К., Энгельс Ф. Наемный труд и капитал. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. (3).
135. Мацкевич И.М., Эминов В.Е. Преступное насилие среди военнослужащих. М.: Юрист, 1994. (4).
136. Методологические вопросы изучения социальных условий преступности / ред. А.Б. Сахаров. М., 1979. (3).
137. Минеев А. Главный итог Давоса: капитализм вышел из моды // Новая Газета, 02.02.2012. (8).
138. Михлин А.С. Роль социальных и демографических свойств личности осужденных. М.: ВНИИ МВД, 1970. (9).
139. Михлин А.С. Общая характеристика осужденных (по материалам специальной переписи 1989 г.). М.: ВНИИ МВД, 1991. (9).
140. Многоликая глобализация / ред. П. Бергер, С. Хантингтон. М.: Аспект-Пресс, 2004. (3).
141. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М., 1987. (1; 2 3).
142. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. (3).
143. Мониторинг дискриминации и национал-экстремизм в России. М., 2005. (5).

144. Моргуленко Е.А. Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. (4).
145. Нарушения прав человека в армиях стран СНГ. М.: МОПЧ, 1992. (4).
146. Национализм и расизм в России // Pro et Contra. 2005. Т. 9. №2 (29). (5).
147. Неформальная экономика. Россия и мир / ред. Т. Шанин. М., 1999. (8).
148. Овчинникова Г.В. Терроризм. СПб.: Юридический институт Генеральной прокуратуры, 1998. (6).
149. Олейник А.Н.. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001. (9).
150. Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право, 2004, №8. (3).
151. Ольков С.Г. Аналитическая криминология (курс лекций). Казань: Познание, 2007. (3).
152. Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / ред. А.И. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. (7).
153. Орлова И.Б. Самоубийство — явление социальное // Социологические исследования. 1998. №8. (10).
154. Остальский А. Восстание дна // The New Times, 2011. №44-45. (8).
155. Осторожно, тюрьма... М., 2006. (9).
156. От «страны тюрем» к обществу с ограниченным применением боли. Финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки, 2012. (9).
157. Парсонс Т. Общий обзор. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. (3).
158. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. (3).
159. Пирожков В.Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 35. (9).
160. Письма из зоны — 87 / ред. В. Абрамкин. М., 1993. (9).
161. Письмо М.А. Федотову от Борщева В.В. // URL: http://www.president-sovet.ru/structure/group_8/materials/letter_from_borscheva/index.php (дата обращения: 12.08.2012).

162. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология. 1999. (3).
163. Подрабинек А.П. Карательная медицина. Нью-Йорк: Хроника, 1979. (9).
164. Поликовский А. Рабы эпохи хай-тек // Новая Газета. 16.01.2012. (8).
165. Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.(9).
166. Положение детей в мире 2011. Доклад UNICEF // URL: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=gmail&attid=0.8&thid=13c0f7c1a1d76d0b&mt=application/pdf&url=https://mail.google.com/mail/?ui%3D2%26ik%3D135c552dcb%26view%3Datt%26th%3D13c0f7c1a1d76d0b%26attid%3D0.8%26disp%3Dsafe%26zw&sig=АНIEtTpOBtv6S6ljO4HCwRZ-wbnsWw3TA> (дата обращения 15.10.2012). (1).
167. Полотовская И.Л. Смерть и самоубийство: Россия и мир. СПб.: ДБ, 2010. (10).
168. Попов Г. (О бунте среднего класса, 2011) URL: <http://www.voanews.com/russian/news/russia/Interview-with-Gavriil-Popov-on-OWS-2012-01-31-138407479.html> (дата обращения 04.02.2012). (8).
169. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966. (5).
170. Пределы толерантности в современном обществе. СПб ГУ, 2003. (5).
171. Преступность и культура / ред. А.И. Долгова. М.: Криминологическая Ассоциация, 1999. (4).
172. Преступность и правонарушения. Статистический сборник. Ежегодник. (4).
173. Преступность, криминология, криминологическая защита / ред. А.И. Долгова. М., 2007. (7).
174. Проблемы глобализации // Pro et Contra Т. 4. № 4. 1999. (3).
175. Противодействие торговле людьми: Сборник нормативных правовых документов / Н.И. Абубикирова. М.: ЭКСлит, 2004. (7).
176. Психиатрия. Национальное руководство / Под ред. Дмитриевой Т.Б., Краснова В.Н., Незнанова Н.Г., Семке В.Я., Тиганова А.С. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. (9).
177. Пудовочкин Ю.Е. Преступления против несовершеннолетних: криминологический анализ. Ростов-н/Д, Ставрополь, 2004. (1).

178. Рабыни мы // URL: <http://www.mn.ru/society/20130115/335258454.html> (дата обращения: 15.01.2013). (7).
179. Радикальный русский национализм. Структуры, идеи, лица. М., 2009. (5).
180. Распятие в «Крестах»-2 // Час Пик, 1998, 4 марта. (9).
181. Рейсман В.М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. М., 1988. (2).
182. Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск: ИГЭА, 2001. (7).
183. Репецкая А.Л. Криминальная эксплуатация людей в Восточной Сибири // Организованная преступность, терроризм и коррупция Криминологический альманах. 2003. №3. (7).
184. Ростов К.Т. Преступность в регионах России. СПб.: СПб Академия МВД РФ, 1998. (4).
185. Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация. М., 1984. (1).
186. Симонов П. Ошибки биологического пессимизма // Диалоги: (Политические статьи о возможных последствиях развития современной науки). М., 1979. (1).
187. Симонов П. Степень человечности // Диалоги: (Политические статьи о возможных последствиях развития современной науки). М., 1979. (1).
188. Симонов П.В. Детерминизм и свобода выбора // Методологические проблемы физиологии высшей нервной деятельности. М., 1982. (3).
189. Симонов П. Знание — против зла // Диалоги: (Политические статьи о возможных последствиях развития современной науки). М., 1979. (1).
190. Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень, 2007. (3).
191. Скифский И.С. Прогнозирование преступности: опыт статистического моделирования. Тюмень: ГНГУ, 2009. (3).
192. Скоробогатов А.С. Дилемма диктатора и «проблема царя Ирода»: особенности советской системы принудительного труда. В: Экономика и право / ред. А. Заостровцев. СПб.: Наука, 2009. (8).
193. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. (9).

194. Смертная казнь: за и против. М.: Юрид. лит-ра, 1989. (5).
195. Сорокин П.А. Самоубийство, как общественное явление. Рига: Наука и жизнь, 1913. (10).
196. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. (2).
197. Состояние преступности в России. Ежегодник. (4, 5).
198. Социальная работа по профилактике и преодолению насилия, агрессии в молодежной среде. М., 1996. (2).
199. Социальное рыночное хозяйство. Концепции, практический опыт и перспективы применения в России / ред. Р. Нуреев. М.: ГУВШЭ, 2007. (8).
200. Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / ред. И. Ясавеев. Казань: ИКУ, 2007. (5).
201. Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород, 2007. (9).
202. Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. ЛГУ, 1973
203. Старков О.В. Бытовые насильственные преступления. Рязань: ВШ МВД РФ, 1992. (4).
204. Статистика МВД // URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/> (дата обращения 31.12.2012). (7; 10).
205. Статистика самоубийств по странам // URL: <http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/countries.htm> (дата обращения 30.12.2012). (10).
206. Стерн В. Альтернативы тюрьмам: Размышления и опыт. Лондон-М., 1996. (9).
207. Стерн В. Грех против будущего: Тюремное заключение в мире. М.: Penal Reform International (PRI), 1998. (9).
208. Стиглиц Й. Последствия кризиса // Project Syndicate // URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/global-warming--inequality--and-structural-change-by-joseph-e--stiglitz/russian#D08CbslizzaCWfib.99> (дата обращения 07.01.2013). (8).
209. Стоекер С. Организованная преступность как фактор роста числа случаев торговли людьми // Организованная преступность и коррупция. Альманах. 2000. №1. (7).
210. Теневая экономика — 2007. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности М., 2008. (8).
211. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / ред. С.М. Иншаков. М.: Юнити-Дана, 2011. (4).

212. Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России: теория, анализ, модели. М., 2008. (8).
213. Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб ГУ, 2005. (5).
214. Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб ГУ, 2006. (5).
215. Торговля людьми: Социокриминологический анализ / ред. Е. Тюрюканова, Л. Ерохина. М., 2002. (7).
216. Тоффлер О. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. (2).
217. Тоффлер О. Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. (2).
218. Тоффлер О. Прогнозы и предпосылки // Социологические исследования. 1987. №5. (2).
219. Туровская М. «Преступления века» и «массовая цивилизация» // Новый мир. 1968. №7. (2).
220. Тюремный мир глазами политзаключенных / ред. В. Абрамкин М., 1993. (9).
221. Тюрюканова Е. Принудительный труд в современной России: Нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева, 2006. (7).
222. Тюрьма — не женское дело. М., 2000. (9).
223. Уилсон Э. «Степень животности» // Диалоги: (Политические статьи о возможных последствиях развития современной науки). М., 1979. (1).
224. Усанов П.В. Праксиология Л. фон Мизеса — экономическая теория XXI века. В: Экономика и общество. СПб.: Леонтьевский центр, 2011. (8).
225. Уходящий год в Венесуэле поставил рекорд по числу убийств // URL: <http://ria.ru/world/20121228/916531857.html#13569513036322&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration> (дата обращения 31.12.2012)
226. Ушакова Е.С. Суицидальные риски // Социологические исследования. №2. 2008. (10).
227. Ушакова Е.С. Суицидальный риск: социологический анализ: дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2010. (10).
228. Ушакова Е.С. Суицидальный риск. Социологический анализ. Изд-во Lambert, 2011. (10).
229. Ферро М. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. (6).

230. Фокс В. Введение в криминологию. М.: Прогресс, 1980. (2).
231. «Форум 2000» // URL: <http://deviantology.spb.ru/events/forum-2000/> (последнее посещение 15.12.2011). (3).
232. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. (10).
233. Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. Челябинск: Социум, 2003. (8).
234. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. (2; 3;9).
235. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. Киев: Дух и Литера, 1998. (9).
236. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. (9).
237. Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1973-1974 уч. году. СПб.: Наука, 2007. (9).
238. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ МОСКВА, 2010. (9).
239. Фуко М. Рождение клиники. М.: Академический проект (Психологические технологии), 2010. (9).
240. Характеристика подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах: по материалам специальной переписи 1999 г. / ред. А.С. Михлин. М.: Юриспруденция, 2000. Т. 1. (9).
241. Характеристика осужденных к лишению свободы: по материалам специальной переписи 1999г. / ред. А.С. Михлин. М.: Юриспруденция, 2001. Т. 2. (9).
242. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 1. (1; 3).
243. Холличер В. Человек и агрессия. М.: Прогресс, 1975. (3).
244. Хохряков Г.Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985. (9).
245. Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. М.: Юридическая литература, 1991. (9).
246. Чайковский Ю. К общей теории эволюции // Путь. 1993. №4. (2).
247. Чаликова В. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. (6).
248. Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии целостности. М.: МОНФ, 1999. (3).
249. Черная книга преступлений против детей в Санкт-Петербурге. Факты. Документы. Комментарии. СПб., 1994. (1).
250. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. (9).

251. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М., 1995. (3; 10).
252. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М.: Новое литературное обозрение, 1999. (10).
253. Шестаков Д.А. Криминология: Краткий курс. СПб.: Лань, 2001. (9).
254. Шестаков Д.А. Семейная криминология (криминофамилистика). СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. (4).
255. Шмальгаузен И.И. Кибернетические вопросы биологии. Новосибирск, 1968. (1).
256. Шнайдер Г.Й. Криминология. М.: Прогресс-Универс, 1994. (6).
257. Экстремизм и другие криминальные явления / под ред. А.И. Долговой. М.: РКА, 2008. (9).
258. Этос глобального мира. М., 1999. (3)
259. Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор-Бук, 2005. (3; 4).
260. Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации. Тюмень: ТЮИ МВД, 2007. (3).
261. Юрьева Л.Н. Клиническая суицидология. Днепропетровск: Пороги, 2006. (10).
262. Язык вражды против общества. М., 2007. (5).
263. Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М., 1988. (2).
264. Яницкий О.Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. №1/2. (3).
265. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004. (5).
266. Abolitionism in History: On another Way of Thinking. Warsaw, 1991. (9).
267. Aebi M., Stadnic N. Council of Europe. Space I (Council of Europe Annual Penal Statistics) Survey 2005. Strasbourg, 2007. (9).
268. Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990. (9).
269. Althoff M., Cremer-Schafer H., Loschper G., Reinke H., Smaus G. Integration und Ausschliessung: Kriminalpolitik und Kriminalitat in Zeitengesellschaftlicher Transformation. Baden-Baden, 2001. (8).
270. Akers R. Deviant Behavior: A Social Learning Approach. Belmont, California: Wadsworth, Inc., 1985. (10).
271. Ardrey R. African Genesis. NY, 1967. (1).
272. Ardrey R. The Violent Way // Life, Vol. 69. №11, 1970. (3).

273. Aroma K, Heiskanen M (Eds.) Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995-2004. Helsinki: HEUNI, 2008. (9)
274. Barclay G., Tavares C., Siddique A. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 1999 // Home Office Statistical Bulletin, 2001 May, Issue 6/01. (9).
275. Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal Justice statistics, 2001 // Home Office, 2003. (4; 9).
276. Baylis J., Smith S. (Eds.) The Globalization of World Politics. Oxford University Press, 1997. (3).
277. Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge: Polity Press, 2004. (3).
278. Champion D.J. Corrections in the United States. A Contemporary Perspective. Fourth Edition. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005. (9).
279. Combating Hate Crimes in the OSCE Region: An Overview of Statistics, Legislation, and National Initiatives, Warsaw, 2005 (5).
280. Consedine J. Restorative Justice: Healing the Effects of Crime. Ploughshares Publication, 1995. (9).
281. Cutter F. Art and the Wish to Die. Chicago: Nelson-Hall, 1983. (10).
282. Das neue taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. (6; 9).
283. Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Published, Inc, 1996. (9).
284. Electronic Monitoring: The Trials and their Results. L., Home Office. 1990. (9).
285. Elliot D., Hamburg B., Williams K. (Eds.) Violence in American Schools. Cambridge University Press, 1998. (4).
286. Ferrel J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008. (3).
287. Finer C., Nellis M. (Eds.) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers, Ltd., 1998. (6).
288. Freud S. Arguments for Instinct of Aggression and Destruction // Abstracts of S. Freud. Parkville, 1971. Vol. XXI. (1).
289. Freud S. Gesammelte Werke. 1991. (3).
290. From Russia with sex // New York, August, 10,1998. (7).
291. Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3. №4. (6).
292. Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent «Law and Order» Policies // The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40. №3. (3).
293. Garland D. The Culture of Control. Oxford University Press, 2001. (3).

294. Goldstein A., Segall M. (Eds.) *Aggression in Global Perspective*. Pergamon Press, 1983. (1).
295. Gregoriou Ch. (Ed.) *Constructing Crime. Discourse and Cultural Representation of Crime and «Deviance»*. Palgrave Macmillan, 2012. (9).
296. Gurvich I., Rusakova M., Pyshkina T., Yakovleva A. *The Commercial Sexual Exploitation of Children in St. Petersburg and Northwest Russia. Save the Children. Sweden: Stockholm, 2002. (7).*
297. Hall N. *Hate Crime*. Willan Publishing, 2005. (5).
298. Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) *International Statistics on Crime and Justice*. Helsinki: HEUNI, 2010. (4; 9; 10).
299. Hassner P. *La violence et la paix. De la bombe atomique au nettoyage ethnique*. Edition Esprit, 1995. (Предисловие).
300. Heiskanen M., Ruuskanen E. *Men's Experiences in Finland 2009*. Helsinki: HEUNI, 2011. (4).
301. Hendrics J., Byers B. *Crisis Intervention in Criminal Justice*. Charles C Thomas Publishing, 1996. (9).
302. Herz A. *Trafficking in human Beings: An Empirical Study on Criminal Prosecution in Germany*. Freiburg in Br., MPI, 2006. (7).
303. Jacobs J., Potter K. *Hate Crimes. Criminal Law and Identity Politics*. Oxford University Press, 1998. (5; 6).
304. Jovaišas K. *Smurto šeimoje prevencija: iliuzijų anatomija*. Vilnius: Eugrimas, 2009. (Предисловие; 3).
305. Junger-Tas J. *Alternatives to Prison Sentences: Experiences and Developments*. Amsterdam, NY, 1994. (9).
306. Kanfler J. *L'exclusion sociale: Etude de la marginalité dans les sociétés occidentales*. Paris: Bureau de Recherches sociaux, 1965. (6).
307. Kangaspunta, K. *Mapping the inhuman trade: preliminary findings of the database on trafficking in human beings // Forum on Crime and Society*. 2003. Vol.3, №1, 2 (7).
308. King R., McDermott R. *The State of our Prisons*. Oxford: Clarendon Press, 1995. (9).
309. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1948. (5).
310. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard P. *Sexual Behavior in the Human Female*. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1953. (5).
311. Kressel N. *Masse Hate: The Global Rise of Genocide and Terror*. Plenum Press, 1996. (1; 6).
312. *Lagebild Menschenhandel*. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 1999, 200, 2001. (7).

313. Laqueur W. *Terrorism*. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977. (6).
314. Laqueur W. *The Age of Terrorism*. Toronto: Little, Brown & Co, 1987. (6).
315. Lenoir R. *Les exclus, un français sur dix*. Paris: Seuil, 1974. (3; 6).
316. Lester D. *Suicide in Creative Women*. Nova Science Publishers, Inc., 1993. (10).
317. Levin J., McDevitt J. *Hate Crimes. The Rising Tide of Bigotry and Bloodshed*. Plenum Press, 1993. (5).
318. Long D. *The Anatomy of Terrorism*. The Free Press, 1990. (6).
319. Lorenz K. *Das sogenannte Böse*. Wien, 1965. (1).
320. Lorenz K. *On aggression*. NY, 1967. (1).
321. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) *The Oxford Handbook of Criminology*. Fourth Ed. Oxford University Press. 2007 (3).
322. Mathiesen T. *The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory // Scandinavian Studies in Criminology*. Oslo-London, 1974. (9).
323. Mittelman J.H. (Ed.) *Globalization: Critical Reflection*. L.: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1997. (3).
324. Moran T. *On the Theoretical and Methodological Context of Cross-National Inequality Data // International Sociology*. 2003. Vol. 18. №2. (3).
325. Mullen P., Pathé M., Purcell R. *Stalkers and their Victims*. Cambridge University Press, 2000. (5).
326. Newman G. (Ed.) *Global Report on Crime and Justice*. Oxford University Press, 1999. (5; 9).
327. Paik P. *From Utopia to Apocalypse: Science Fiction and the Politics of Catastrophe*. University of Minnesota Press, 2010. (3).
328. Pepinsky H. *The Geometry of Violence and Democracy*. Indiana University Press, 1991. (3).
329. Podgórecki A. *Patalogia życia społecznego*. Warszawa, 1969. (3; 10).
330. Ramberg I. *Islamophobia and its consequence on Young People*. Budapest, 2004. (5).
331. Retterstol N. *Suicide: A European Perspective*. Cambridge University Press, 1993. (10).
332. Rotwax H. *Guilty. The Collapse of Criminal Justice*. NY: Random House, 1996. (9).
333. Schneidman E. *Definition of Suicide*. Jason Aronson Inc., 1994. (10).
334. Seiter R. *Corrections: An Introduction*. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005. (9).
335. Simmel J. *Philosophie des Geldes*. Berlin, 1958. (2).

336. Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention. Stockholm, 2006. (5).
337. Steinert H. The Idea of Prevention and the Critique of Instrumental Reason. In: Albrecht G., Ludwig-Mayerhofer W. (Eds.) *Version and Informal Social Control*. Berlin: Walter de Gruyter and Co., 1995. (9).
338. Taylor I. (Ed.) *The Social Effects of Free Market Policies*. An International Text. Harvester Wheatsheaf, 1990. (8).
339. Taylor I., Walton P., Young J. *The New Criminology: For a Social Theory of Deviance*. L., 1973. (8).
340. *The Sex Trade: Trafficking of Women and Children in Europe and the US*. Testimony of Anita Botti, Deputy Director for International Women's Initiatives. Hearing before the Commission on Security and Cooperation in Europe. Washington, June, 29, 1999. (7).
341. *Trafficking in Human Beings: First Report of the Dutch National Rapporteur*. The Hague: Bureau NRH, 2002. (7).
342. *Trafficking in Women: Situation Report. №1-5*. Stockholm: National Criminal Investigation Department, 1998-2002. (7).
343. Tsytsarev S., Gilinsky Y. The Roots of Violence in Modern Russia: A Psychocriminological Analysis. In: Adler L., Denmark F. (Eds.) *International Perspectives on Violence*. Praeger Publishers, 2004. (Предисловие).
344. Tutt N. (Ed.) *Violence*. L.: Her Majesty's Stationary Office, 1976. (1).
345. URL: <http://sovet-roditeley.ru/news/2012-09-15-216> (дата обращения: 27.01.2013). (9).
346. Värnik A., Sisask M., Kolves K. (Eds.) *Essential Papers on Suicidology 1993-2008*. Tallinn, 2008. (10).
347. Värnik A., Sisask M., Värnik P. (Eds.) *Baltic Suicide Paradox*. Tallinn: TLV Press, 2010. (10).
348. Wallace H. *Family Violence: Legal, Medical, and Social Perspectives*. Allyn and Bakon, Needham Heights, 1996. (4).
349. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the world system // *International Sociology*. 2000, Vol. 15, N3. (8).
350. Walsh A. *Biosociology: An Emerging Paradigm*. Praeger Publishers, 1995. (2).
351. Walsh A. *Biosocial Criminology. Introduction and Integration*. Cincinnati OH: Anderson Publishing Co., 2002. (2).
352. *World Health Statistics*. Geneve. Annual (4).
353. Young J. *The Exclusive Society*. SAGE, 1999. (3; 6).
354. Young J. *The Vertigo of Late Modernity*. SAGE, 2007. (3; 8).

Оглавление

Предисловие	3
Часть I. Теория и методология	5
Глава 1. Человек человеку волк?	5
Глава 2. Социальное насилие.....	15
Глава 3. «Кто виноват?» и «что делать?»	28
Часть II. Феноменология насилия	49
Глава 4. Насильственная преступность.....	49
Глава 5. Экстремизм и преступления нанависти.....	66
Глава 6. Терроризм.....	87
Глава 7. Торговля людьми	94
Глава 8. Экономическое насилие	107
Глава 9. Политическое (государственное) насилие.....	120
Глава 10. Аутоагрессии.....	151
Заключение	163
Литература	165

ГИЛИНСКИЙ

Яков Ильич

доктор юридических наук, профессор

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

Монография

Генеральный директор ООО ИД «Алеф-Пресс» профессор Исаев Н.А.

Верстка О.В. Панова
Тираж 500 экз.